

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

На правах рукописи

Ван Лэлэ

**ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АВТОРА
В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»)**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент,
Валентинова О.И.

Москва 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА АВТОРА И СПОСОБЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ	10
1.1. Образ автора и автор: отношения нетождественности и подобия.....	10
1.2. Образ автора как детерминанта текста и метод его исследования	12
1.3. Проявление категории образа автора в научном тексте	21
Выводы по I главе.....	56
ГЛАВА II. ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА АВТОРА В СОЧИНЕНИИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»	59
2.1. Принцип работы ученого с историческими источниками как проявление категории образа автора.....	60
2.2. Принцип выбора типа изложения как проявление категории образа автора.....	81
2.2.1. Функции изложения от 1-го лица единственного числа	81
2.2.2. Функции изложения от 1-го лица множественного числа	95
2.2.3. Функции изложения от 2-го лица множественного числа	101
2.2.4. Функции изложения от 3-го лица	104
2.2.5. Функции безличной формы изложения	106
2.3. Принцип отбора средств выражения как проявление категории образа автора.....	112
2.3.1. Средства отражения системы этических ценностей автора.....	113

2.3.2. Средства характеристики исторической эпохи, событий и личностей	118
2.3.3. Средства оценки исторических лиц и разных слоев общества...	126
2.3.4. Средства выражения чувств и мыслей исторических лиц	133
Выводы по II главе	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	146

ВВЕДЕНИЕ

Автор любого текста сознательно и бессознательно отражает себя в своем тексте. Данная работа посвящена изучению особенностей проявления категории образа автора в научном тексте.

Актуальность диссертационного исследования определяется повышенным интересом современной филологической науки к системному изучению текстов. Опора на сверхкатеорию образа автора, которая, являясь отражением личности автора, определяет принцип организации текста, дает возможность такого анализа.

Несмотря на то, что категория образа автора с самого начала определялась В.В. Виноградовым [Виноградов 1936; Виноградов 1959; Виноградов 1961; Виноградов 1963; Виноградов 1971], который ввел в научный оборот это понятие, и в трудах которого оно разрабатывалось, как универсальная, работающая для всех типов текста. Ее объяснительный потенциал реализовывался в основном в исследовании художественных текстов, представляющих собой вторичную моделирующую систему.

Исследование объяснительных возможностей категории образа автора в изучении текстов различных функциональных стилей, относящихся к первичной моделирующей системе, в том числе научных текстов, остается на сегодняшний день крайне недостаточным.

В многочисленных работах по изучению категории образа автора в научных текстах (например, работа И.И. Бакланова «Образ автора и образ адресата нехудожественного текста» [Бакланова 2014б]) не устанавливается связь между содержанием категории образа автора и средствами ее выражения. А выбор средств выражения определяет категорию образа автора.

Научная новизна исследования заключается в разработке впервые принципов прояснения выражения категории образа автора научного текста: выявлении принципа отбора фактов через соотнесение фактов отобранных и фактов опущенных; установлении функций типа изложения и средств выражения через их

соотнесение с вводимым ими содержанием.

В качестве **материала** для исследования в данной работе используется сочинение В.О. Ключевского «Русская история», представляющее собой опубликованный курс лекций, прочитанных В.О. Ключевским в Московском университете. Данное сочинение охватывает период русской истории с древнейших времен до 1861 года, когда в России было отменено крепостное право. Выбор данного сочинения определяется тем, что оно является образцом высокой научной литературы, которое наряду с объективным изложением исторических фактов характеризуется «художественной красотой, красотой поэтических сравнений и колоритных образов, которые не только возбуждали внимание в слушателе, но и вызывали в нем эстетическую эмоцию» [Богословский 1987: 68].

В фокусе нашего внимания находятся главы, посвященные анализу исторической эпохи XVIII–XIX веков. Причина такого выбора заключается в том, что в XVIII в. укрепилось положение господствующего класса — дворянства, феодально-крепостнический строй, резко изменивший поступательное развитие русской жизни и оказавший крайне противоречивое влияние на судьбу Российской империи вплоть до ее распада в 1917 году, был сохранен.

Объект исследования — научный текст как формально-содержательная целостность.

Предмет исследования — проявление категории образа автора в научном тексте.

Теоретической базой исследования послужили работы о категории образа автора М.М. Бахтина, О.И. Валентиновой, В.В. Виноградова, Л.С. Выготского, Б.О. Кормана, Л.А. Новикова, А.П. Скафтымова, Ю.Н. Тынянова [Бахтин 1979, Валентинова 2010, 2016, Виноградов 1927, 1936, 1959, 1961, 1971, Выготский 1998, Корман 1971, 1972, Новиков 2001, 2007, Скафтымов 1972, Тынянов 1929]; об особенностях текстов функционального научного стиля М.Н. Кожиной, О.А. Крыловой, Н.А. Николиной, Н.К. Рябцевой, Г.Я. Солганика, В.Е. Чернявской [Кожина 1977, 1986, 2006, Крылова 1979, Николина 2007, Рябцева

2005, Солганик 1997, 2010, Чернявская 2007, 2011].

Научной гипотезой нашего исследования является предположение о том, что категория образа автора научного текста не только свидетельствует о личности ученого, отражением которой она является, но и существенно углубляет представление об объекте изучения, которому посвящен научный труд этого автора.

Цель данной работы — выявление особенностей выражения сверхкатегории образа автора в научном тексте.

Для достижения намеченной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- установить соотношение понятий автора и образа автора, детерминанты текста (категория образа автора) и его доминанты;
- выявить соотношение эксплицитных и имплицитных способов выражения содержания в научных текстах;
- реконструировать соотношение отобранных ученым для анализа фактов и опущенных фактов;
- разработать принцип установления функций каждого типа изложения и определить эти функции в научных текстах;
- определить функциональную нагрузку используемых в научных текстах средств выражения.

Базовым методом исследования является системный метод, отвечающий свойствам текста как формально-содержательной целостности и представляющий собой систему методов, среди которых сравнение, необходимое для выявления соотношения отобранных ученым исторических фактов для анализа и им опущенных; функционально-семантический анализ, позволяющий определить функции типов изложения; контекстуально-семантический анализ, необходимый для установления контекстуального значения тех или иных средств выражения.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку принципов системного изучения научного текста, опирающегося на категорию образа автора, которая выступает одновременно как объект и как метод исследования.

Практическая ценность исследования состоит в возможностях использования его материалов и выводов в курсах по филологическому анализу текста, исторической стилистике и функциональной стилистике.

Положения, выносимые на защиту:

— Понятия автора и образа автора находятся в отношениях нетождественности и подобия. Нетождественность обуславливается тем, что образ автора представляет собой не замещение, а отражение личности автора, которое всегда осуществляется под определенным углом. Некоторое подобие автора и образа автора определяется их общим источником — сущностью личности автора.

— Образ автора выступает как детерминанта текста, причина, определяющая его принцип организации, доминанта — как материализация детерминанты.

— Направление доминантной деятельности текста в труде В.О. Ключевского совпадает с причинно-следственной связью исторических событий, выявление которой воссоздает понимание ученым логики развития российской истории и отражает его научный метод.

— В научном тексте есть не только эксплицитное, но и имплицитное содержание, способы выражения которого зависят как от личности автора, так и от общественно-политической ситуации, особенно если речь идет о гуманитарной науке.

— Категория образа автора научного текста проявляется в принципах отбора фактов для анализа (именно эти, а не другие), отбора источников и выборки фрагментов из этих источников.

— Категория образа автора научного текста выражается не столько в выборе типа изложения как такового, сколько в определении функций каждого типа изложения, которые устанавливаются через соотнесение того или иного типа изложения с вводимым им содержанием.

— В научном тексте принцип отбора средств выражения устанавливается через соотнесение средств выражения с выражаемым ими содержанием. Выявление этого принципа позволяет выйти на закодированную в тексте систему

этических ценностей его автора.

— Отобранные факты, типы изложения и средства выражения, являясь проявлением категории образа автора, соотносятся между собой, образуя единую структуру научного текста. Выявление этой структуры в работе В.О. Ключевского позволяет реконструировать уникальную модель русской истории.

— Категория образа автора научного текста не только свидетельствует о личности ученого, но и существенно углубляет представление об объекте изучения, которому посвящен научный труд этого автора.

Основные положения диссертации отражены в 4 публикациях, из которых две публикации — в ведущих рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК Минобрнауки РФ, одна — Scopus, одна — Web of Science:

1. Валентинова О.И., Ван Л. Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — № 4. — С. 775–789.

2. Ван Л. Лингвистические способы реализации образа автора в научном тексте: В.О. Ключевский о реформах Петра I в области образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. — 2021. — Том 14. — Выпуск 9. — С. 2664–2667.

3. Ван Л. Проявление отношения В.О. Ключевского к реформе образования при Петре Первом (на материале В.О. Ключевского «Русская история») // Litera. — М.: NotaBene, 2021. — № 11. — С. 45–54.

4. Wang N., Wang L. Text semantic filed as a developing method of the author's image // European Publisher by results of International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. EpSBS. — Vol. 92. — SCTMG 2020. — P. 1150–1156.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Во введении сформулированы актуальность, научная новизна, материалы,

объект и предмет исследования, теоретическая база, научная гипотеза, цель, задачи, методы, теоретическая значимость и практическая ценность исследования, положения, выносимые на защиту.

В первой теоретической главе «Категория образа автора и способы ее проявления в научном тексте» уточняется соотношение понятий автора и образа автора, детерминанты текста и его доминанты, экспликации и импликации в научном тексте, фактов отобранных ученым для анализа и фактов им опущенных, типов изложения и вводимого им содержания, научного стиля и индивидуального стиля ученого, экспрессивных знаков и обычных знаков в проявлении образа автора научного текста.

Вторая глава «Проявление категории образа автора в сочинении В.О. Ключевского «Русская история»» посвящена исследованию особенностей проявления категории образа автора в научных трудах В.О. Ключевского. Устанавливается принцип работы ученого с историческими источниками; определяются функции изложения от 1-го лица единственного и множественного числа, 2-го лица множественного числа, 3-го лица и безличной формы через соотнесение типов изложения с вводимым ими содержанием; выявляется принцип отбора средств выражения, функции которых могут пересекаться (отражение системы этических ценностей автора (1), характеристика исторической эпохи, событий и личностей (2), оценка исторических лиц и разных слоев общества (3), выражение чувств и мыслей людей исторической эпохи (4)).

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования.

Список литературы насчитывает 175 источников.

ГЛАВА I. КАТЕГОРИЯ ОБРАЗА АВТОРА И СПОСОБЫ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

1.1. Образ автора и автор: отношения нетождественности и подобия

Понятие образа автора ввел В.В. Виноградов в 1927 году в статье «К построению теории поэтического языка». Дальнейшую разработку этой категории В.В. Виноградов осуществлял на материале русской литературы в работах «Стиль Пиковой дамы» (1936), «О языке художественной литературы» (1959), «Проблема авторства и теория стилей» (1961), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), «Сюжет и стиль» (1963), «О теории художественной речи» (1971): «Категория "образа автора" претерпела в научном творчестве Виноградова определенную эволюцию: от первоначальных размышлений молодого ученого над вопросом "построения теории поэтического языка", через тончайший анализ колоссального материала (в том числе в процессе монографического исследования стилей Гоголя, Достоевского, Пушкина, Лермонтова, Толстого) — к выдвижению основополагающих принципов изучения языка художественной литературы и постановке проблемы структуры "образа автора" в качестве центральной» [Иванчикова 1985: 124].

Однако категорию образа автора В.В. Виноградов понимал шире — как универсальную, работающую для всех типов текста: «Устранение субъективно-экспрессивных форм речи не может быть полным. Авторские приемы построения текстов не могут утратить своего индивидуального характера. Образ автора, изъятый из мира повествования как реальное лицо, как форма его экспрессивно-смыслового освещения все же не перестает мыслиться и присутствовать в тексте» [Виноградов 1959: 140]. Образ автора существует всегда, как и сам автор, его «мы находим (воспринимаем, понимаем, ощущаем, чувствуем) во всяком произведении» [Бахтин 1979: 146].

В концепции В.В. Виноградова категория образа автора представляет собой

отражение личности автора, которое проявляется в определяющем принципе организации текста, являясь одновременно методом исследования.

Образ автора и сам автор — не тождественные понятия. Их нетождественность обусловлена тем, что образ автора — это отраженная личность автора, т. е. ее «изменение, отпечаток, след» [Тюхтин, Пономарев 1967: 184], который «не замещает оригинала, а является проявлением его сущности» [Мельников 2003: 151]. Такое отражение является «фиксированным» [Там же]: оно возникает с момента написания текста и сохраняется в тексте и после завершения процесса творчества.

Мысль о том, что категория образа автора не равна реальному лицу, выражена уже в ранних работах В.В. Виноградова [Виноградов 1927; 1959]: «Образ писателя — это не лицо «реального», житейского Толстого, Достоевского, Гоголя. Это — своеобразный «актерский» лик писателя. В каждой яркой индивидуальности образ писателя принимает индивидуальные очертания, и все же его структура определяется не психологическим укладом данного писателя, а его эстетико-метафизическими воззрениями» [Цит. по: Чудаков 1980: 311].

Автор текста не может входить в структуру текста и остается за его пределами, понимаемый как «носитель концепции всего произведения» [Корман 1971: 199]. Итак, в научном тексте, как и во всяком другом, мы не видим «изображающего его автора», а только отражение самого автора [Бахтин 1979: 146]: «Автор-создающий не может быть создан в той сфере, в которой он сам является создателем. <...> Творца мы видим только в его творении, но никак не вне его» [Там же: 363].

Образ автора отражает в себе элементы личности автора: образ автора — это «категория конкретного текста (нехудожественного), в котором отразились не только языковые черты автора, но и интеллектуальные и психологические» [Бакланова 2014 б: 101–102]. В основе образа автора (как и всего произведения в целом) отражается «мировоззрение, идейная позиция, творческая концепция» автора [Корман 1972: 10].

Оставаясь нетождественными, категории образа автора и автора сохраняют «некоторую степень подобия» [Мельников 2003: 151], которая определяется общим источником — сущностью личности автора. Иначе говоря, образ автора определяется самим автором как первопричиной отражения.

В научном тексте, подчиненном сознанию, характер и принцип отражения личности автора будут иными, нежели в художественном тексте, представляющем собой поток сознания [Виноградов 1980; Новиков 2001]. Однако и в научном творчестве есть доля неосознанного: «Мы <можем> создать образ любого говорящего, воспринять объектно любое слово, любую речь, но этот объектный образ не входит в намерения и задания самого говорящего и не создается им как автором своего высказывания» [Бахтин 1996: 313].

«Автор вовсе не ставит сознательной цели говорить о себе — и говорит самое существенное» [Бонецкая 1985: 257]. Хотя ««воззрения» автора могут быть «не осознаны», но должны непременно быть (т. е. существовать). Весь вопрос в том, как этот образ автора реконструировать на основании» его текстов [Цит. по: Чудаков 1980: 311].

Таким образом, какой бы ни была степень осознанности или бессознательности, личность автора всегда будет отражаться в тексте.

1.2. Образ автора как детерминанта текста и метод его исследования

Отражение личности автора в тексте не является «зеркальным»: оно происходит под определенным авторским «углом зрения» [Новиков 2001: 74]. Личность автора отражается и в научном тексте, хотя назначением науки является «выработка объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире» [Степин 2010: 23], а характеристиками научного текста признаются объективность и доказанность [Кожина 2006: 242–247].

Вопрос состоит в том, как найти этот угол отражения, в чем он проявляется. В решении этой проблемы мы можем опереться на работу О.И. Валентиновой

[Валентинова 2010; 2016], которая не использует понятие *угол зрения*, а пишет о векторе причинно-следственных отношений, который и есть направление доминантной деятельности текста по самосохранению и самовозобновлению [Валентинова 2016: 282]. Здесь надо заметить, что О.И. Валентинова понимает под доминантой одновременно и деятельность текста, приводящую элементы текста в отношения «иерархической взаимозависимости», и субстанцию, как «инвариант эстетически значимого», «который в результате этой деятельности возникает и не уничтожается благодаря этой же деятельности» [Там же].

Важно установить соотношение понятий детерминанты художественного текста и его доминанты, которые в науке балансируют между тождественностью и иерархичностью. Детерминанта художественного текста — это причина, определяющий принцип и начало всего текста. Эта проблема была обозначена в российской науке В.В. Виноградовым, хотя сам термин ученый не использовал. Впервые этот термин появляется в работах Л.А. Новикова: «Развиваемая Л. Н. Новиковым мысль В.В. Виноградова о сверхкатегории образа автора имеет в понимании словесного искусства объяснительный потенциал, сопоставимый по своей значимости и мощи с материализованным в системной типологии языков Г.П. Мельникова [Мельников 2003] представлением о существовании ведущего признака языкового типа (его детерминанты), пронизывающего все уровни языка, которое было высказано впервые в трудах основоположника научного языкознания В. фон Гумбольдта» [Валентинова 2020: 381].

Категория образа автора определяет единство текста на всех его уровнях: «Выражая суть текста и концентрируя его идейное, композиционно-структурное и языковое (стилевое) единство, образ автора как своеобразная иерархическая самая высокая текстовая категория, создаваемая творчеством автора и воссоздаваемая сотворчеством читателя, представляет собой детерминанту текста — главную особенность его содержания и структуры, определяющую его специфику, направление и характер его развертывания и развития» [Новиков 2007: 13].

Категория образа автора является не только конструктивным принципом

каждого текста, но и причиной всего творчества того же автора в целом: она определяет «состав, корпус всех сочинений соответствующего автора, увидевших свет» [Виноградов 1971: 220]. Отражения личности автора в разных его работах не являются подобными и не могут замещать друг друга. Они выявляют «различные стороны сущности» автора [Мельников 2003: 152], т. е. инвариант его сущности, который не зависит от конкретного текста: эти отражения взаимно дополняют друг друга.

Понимание категории образа автора как детерминанты текста дает нам «ключ» к выявлению единства речевой и композиционной структуры текста [Виноградов 1980: 203]. Являясь центральной категорией текста и методом его анализа, категория образа автора «фокусирует и опосредует все стороны» текста [Новикова 2005: 28]: как «инструмент в руках исследователя», она позволяет нам «воссоздать целостный авторский замысел», уяснить авторскую позицию, получить представление о характере и способе воплощения идеи, и дать «варианты прочтения» текста [Новиков 2007: 20].

Наряду с термином детерминанта используется термин доминанта. Иногда эти термины используются как синонимы. Но мы будем придерживаться представления о том, что образ автора — это детерминанта художественного текста, а доминанта — проявление детерминанты в художественном тексте. «Структура категории образа автора дает возможность «сфокусировать суть» текста, выявить его детерминанту и ее художественно-изобразительные доминанты на композиционном и языковом уровнях ее реализации, с помощью которых целенаправленно синтезируются единицы и элементы разных уровней текста в его реализации и развертывании» [Новиков 2007: 20]. По доминанте узнается направление развития текста: «Выражая часто наиболее существенные стороны произведения, доминанты детерминируют развитие текста, указывая на источник его «самодвижения» и «развертывания» [Там же: 30]. Итак, доминанту можно трактовать как материализацию сверхкатегории образа автора.

В научном тексте, как и в других типах текстов, «в различной иерархии

подчинений и связи всегда оказывается некоторый доминирующий и господствующий момент» [Выготский 1998: 202]

Мысль о том, что доминанта проявляется в подчиненности элементов текста, была выражена еще в работе Ю. Н. Тынянова [Тынянов 1929]: «каждая литературная система образуется не мирным взаимодействием всех факторов, но главенством, выдвинутостью одного (или группы), функционально подчиняющего и окрашивающего остальные. Такой фактор носит уже привившееся в русской научной литературе название доминанты (Христиансен. Б. Эйхенбаум). Это не значит, однако, что подчиненные факторы неважны и их можно оставить без внимания. Напротив, этой подчиненностью, этим преображением всех факторов со стороны главного и сказывается действие главного фактора, доминанты» [Там же: 48].

О.И. Валентинова выявила направленный характер такой подчиненности: понимая доминанту не только как субстанцию текста, но и, прежде всего, как деятельность текста, ученый говорит о том, что доминанта проявляется «не столько в факте «выдвинутости» группы элементов, сколько в направлении этой «выдвинутости» и глубинной мотивировке трансформации остальных элементов» [Валентинова 2016: 284].

Направление подчиненности всегда будет от цели к средству [Там же: 286]: «Поиски доминанты ставят исследователя перед необходимостью ответить на два вопроса в отношении каждого элемента художественного текста — почему? и зачем? Почему появился именно этот компонент? Чем подготовлено его появление? И с какой целью он появился? Какие функции ему надлежит осуществить? Так, синтезируя прошлое и будущее, исследователь должен представить каждый элемент художественного текста в эстетической ретроспективе — как цель — и в эстетической перспективе — как средство» [Там же].

А значит, доминанта, являясь принципом организации причинно-следственных отношений в тексте, позволяет нам выявить всеобщую взаимозависимость между элементами текста: «...каждый компонент, с одной

стороны, в задании своем подчинен, как средство, другому, а с другой стороны — и сам обслуживается, как цель, другими компонентами» [Скафтымов 1972: 24]. О.И. Валентинова уточняет, что эти «зависимости неисчислимы» [Валентинова 2016: 287], а значит, «неисчислимы и уровни доминанты» [Там же: 289], потому что зависимости, как пишет ученый, развиваются «параллельно» [Там же: 287], одновременно, в одной и в разных плоскостях текста.

Следовательно, понимание вектора причинно-следственных отношений между элементами текста позволяет нам найти сверхпричину, которая поможет уловить угол отражения личности автора в тексте.

Направление причинно-следственных отношений можно проиллюстрировать одним из многочисленных примеров из работы О.И. Валентиновой «Универсальные принципы анализа вербального искусства» (2010):

«— <...> Так вы такую-то красоту цените? (1) — обратилась она [генеральша] вдруг к князю.

— Да... такую... (1,) — отвечал князь с некоторым усилием.

— То есть именно такую? (2)

— Именно такую. (2,)

— За что? (3)

— В этом лице... страдания много... (3,) — проговорил князь как бы невольно, как бы сам с собою говоря, а не на вопрос отвечая» [Достоевский 1973: 69].

Исследователь показывает, что конструкция переспроса, которая используется трижды, является способом, средством закрепления в тексте идеи связи красоты со страданием, которая, в свою очередь, будет средством для формирования иерархически более высокого смысла в содержательной структуре образа князя Мышкина, где концентрируется главная идея романа.

Направление причинно-следственных отношений между элементами текста выявляется и в научных трудах: «**Благодаря этому настроению** (нравственной лихорадке. — В.Л.) **на престол принес он** [Павел I] *не столько обдуманых мыслей,*

сколько накипевших при крайней неразвитости, если не при полном притуплении политического сознания и гражданского чувства, и при безобразно исковерканном характере горьких чувств. Мысль, что власть досталась слишком поздно, когда уже не успеешь уничтожить всего зла, наделанного предшествующим царствованием, заставляла Павла торопиться во всем, недостаточно обдумывая предпринимаемые меры. Таким образом, благодаря отношениям, в каких готовился Павел к власти, его преобразовательные посылы получили оппозиционный отпечаток, реакционную подкладку борьбы с предшествующим либеральным царствованием. Самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды. Всего явственнее такое направление деятельности выступает в истории самого важного закона, изданного в это царствование, — о престолонаследии. Этот закон был вызван более личными, чем политическими, побуждениями. В конце царствования Екатерины носились слухи о намерении императрицы лишить престола нелюбимого и признанного неспособным сына, заменив его старшим внуком. Эти слухи, имевшие некоторое основание, усилили тревогу, в какой жил великий князь. <...> Благодаря несчастному отношению Павла к предшествующему царствованию его преобразовательная деятельность лишена была последовательности и твердости» [2017, с. 842].

Тройной повтор предлога *благодаря* выступает средством закрепления идеи психологической обоснованности тревожного состояния императора Павла I, которое стало причиной неудач его будущих реформ:

средство → цель → средство

Благодаря → *нравственной лихорадке* → *на престол принес горькие чувства, крайняя неразвитость политического сознания и гражданского чувства, безобразно исковерканный*

характер.

Благодаря → *отношениям,* *в* → *реакционная подкладка борьбы с*
каких готовился к *либеральным* *царствованием*
власти *Екатерины II.*

Благодаря → *несчастному* → *его* *преобразовательная*
отношению *к* *деятельность* *была* *лишена*
предшествующему *последовательности* *и*
царствованию *твердости.*

Противопоставление *не столько..., сколько* дополнительно закрепляет последствия обстоятельств, повлиявших на неудачные реформы императора Павла I:

то, что должно было бы при Павле I ↔ то, что было при Павле I
обдуманнные идеи ↔ *горькие чувства*
политическое сознание *и* ↔ *безобразно исковерканный характер*
гражданское чувство

Создается противопоставление того, что было сделано в эпоху правления Павла I, тому, что должно было быть. Такой контраст позже становится средством подчеркнуть причину неудач реформ Павла I.

Неудачное царствование Павла I закрепляется еще противопоставлением царствования Павла I и царствования его матери: *реакционного царствования* — *либерального царствования.*

Автор моделирует в своей речи «голос» императора, как бы говорит от его имени: *Мысль, что власть досталась слишком поздно, когда уже не успеешь уничтожить всего зла, наделанного предшествующим царствованием.* В этом проявляется понимание ученым благородства намерений Павла I — *уничтожить все зло.* Однако такой подход в перспективе становится причинной неудач: он

торопился во всем, недостаточно обдумывая предпринимаемые меры.

Итак, в сочинении В.О. Ключевского всегда закрепляются причины исторических событий и их последствия:

Власть досталась *слишком поздно.*

↓

Боязнь *не успеть уничтожить всего зла.*

↓

Необходимость *торопиться во всем.*

↓

Павлом I *недостаточно обдумывались* предпринимаемые меры.

↓

Оппозиционный отпечаток реформ Павла I.

↓

Павлом I были испорчены *самые лучшие по идее предприятия.*

↓

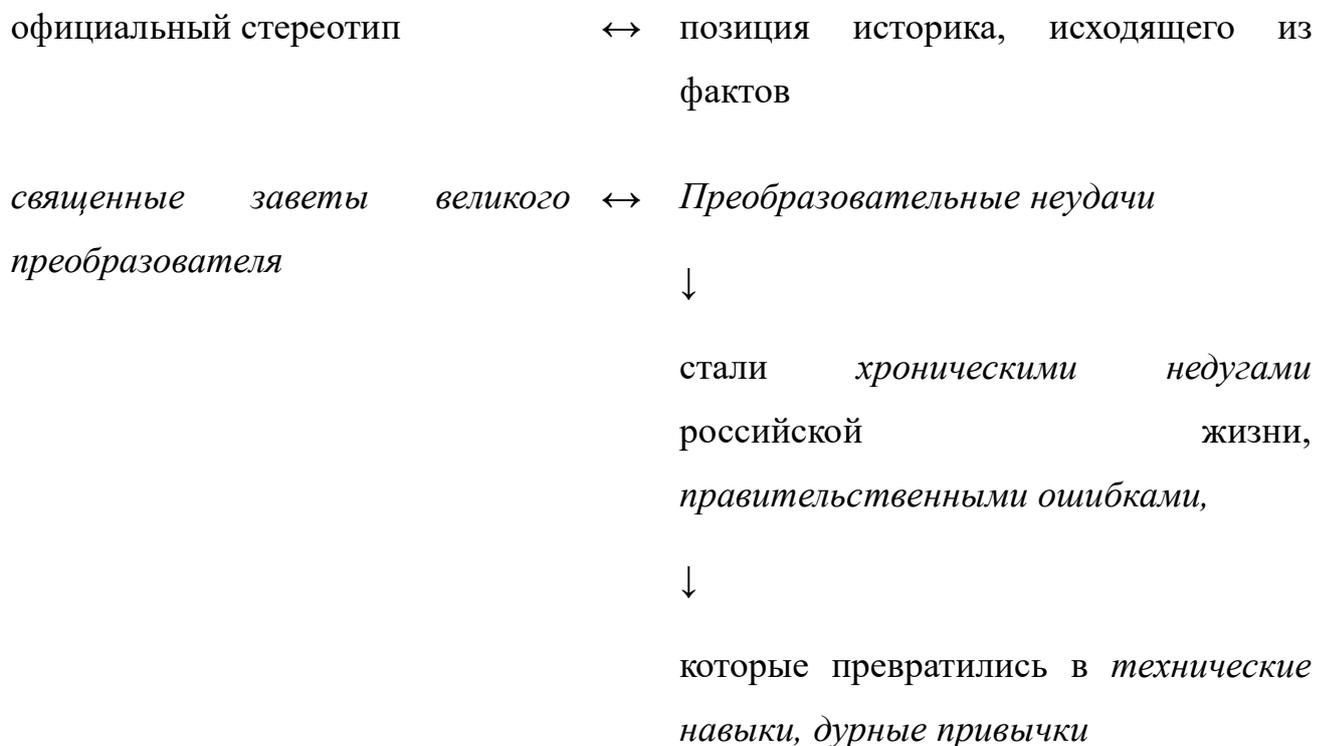
Преобразовательная деятельность Павла I была лишена *последовательности и твердости.*

Таким образом, ученый выводит логику исторической судьбы российской монархии. Установление причинно-следственной связи исторических событий позволяет *понять* историю: «понимание является сущностью науки» [Розанов 1886: 1].

Еще один пример: «*Наконец я кончил обзор реформ в управлении. <...> Преобразовательные неудачи станут после Петра хроническим недугом нашей жизни, правительственные ошибки, повторяясь, превратятся в технические навыки, в дурные привычки последующих правителей; те и другие будут потом признаны священными заветами великого преобразователя, хотя он сам иногда сознавал свои неудачи и не раз признавался в своих ошибках*» [2004, с. 525].

Итоговая характеристика реформы Петра I в области государственного управления основывается ученым на оценке результатов этой реформы,

проявившихся уже после смерти самого Петра I. Средством закрепления идеи несоответствия замысла и его воплощения становится многократное, диалогическое противопоставление понимания ученым итогов реформы Петра I официальным стереотипам:

Семантические повторы (*хронический, повторяться, навыки, привычки*) закрепляют лексически невыраженные смыслы ‘лицемерия, лживости российской власти’.

Фрагмент текста, посвященный преобразовательным неудачам Петра I, выдерживается в строгом соответствии схеме — рема каждой предыдущей части сложного предложения будет темой следующей части сложного предложения:

Преобразовательные неудачи (тема) → стали *хроническими недугами* российской жизни (рема) → *хронические недуги* российской жизни (тема) → стали *правительственными ошибками* (рема) → *правительственные ошибки* (тема) → повторяясь, превратились в *технические навыки, дурные привычки* (рема) → *технические навыки, дурные привычки* (тема) → *будут потом признаны священными заветами великого преобразователя* (рема).

Эта схема закрепляет понимание ученым русской истории, которая предстает как единая цепочка событий, выстроенных на основе причинно-следственной связи. Выявление идей, которые закрепляются особенно тщательно в тексте, позволяет восстановить и научный метод историка.

Направление доминантной деятельности от цели к средству в сочинении В.О. Ключевского проясняет причинно-следственные связи исторических событий. Определение вектора развития текста становится не только ключом к пониманию сути текста, его детерминанты, но и позволяет нам понять ход истории России и воссоздать замысел историка.

1.3. Проявление категории образа автора в научном тексте

Традиционно считается, что в научном тексте проявляется тенденция к «открытому, явному словесному выражению семантических компонентов» [Швейцер 1973: 175]. Однако в научном тексте есть и неявные, имплицитные (от лат. *implicis* — тесно связываю) способы передачи информации: «Образ автора получает имплицитное отражение в научном тексте» [Бакланова 2014б: 8], «имплицитная информация и, в частности, неявные способы передачи информации являются основой понимания имплицитно отраженного в тексте образа его автора этого текста» [Там же: 139].

Импликация представляет собой дополнительное «семантическое и/или эмоционально-психологическое содержание текста», которое вытекает из соотношения соположенных единиц текста [Арнольд 1982: 84].

Считается, что имплицитное содержание вербально не выражено, но мы полагаем, что все-таки это содержание выражено, однако «особым способом» [Федосюк 1988: 11]. Передача имплицитного содержания текста отвечает либо явным коммуникативным намерениям автора текста, либо входит в скрытые его коммуникативные намерения [Там же].

Опираясь на эти разновидности имплицитного содержания, выделенные

М.Ю. Федосюком, И.И. Бакланова предлагает различать две разновидности образа автора в научном тексте [Бакланова 2014 б]: «интенциональный образ автора», который отвечает коммуникативным намерениям автора текста, и «перцептивный образ автора», т. е. образ автора в том виде, как его воспринимает читатель, выводящий из текста вопреки намерениям его автора [Там же: 304].

Полагаем, что такой подход входит в противоречие с виноградским пониманием категории образа автора как отражения изобразителя в *изображенном*, т. е. в самом тексте. То, насколько достоверно читатель воспринимает это отражение, функционально зависит от «качественных и количественных характеристик» его *мнемы*, т. е. «личного опыта», запечатленного в психике осознанно и бессознательно [Рубакин 1929: 77]. Даже один и тот же читатель при каждом последующем прочтении одного и того же текста будет обнаруживать в нем «разные содержания, непосредственного зависящие от качественных и количественных изменений его мнемы» [Валентинова 2016: 277].

Таким образом, текст оказывается не «передатчиком информации», а «возбудителем психических переживаний в каждой индивидуальной мнеме» [Там же: 276]: «Это значит: что ни вкладывал бы писатель в свои произведения, а оратор в свою речь, их содержание не дойдет до читателя или слушателя; хотя оно в это произведение вложено. Между ним и читателем и слушателем — пропасть. Чтобы оно дошло по адресу, читатель и слушатель должны сами создать его из элементов собственных мнем. А это может случиться только тогда, когда мнema слушателя и читателя имеет те же энграммы, как и мнema оратора и писателя. Но такое создавание не есть передача, а возбуждение. Всякий читатель и слушатель всегда видит перед собой только свою собственную проекцию чужой речи» [Рубакин 1979: 162].

Конечно, автор научного текста, в том числе и В.О. Ключевский, стремится к экспликации своих намерений: «Я не буду пересказывать событий, вам достаточно известных, международных отношений России в ту эпоху, войн, сражений, мирных договоров, а только сведу концы с началами, сопоставлю планы,

какие задумывал и проводил русский кабинет, с добытыми результатами» [2004, с. 602]. Из этой экспликации можно сформулировать научный метод историка: сравнение конца с началами представляет собой принцип оценки проведенных реформ через сопоставление первоначальных планов с добытыми результатами.

Способы передачи эксплицитного или имплицитного содержания во многом зависят от области науки, в которой работает исследователь: в физике, математике, т. е. в так называемых точных и естественных науках, содержание выражается, как правило, эксплицитно; а в гуманитарной науке, в том числе истории, в зависимости от личности ученого и от общественно-политической ситуации в обществе не всегда есть возможность высказаться прямо. Если пользоваться терминологией М.Ю. Федосюка, то в данном случае речь идет о таком имплицитном содержании, которое входило в коммуникативное намерение автора и по ряду обстоятельств выражалось непрямо.

В.О. Ключевский как исследователь анализировал имплицитное содержание исторических документов и выводил его. Например, при анализе «Наказа» Екатерины II, который представляет собой своеобразный компилятивный политический трактат, составленный Екатериной II как руководство для депутатов в 1767 г.:

«Во вступлении он [«Наказ»] ставит общее положение, что законы должны соответствовать естественному положению народа, для которого они составлены. Из этого тезиса в дальнейших статьях он делает два вывода. Во-первых, Россия по положению своему есть европейская держава. Доказательство этого — реформа Петра I, введя европейские нравы и обычаи в европейском народе, имела тем более успеха, что прежние нравы в России совсем не сходствовали с ее климатом и занесены были к нам от чуждых народов. Положим, все это так, вопреки всякому вероятию. Само собою следует невысказанное заключение, что русские законы должны иметь европейские основы. Эти основы и даны «Наказом» в собранных им выводах европейской политической мысли. Получается нечто похожее на силлогизм с

подразумеваемым заключением, которое Екатерина нашла неудобным договаривать. Другой вывод, извлеченный из естественного положения России, — тот, что она по своему обширному протяжению должна быть управляема самодержавным государем...» [2017, с. 782].

Из первого тезиса, приведенного в «Наказе», историк выводит заключение, которое в первоначальном тексте осталось невысказанным, потому что было неудобным, хотя подразумевалось. Получается силлогизм с подразумеваемым заключением — ‘форма дедуктивного умозаключения, в которой из двух посылов (высказывание с субъектно-предикативной структурой) следует подразумеваемое заключение (новое высказывание с той же логической структурой)’ [Философский энциклопедический словарь 1983: 606]):

(Посыл 1) *Законы должны соответствовать естественному положению народа.*

(Посыл 2) *Россия по положению своему есть европейская держава.*

(Невысказанный вывод) *Русские законы должны иметь европейские основы.*

Однако в «Наказе» эксплицируется другой вывод: *Россия по своему обширному протяжению должна быть управляема самодержавным государем.*

Обнаруживается противоречие между эксплицируемым историком выводом и заключением, выведенным в «Наказе»: вывод *русские законы должны иметь европейские основы* подразумевает наличие парламента, который в Европе сформировался (в XIII в.), но в «Наказе» эксплицируется иной вывод, что *Россия должна быть управляема самодержавным государем*, и причиной тому является *обширное протяжение* России. В экспликации этого противоречия проявляется категория образа автора.

Независимо от того, эксплицитно или имплицитно в научном тексте представлено содержание, коммуникативная направленность научного текста «автор → читатель» порождает диалогичность: «Хотя научный текст квалифицируется как монологический, однако ему тем не менее свойственна диалогичность, т. е. выраженный языковыми и текстовыми средствами в научной

речи учет адресата (как взаимодействие двух или нескольких смысловых позиций, в том числе автора и читателя) вплоть до использования средств собственно диалога» [Кожина 2006: 246].

Сочинение историка, освещающего исторические факты, события и выявляющего их взаимосвязь, представляет собой «общение повествующего субъекта (автора) с интеллектуальным читателем» [Новикова 2005: 248].

В диалогичности текста проявляется категория образа автора: научный текст носит отпечаток точки зрения, следы мировоззрения его автора, «эмоционально и интеллектуально воздействует на читателя благодаря выраженной в тексте (его композиционной структуре) субъективной модальности» [Новиков 2001: 49].

Внешняя и внутренняя диалогичности текста как проявление категории образа автора обнаруживают себя в особенностях содержания, типе изложения текста и принципе отбора речевых средств.

Принцип отбора фактов для анализа

В научном тексте проявляется принцип отбора фактов для анализа (именно эти факты, а не другие), принцип отбора источников (именно эти исторические документы, а не иные), и принцип выборки фрагментов из этих источников (одни фрагменты отбираются, а другие осознанно исключаются).

Научный текст является непрерывным процессом взаимодействия ученого и фактов: «факты для историка — это запас сырья, и он должен добывать его в таких количествах, что сам процесс вызывал бы у него отвращение, не любил он эту работу» [Тойнби 1996: 258].

Образ автора проявляется в принципе отбора фактов для рассмотрения *и одновременно* в отвлечении от других фактов. Принцип отбора диктуется этической позицией ученого: «Выбор историком определенного исторического события или лица обуславливается тем, что *данный предмет изучения представляет для него моральный интерес* (выделено мной. — В.Л.), и поэтому он не только сообщает, что же в действительности произошло, но и дает этому моральную оценку» [Данто

2002: 130].

Так В.О. Ключевский, анализируя эпоху кратковременного царствования Павла I (1796–1801 гг.), отбирает следующие факты:

- факты, предшествующие вступлению императора на престол: *натянутые отношения к матери, тесный мирок в Гатчине, не особенно выдержанное воспитание* [2017, с. 841];

- факты, характеризующие Павла I как реформатора:

- 1) ограничение крепостного права:

«Павел был первый из государей изучаемой эпохи, который попытался определить эти отношения (отношения землевладельцев к крестьянам. — В.Л.) точным законом» [2017, с. 840];

- 2) ограничение привилегий дворянства:

«Павел отменил важнейшее личное преимущество, которым пользовались привилегированные сословия по жалованным грамотам, — свободу от телесных наказаний...» [Там же];

- 3) закон о престолонаследии:

«5 апреля 1797 г. Павел издал закон о престолонаследии и учреждение об императорской фамилии — акты, определившие порядок престолонаследия и взаимное отношение членов императорской фамилии» [Там же].

Для понимания образа автора в «Русской истории» важно учитывать не только факты, которые В.О. Ключевский отобрал для характеристики правления Павла I, но и те факты, которые он осознанно исключил из рассмотрения:

- реформы по централизации и бюрократизации государственного управления;

- военные реформы, ориентированные на прусскую военную модель;

- внешнюю политику, в том числе участие в коалиционных войнах против Наполеона и дальнейшие переговоры с ним после переворота 9 ноября (18 брюмера) 1799 г.;

- реформы против финансовых злоупотреблений частных лиц и

государственных органов.

Мы видим, что из реформ Павла I (см. для сравнения работы А.Г. Брикнера «История Павла I» [Брикнер 2004]) В.О. Ключевский отбирает те реформы, которые вызывали особое сопротивление дворянства, и реформы, которые затрагивали личный интерес Павла I как бывшего наследника престола (Екатерина II хотела передать престол не сыну, а внуку — будущему императору Александру I). Отобранные историком факты обнажают причины неудач реформаторской деятельности Павла I и его будущего убийства.

Симпатия В.О. Ключевского к Павлу I проявляется не только в открытых высказываниях (*«Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи»* [2017, с. 840]), но и в отборе фактов, характеризующих его политику. В свою очередь, это характеризует и личность самого исследователя.

Образ автора также проявляется в принципе отбора исторических источников: «Источник — свидетельство прошлого, попадающее в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, документ, обряд, предмет и т. п.), которое может быть использовано как основание для какого-либо утверждения о прошлом. По общему убеждению исследователей, без источника история невозможна. Ее нередко характеризуют как область знания, изучающую исторические свидетельства прошлого. На основе информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого» [Репина 2006: 32–33].

В принципе отбора источников для рассмотрения исторической эпохи или исторических событий так же, как и в принципе отбора фактов, отражается образ автора.

Например, анализируя реформы армии при Петре I, В.О. Ключевский использует 3 источника: 2 работы писателя, экономиста и публициста, вышедшего из крестьян, И.Т. Посошкова (1652–1726) «О скудости и богатстве» [Посошков 1724] и «О ратном поведении» [Посошков 1701], и сочинение ганноверского резидента

при дворе Петра I с 1714 по 1719 г. Ф. Х. Вебера «Das veranderte Russland» («Преобразованная Россия») [Weber 1721; 1739; 1740]. Эти источники свидетельствуют о тяжелом нравственном и материальном положении армии при Петре I, когда дворяне уклонялись от службы и малодушно вели себя в бою, а рекруты из армии бежали, в армии болели и умирали от голода и холода.

Ссылка В.О. Ключевского на сочинение И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве»: *«Посошков в сочинении О скудости и богатстве, писанном в последние годы царствования Петра, яркими чертами изображает плутни и извороты, на какие пускались дворяне, чтобы "отлынять" от службы. Не только городовые дворяне, но и царедворцы при наряде в поход пристраивались к какому-нибудь "бездельному делу", пустому полицейскому поручению и под его прикрытием проживали в своих вотчинах военную пору; безмерное размножение всяких комиссаров, командиров облегчало уловку...»* [2017, с. 585–586].

Ссылка В.О. Ключевского на донесение И.Т. Посошкова «О ратном поведении»: *«Военное ремесло не развило в дворянстве ни воинственного духа, ни ратного искусства. Свои и чужие наблюдатели описывают сословие как боевую силу самыми жалкими чертами. Крестьянин Посошков в донесении боярину Головину 1701 г. О ратном поведении, припоминая недавние времена, горько плачется о трусости, малодушии, неумелости, полной негодности этого сословного воинства»* [2017, с. 582].

Ссылка В.О. Ключевского на сочинение Ф. Х. Вебера «Das veranderte Russland»: *«Помянутый Вебер, внимательно присматривавшийся к русскому военному строю, пишет в своих любопытных записках о преобразованной России, что обыкновенно предписывается набирать 20 тысяч штатных рекрутов в год. <...> а в 1724 г., уже по окончании всех войн, понадобилось для укомплектования армейских и гарнизонных полков, артиллерии и флота 35 тысяч. Усиленные наборы нужны были не только для увеличения комплекта, но и для пополнения убыли от побегов, болезней и страшной смертности в полках, из которых реформа устроила солдатские морильни, а также вследствие больших*

недоборов. В 1718 г. числилось по прежним наборам "недоимочных", недобранных, рекрутов 45 тысяч, а в бегах — 20 тысяч. Тот же Вебер замечает, что при дурном устройстве содержания гораздо больше рекрутов гибнет еще в учебные годы от голода и холода, чем в боях от неприятеля» [2017, с. 580].

Чтобы достоверно оценить принцип отбора источников, на которые ссылается историк, необходимо не только проанализировать отобранные историком фрагменты из выбранных им источников, но и овладеть полным содержанием этих источников, в данном случае содержанием сочинения И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве», его донесения «О ратном поведении» и сочинения Ф.Х. Вебера «Das veranderte Russland».

Принцип отбора будет отражать авторские «мировоззренческие представления, его (автора текста. — В.Л.) политические ориентации, нравственные установки — короче говоря, идеологию, которой он руководствуется в своей жизни и деятельности» [Никифоров 2008: 203]. В сочинении В.О. Ключевского ссылка на труды И.Т. Посошкова и Ф. Х. Вебера при анализе военной реформы Петра I позволяет продемонстрировать представление ученого о сложных и болезненных явлениях русской армии, которые определяют дальнейшую судьбу России и становятся историческими константами на протяжении длительного периода.

В.О. Ключевский отбирает фрагменты первой части сочинения Ф. Х. Вебера «Das veranderte Russland», изобилующей подробностями о застройке Петербурга, его населении, светской и деловой жизни, быте и т. д.

Из всех проблем, отмеченных Ф. Х. Вебером, В.О. Ключевский отбирает *набор рекрутов из беднейшей черни, бегство рекрутов из армии, их болезнь и смерть от голода и холода в армии.*

Также В.О. Ключевский ссылался на главу «О правосудии» из сочинения И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве». Историк опускает многочисленные предложения и проекты И.Т. Посошкова *по учреждению нового кодекса или уложения в России, по установлению и улучшению правосудия, процессуального*

права и т. д. Он сосредоточивается на фактах злоупотребления властью, положении и богатстве дворян, уклонении от службы: бездельные дела, пустые полицейские поручения, безмерное размножение комиссаров, командиров, подарки, притворные болезни или юродство.

И наконец, В.О. Ключевский цитирует донесение И.Т. Посошкова «О ратном поведении», раскрывая:

- *неумелость и полную негодность дворян в армии:*

«У пехоты ружье было плохо и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и меняли своих голов на неприятельскую голову по три и по четыре и гораздо больше. А если на конницу посмотреть, то не то что иностранным, но и самим нам на них смотреть зазорно: клячи худые, сабли тупые, сами скудны и безодежны, ружьем владеть никаким неумелые; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, а не то что ему стрелять по цели хорошенько» [Посошков Цит. по: Ключевский 2017: 582];

- *трусость и малодушие дворян в армии:*

«Попечения о том не имеют, чтобы неприятеля убить; о том лишь печется, как бы домой быть, а о том еще молятся богу, чтоб и рану нажить легкую, чтоб не гораздо от нее поболеть, а то государя пожаловану б за нее быть, и на службе того и смотрят, чтоб где во время бою за кустом притулиться, а иные такие прокураты живут, что и целыми ротами притуляются в лесу или в долу. А то я у многих дворян слышал: "дай бог великому государю служить, а сабли из ножен не вынимать"» [Там же].

В.О. Ключевский опускает из донесения И.Т. Посошкова предложения по улучшению русской армии: по доброму ружью и доброму убору; по доброму пожалованию; по доброму духовному устройению; по доброму воинскому учению и т. д. [Посошков 1951: 245–272].

А также из донесения И.Т. Посошкова опускается анализ причины поражения русского войска под Нарвой: «И сие, государь, не бесчестие ль наше, что во множестве нашем от малых людей стоять не можем. И аще кто речет: нынешняя де

Ругодевская служба учинилась злочасна от воли божией, да от измены, а не от плохости какой, и сие вси мы разумеем, что без воли божией и маленькой птички убить никому невозможно. Однако ж *всегда надобно человеку опасну и осторожну и к ратоборству готову быть* (1), и *убор ополчителной надобно всегда доброй иметь* (2). *Естли же мы обороны себе не умеем держать, то нечего нам на бога и пенять* (3)» [Там же: 260].

Хотя этот фрагмент тоже свидетельствует о недостатках русской армии, В.О. Ключевскому более важна моральная оценка армии, ее *трусость, малодушие, неумелость, полную негодность* [2017, с. 582], а не отсутствие снаряжения или военных навыков, неумение держать оборону.

Итак, отбор В.О. Ключевским источников и фрагментов из них для характеристики военной реформы Петра I продиктован этическим принципом: *дворяне злоупотребляют властью, положением и богатством для уклонения от обязательной службы, малодушно себя ведут в бою, а рекруты страдают, умирают в армии от голода и холода.*

Очень часто В.О. Ключевский руководствуется при отборе исторических источников и фрагментов из них именно этим принципом, понимание которого позволяет читателю составить представление об образе автора.

Таким образом, образ автора проявляется в принципе отбора фактов, исторических источников и в принципе подборки фрагментов из выбранных источников.

Принцип выбора типа изложения

В научном тексте типы изложения могут чередоваться, однако все они представляют собой композиционное единство, определяемое образом автора и являющееся его проявлением: «Типы повествования — при всем многообразии их реального осуществления — представляют собой композиционные единства, организованные определенной точкой зрения (автора), имеющие свое содержание и функции и характеризующиеся относительно закрепленным набором

конструктивных признаков и речевых средств (интонация, соотношение видовременных форм, порядок слов, общий характер лексики и синтаксиса)» [Кожевникова 1994: 48].

Внутренняя связь элементов изложения, их взаимодействие и общая смысловая направленность, выражая особое освещение события, станут проявлением целостного и внутренне единого образа автора: категория образа автора выступает как способ «субъективации» изложения и «выражения авторской модальности» [Новиков 2001: 67].

В системе типов изложения в научном тексте отчетливо противопоставлено *повествование от первого лица* и *повествование от третьего лица*: «они различаются способом изложения, характером образа повествователя и, соответственно, особенностями проявления таких признаков, как *субъективность/объективность, достоверность/недостоверность, ограничение изображаемого пространственно-временной точкой зрения повествователя/отсутствие этого ограничения*» [Николина 2003: 69–70]. Такие типы изложения вступают в разнообразные сочетания друг с другом, формируя сложную структуру текста.

Смена типов изложения от объективной формы к субъективной или наоборот, показывает, не только с какой позиции она ведется, но и определяет модальность текста: такая смена типа изложения создает «особое, «сдвинутое» изображение, особое «сообщение» действительности, связанное с повествовательной точкой зрения, с которой ведется высказывание и даются оценки» [Новикова 2005: 255].

Наше исследование показывает, что необходимо не просто выявить тип изложения (от какого лица ведется изложение), но и определить, с каким содержанием связан тот или иной тип изложения.

Для стереотипного научного текста характерна объективная форма изложения: безличная форма изложения, форма изложения от 1-го лица мн. ч. и форма изложения от 3-го лица.

Образ автора научного текста проявляется в научном методе, а научный метод,

в свою очередь, может реконструироваться через соотнесение типа изложения с вводимым им содержанием:

Для стандартизированного функционального стиля характерно иллюзорно-личностное обобщающее *мы*, которое передает обобщенно-научное мнение или действие:

«Мы считали необходимым внести ясность в понимание сущности характера (...);

Мы проделали экспериментальную работу с целью установить характерологические различия у учащихся 15—16 лет» [Крылова 1979: 111].

Однако в сочинении В.О. Ключевского изложение от 1-го лица мн. ч. *мы* объединяет автора и его слушателей и читателей — характерный прием для жанра лекции.

Мы отсылает слушателей и читателей:

– к внешней политике Московского государства в XV–XVI вв.: *«Припомним главные задачи внешней политики Московского государства в XV–XVI вв. и их происхождение, их связь с прошлыми судьбами нашей страны»* [2017, с. 343];

– к династии Романовых: *«Мы заметили при новой династии новые понятия в умах и новых людей в управлении, новую постановку верховной власти и новый состав земского собора»* [2017, с. 420];

– к призыву нормировать отношения между помещиками и крестьянами при Екатерине II: *«В наказе одного правительственного учреждения депутату в комиссию 1767 г. мы встречаем заявление желания, чтобы был установлен закон, как поступать с помещиком, от побоев которого причиняется смерть крестьянину»* [2017, с. 813];

– к налогообложению при Екатерине II: *«Сравнив рост прямых налогов с возвышением казенного дохода, косвенного налога с питания, мы заметим неодинаковый успех, какой имела казна в том и другом доходе»* [2017, с. 823];

– к уже изученной истории дворянства при Екатерине II: *«Теперь остается объяснить причины особого успеха дворянского самоуправления рядом со слабо*

действовавшим самоуправлением городским. Объясняя эти причины, **мы** на несколько минут **воротимся** к изученной уже нами истории дворянства» [2017, с. 805];

– к политической и общественной жизни XVIII в.: «**Мы знаем**, какими двумя чертами характеризуется наш политический и общественный быт в предшествовавший период (период XVIII в. — В.Л.). Эти черты были: невольный обязательный труд в пользу государства всех сословий; <...> разобщение этих сословий, прекращение их совместной политической деятельности» [2017, с. 891].

В работе В.О. Ключевского безличная форма изложения, как в стандартизированном научном тексте, вводит объективные факты или действия:

– задачи законодательства при Петре I: «**С Петра I обнаруживается** двойной факт — законодательству **предстояло**: 1) уравнивать сословия общими правами и обязанностями; 2) призвать их к совместной дружной деятельности» [2017, с. 839];

– деятельности Петра I: «**В реформе Петра столкнулось** так много интересов, побуждений и влияний, что [нам] необходимо отделить в ней подготовленное изнутри от заимствованного со стороны, различить то, что предусматривалось, и то, что явилось сверх чаяния» [2017, с. 658];

– роль Франции в светской и общественной жизни русского общества при Елизавете: «**Случилось так**, что Франция стала образцом светскости и общежития для русского общества именно в то время, когда французская литература получила особое направление» [2017, с. 729];

– особенности русского ума под влиянием европейской культуры в XVIII в.: «**Благодаря** этому влиянию просветительной литературы в русском обществе, как и в русской письменности XVIII в., со времени Екатерины **обнаруживаются** две особенности: это, во-первых, утрата привычки, утрата охоты к размышлению и, во-вторых, потеря понимания окружающей действительности» [2017, с. 833];

– задачи законодательства при Екатерине II: «**Из сказанного видно**, какие задачи **предстояло** разрешить законодательству Екатерины II в вопросе об

отношениях крепостного населения к землевладельческому классу» [2017, с. 814].

Однако В.О. Ключевский использует безличную форму изложения и при передаче чувств, объединяющих автора со слушателями и читателями:

– при передаче недоумения: «**Можно только недоумевать** [нам], откуда брались у крестьян деньги для таких платежей при тогдашнем тесном пространстве денежного крестьянского заработка, хотя бы половина их покрывалась хлебом или работой» [2017, с. 622];

– при передаче понимания: «**Можно понять и даже почувствовать** [нам], почему так мало накопилось культурных сбережений у рабочего народа, так долго и непосильно работавшего на избранные классы» [2017, с. 726];

– при передаче затруднений: «**Трудно проследить** [нам], как развивался этот взгляд (на крепостного крестьянина как на личную полную собственность владельца. — В.Л.), но несомненно, что он не вполне согласен с законодательством, установившим крепостную неволю крестьян» [2017, с. 810];

– при передаче чувства уверенности:

«Так популярная деятельность нового правительства должна была одновременно следовать направлению национальному, либеральному и сословно-дворянскому. **Легко заметить** [нам], что эта тройственная задача страдала несогласимым внутренним противоречием» [2017, с. 759];

«**Теперь легко видеть** [нам], какое действие оказало крепостное право на сельское помещичье хозяйство и на землевладельческое положение дворянства» [2017, с. 821];

– при передаче интереса автора:

«Теперь, при такой разнице в побуждениях, [нам] **любопытно видеть**, как Екатерина отнеслась к тяжелому вопросу, доставшемся ей от предшественников» [2017, с. 814];

«**Любопытно видеть** [нам], как распределены были между ними (дворянами-землевладельцами. — В.Л.) души» [2017, с. 892].

В сочинении В.О. Ключевского изложение от 3-го лица передает объективные

действия и факты:

– реформу сената при Петре I: «**Сенат явился на свет с характером временной комиссии, какие выделялись из Думы на время отъезда царя и в какую сама Дума стала превращаться при частых и долгих отлучках Петра. Собираясь в турецкий поход, Петр издал коротенький указ 22 февраля 1711 г., который гласил: "Определили быть для отлучек наших Правительствующий сенат для управления"»** [2017, с. 632];

– отмену Павлом I привилегий дворянам: «**Павел предпринял разрушение и дворянских корпораций: он отменил губернские дворянские собрания и выборы; на выборные должности (1799 г.), и даже губернских своих предводителей (1800 г.), дворянство выбирало в уездных собраниях. <...> Наконец, Павел отменил важнейшее личное преимущество, которым пользовались привилегированные сословия по жалованным грамотам»** [2017, с. 840];

– внешность Александра I: «**Император Александр I сам по себе, не по общественному положению, по своему природному качеству был человек средней величины, не выше и не ниже общего уровня»** [2017, с. 847];

– поход декабристов по Европе: «**Они [декабристы] сделали поход 1812–1815 гг.; многие из них вернулись ранеными. Они прошли Европу от Москвы и почти до западной ее окраины, участвовали в шумных событиях, которые решали судьбу западноевропейских народов...**» [2017, с. 871–872].

Изложение от 3-го лица в работе В.О. Ключевского передает еще мысли и чувства исторических лиц:

– интерес Петра I: «**Петр думал не о рациональном обложении, а о бездоимочном поступлении»** [2017, с. 620];

– желание Екатерины II: «**Она [Екатерина II] хотела вести чисто личную политику, не прикрываемую никаким рядом стоящим, хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением»** [2017, с. 776];

– заботу Екатерины II о личной славе: «**Задумав дело, она больше думала о**

том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; обстановка и впечатление были для нее важнее самого дела и его последствий» [2017, с. 757];

– психическое ощущение Александра I, когда ему было 18 лет: *«В 1796 г., имея 18 лет от роду, он [Александр I] уже чувствовал себя усталым и признавался, что его мечта — со временем, отрекшись от престола, поселиться с женой на берегу Рейна и вести жизнь частного человека в обществе друзей и в изучении природы»* [2017, с. 851];

– ощущение страдания у обездоленных крестьян: *«Большее всех пострадали и без того наиболее обездоленные помещичьи крестьяне»* [2017, с. 621];

– чувство тревоги у народа после смерти Петра I: *«Все почувствовали, что упала сильная рука (Петр I. — В.Л.), как-никак, но поддерживавшая порядок, а вокруг себя видели так мало прочных опор порядка, что поневоле шевелился тревожный вопрос: что-то будет дальше?»* [2017, с. 666];

– чувство неопределенности у русского общества: *«К тому же все общество чувствовало в действиях правительства шатость и каприз, отсутствие единства мысли и определенного направления»* [2017, с. 735];

– чувство безделья у дворянства: *«Таким образом, дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя без настоящего, серьезного дела»* [2017, с. 825].

Итак, в сочинении В.О. Ключевского изложение от 3-го лица не только передает объективные действия и факты, как в стандартизированном научном тексте, но и передает мысли и чувства исторических лиц. Раскрывается психологический портрет русской истории.

Хотя изложение от 1-го лица мн. ч., изложение от 3-го лица и безличная форма изложения преобладают в стандартизированном научном тексте, допускается в нем и изложение от 1-го лица ед. ч.: «В научном познании всегда присутствует, явно или неявно, субъект. И это... важный стилеобразующий фактор. Он проявляется в манере изложения, в выборе исследовательской программы... в характере

утверждений и др. Субъективные, точнее, «субъектные» свойства научного изложения — это проявление авторской индивидуальности, творческого характера познания и обязательной для него сознательной рефлексии» [Рябцева 2005: 483].

Автор научного текста авторизуется в научном тексте. В такой авторизации реализуется «авторская позиция», проявляется категория образа автора [Приходько 1978: 575; Чернявская 2007: 101]: «Авторизация в я-форме имеет место прежде всего при представлении собственно авторского знания — авторских гипотез, заключений, определений, т. е. в таких коммуникативно-познавательных ситуациях, когда открытая заявленность адресата должна подчеркнуть личностную принадлежность одних заключений, выделив их в контексте других» [Чернявская 2007: 101–102].

Для произведений, написанных в такой форме, характерна «достоверность изложения, утверждение подлинности излагаемых фактов, эффект оправдания, и дает возможность раскрыть субъективность взгляда автора на мир» [Николина 2003: 70].

В сочинении В.О. Ключевского изложение от 1-го лица ед. ч. и соотнесение характера этого изложения с содержанием свидетельствуют о научном методе историка. Такой тип изложения вводит непривычную характеристику эпохи правления монархов, новую оценку их реформ, а также свидетельствует о противопоставлении авторской исследовательской позиции другим:

- *я изложу* вводит последствия крепостного права, его воздействие на сельское хозяйство и способы помещичьего использования крепостного труда: «**Я изложу лишь некоторые, наиболее заметные последствия права в кратком перечне и прежде всего укажу, какое действие оказывало крепостное право на сельское помещичье хозяйство.** <...> Под покровом крепостного права в помещичьем селе сложились во второй половине XVIII в. своеобразные отношения и порядки. **Я укажу сначала на способы помещичьей эксплуатации крепостного труда**» [2017, с. 817];

- *я ограничил* ограничивает обзор деятельности Петра I касающимися всех

фактами и обосновывает способы установления ее значения: *«Я говорил, что реформа по своему исходному моменту и по своей конечной цели была военно-финансовая, и я ограничил обзор ее фактами, которые, вытекая из этого двойственного ее значения, коснулись всех классов общества, отозвались на всем народе. На этих фактах я считаю возможным основать суждение о значении и характере преобразовательной деятельности Петра, по крайней мере с некоторых ее сторон»* [2017, с. 652];

- *я не разделяю* опровергает обычное мнение о Павле I, выделяется авторская позиция: *«Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования; напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной к нам судьбы, не имеющим внутренней связи с предшествующим временем и ничего не давшим дальнейшему: нет, это царствование органически связано как протест — с прошедшим, а как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников — с будущим»* [2017, с. 840].

Формируется оппозиция:

общепринятые оценки периода царствования Павла I ↔ оценка периода царствования Павла I В.О. Ключевского

случайный эпизод; ↔ *органический протест с прошедшим*
печальный каприз судьбы;

нет внутренней связи с
предшествующим временем

ничего не дают дальнейшему ↔ *первый неудачный опыт новой*
политики;
назидательный урок для преемников
в будущем

В изложении от 1-го лица ед. ч. в этом высказывании отмечается то, что отличает взгляд В.О. Ключевского на правление Павла I от общепринятого взгляда. Вводя повествование от 1-го лица ед. ч. *я*, историк выбирает собственную траекторию исследования и устанавливает связь правления Павла I и с прошедшим, и с будущим:

органический протест с прошедшим ↔ *назидательный урок для преемников в будущем*

В сочинении В.О. Ключевского также используется тип изложения от 2-го лица мн. ч. *вы*, который является характерным приемом для жанра лекции.

Изучение такой формы значимо для понимания глобальной интенции автора научного текста: автор «приглашает читателя представить себя на его (автора) месте и испытать те же чувства, переживания. Такой прием приближает изображаемое к читателю, делает описываемое более ярким, наглядным, достоверным. Читатель сам как бы оказывается в гуще, в центре событий и собственными глазами смотрит на происходящее» [Солганик 2014: 95; Hyland 2005: 182].

Присутствие формы второго лица мн. ч. акцентирует внимание на собеседнике. Это прямое обращение к аудитории и вовлечение их в исследование. Например, при рассмотрении реальной нормы и размера оброка, денежного или натурального сбора, взимавшегося помещиком с крепостного крестьянина, после Манифеста об отмене крепостного права от 19 февраля (3 марта) 1861 года: «*Если подушный оброк 12 руб., то вы можете расчислить тяжесть оброка на каждую десятину. Далее, для прочих имений (для губерний Московской, Ярославской и некоторых уездов Владимирской) — 3 – 5 руб.; для пунктов наиболее фабрично-промышленных подушный оброк — 10 руб.; для остальных местностей первой, второй и третьей полосы, т. е. для всей остальной России, за исключением нескольких уездов некоторых губерний, — 9 руб.*» [2017, с. 898].

Вы привлекает внимание аудитории к расчету оброка: «*...именно в нечерноземной и степной полосе на первую десятину отчислялось 4 руб., а оставшиеся затем 5 руб. равномерно раскладывались на остальные части надела.*

***Вы поймете** разницу, какую вносило это расчисление; если, например, крестьяне за 4 десятины получаемого надела должны были платить оброка 12 руб., то при уменьшении надела и оброк должен бы был уменьшаться пропорционально; например, если они получали полнадела — 2 десятины, то они должны были бы платить 6 руб.» [2017, с. 899].*

Вы обращает внимание аудитории на процесс превращения в сословия племен: «Так и в нашей истории **вы наблюдаете** процесс превращения в сословия племен, сведенных судьбой для совместной жизни в одном государственном союзе, с преобладанием одного племени над другими» [2017, с. 46–47].

Вы акцентирует внимание аудитории на сельских крестьян XVI в.: «Если **вы станете** изучать сельское крестьянское население по поземельным описям XVI в., это население с внешней стороны представится вам в таком виде» [2017, с. 279].

Вы указывает на отроги Днепра: «**Вы знаете**, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает большой и крутой изгиб к востоку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Авратынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб» [2017, с. 170–171].

Вы напоминает аудитории об изученном явлении русской истории XII и XIII вв.: «**Припомните**, как **вы изучали** явления нашей истории XII и XIII вв. на гимназической скамье, т. е. как они излагаются в кратком учебном руководстве» [2017, с. 276].

Таким образом, в научном тексте категория образа автора проявляется не только и не столько в выборе типа изложения, сколько в его соотношении с вводимым им содержанием.

В сочинении В.О. Ключевского встречаются все типы изложения — от 1-го лица ед. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица и безличная форма изложения.

Изложение от 1-го лица ед. ч. вводит тему обсуждения (я изложу последствия, я укажу способы, я считаю возможным основать, я говорил), формулирует критерий оценки реформ (я ограничил фактами, которые коснулись всех классов общества), уточняет авторскую позицию в случае противоречия общепринятому

мнению (*я не разделяю общепринятые пренебрежения*).

Изложение от 1-го лица мн. ч. используется В.О. Ключевским для введения объекта рассмотрения и объединения автора со слушателями и читателями (*мы припомним, мы заметили, мы встречаем, мы заметим, мы воротимся, мы знаем*), а не для передачи обобщенно-научного мнения или действия (*мы считали, мы проделали*).

Прямое обращение к читателям и слушателям на *вы* (*вы можете расчислить, вы поймете разницу, вы наблюдаете процесс, вы изучали явления, вы представите себе границы, вы припомните явления, вы станете изучать*) акцентирует внимание читателей на обсуждаемой проблеме, вовлекает их в исследование.

Изложение от 3-го лица в сочинении В.О. Ключевского используется как при повествовании о конкретных действиях и фактах (*сенат явился, дума стала превращаться, Петр I издал, Павел I предпринял разрушение, Павел I отменил, дворянство выбирало, Александр I был, декабристы сделали поход, вернулись, прошли, участвовали*), так и при передаче мыслей и чувств исторических лиц (*Петр I думал, Екатерина II хотела, думала, Александр I чувствовал себя усталым, крестьяне пострадали, все почувствовали, общество чувствовало, дворянство почувствовало*).

Безличная форма изложения в работе В.О. Ключевского не только вводит объективные факты или действия (*обнаруживается, предстояло, столкнулось, случилось так, обнаруживаются, видно*), но и передает чувства (*можно только недоумевать, можно понять и даже почувствовать, трудно проследить, легко заметить, легко видеть, любопытно видеть*), объединяющие автора со слушателями и читателями.

Реконструкция связи типа изложения с содержанием становится ключом к пониманию научного метода автора и раскрытию его образа как исследователя. Подробнее этот вопрос рассмотрим в параграфе 2.2.

Принцип отбора языковых средств

В сочинении «Русская история» ученый производит отбор форм языкового выражения в рамках общих правил научного стиля: научный стиль — это «общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств» в научной сфере общения и речевой деятельности, соотносительной с другими такими же способами выражения, которые служат для «иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [Виноградов 1955: 73].

Определены языковые особенности функционального научного стиля на всех уровнях текста:

- на уровне лексики стремление научного стиля к точности изложения отражается в научной терминологии и заимствованных словах, а также в «однообразии, однородности» лексики научного стиля, «высокой частоте употребления отдельных слов» [Крылова 1979: 104]; а стремление к обобщению, к абстрактному изложению на уровне лексики проявляется в том, что в научном стиле абстрактная лексика преобладает над конкретной;

- на уровне морфологии отмечается форма причастия — действительного и страдательного причастия, «книжность» которых объясняется историей: «они восходят к старославянскому языку и поэтому издавна были принадлежностью письменной речи» [Голуб 2010: 322]; высокий процент существительных среднего рода, обозначающих отвлеченность и абстрактность; отвлеченные существительные на -ость, обозначающие опредмеченное качество; отглагольные имена действия и вещественные; из падежных форм преобладает «родительный падеж» [Крылова 1979: 118];

- на синтаксическом уровне стремление научного стиля к объективности обнаруживает распространение пассивной конструкции, в которой сказуемое выражается формами глагола с аффиксом -ся, а также краткими страдательными причастиями со связкой или без нее; неопределенно-личные и безличные предложения; стремление к точности и логичности изложения обуславливает

широкое распространение здесь конструкции с однородными членами и вводными словами; особенностью сложноподчиненных предложений с изъяснительной придаточной частью, употребляемых в научном стиле, является «информативная несамостоятельность главной части» [Крылова 1979: 125]; наблюдается объективный порядок слов.

Эти признаки обнаруживаются в сочинении В.О. Ключевского.

Рассмотрим небольшой фрагмент:

«Но, признавая в себе «отменно республиканскую душу», она [Екатерина II] считала наиболее пригодным для России образом правления самодержавие или деспотию, которых основательно не различала; разграничить эти виды одного и того же образа правления затрудняются и ученые публицисты. Она сама заботливо практиковала этот образ правления, хотя соглашалась, что может показаться чудным сочетание республиканского «закала души» с деспотической практикой» [2017, с. 778].

В этом небольшом фрагменте есть научная терминология (*самодержавие, деспотия, республиканский, деспотический*), много заимствованных слов (*республиканский, деспотия, деспотический, практика*), абстрактная лексика (*образ, правление, сочетание, практика, пригодный, чудный*), повторяются некоторые выражения (*образ правления*).

Но образ автора проявляется не в признаках функционального научного стиля в данном случае, а в иронических выражениях:

Екатерина II считала наиболее пригодным самодержавие или деспотию, которых основательно не различала;

Екатерина II заботливо практиковала деспотию;

Екатерина II практиковала чудное («странное») сочетание республиканского «закала души» с деспотической практикой.

Ирония видится в том, что Екатерина II совмещала несовместимые понятия: *республика* — «форма государственного правления, при которой высшие органы государственной власти избираются населением на определенный срок» [ССРЛЯ, т.

12, с. 1245], а *деспотия* — ‘форма абсолютной, неограниченной власти’ [Там же, т.3, с.740].

Еще пример:

«Самодержавная власть, по ее [Екатерины II] мысли, получала новый облик, становилась чем-то вроде лично-конституционного абсолютизма. В обществе, утратившем чувство права, и такая случайность, как удачная личность монарха, могла сойти за правовую гарантию» [2017, с. 783].

В этом фрагменте есть действительное причастие прошедшего времени (*утративший*), существительных среднего рода (*общество, чувство, право*), существительные на -ость (*случайность, личность*), существительное на -изм (*абсолютизм*), существительные в родительном падеже:

<i>чувство</i>	<i>личность</i>
↓ <i>чего?</i>	↓ <i>кого?</i>
<i>права</i>	<i>монарха</i>

Образ автора проявляется не в них, а в оригинальной трактовке понятий (понимание *правовой гарантии* в самодержавии как *случайности*), формировании авторских понятий (*лично-конституционный абсолютизм*), разрушении стилистических границ (использование разговорных слов и выражений: *сойти за, становиться чем-то вроде*).

В этой иронии по отношению к правлению Екатерины II раскрывается образ автора.

Еще один пример (характеристики конца правления Петра III): *«Всем было очевидно расстройство правительственного механизма. Все это вызвало дружный ропот, который из высших сфер переливался вниз и становился всенародным. Языки развязались, как бы не чувствуя страха полицейского; на улицах открыто и громко выражали недовольство, без всякого опасения порицая государя. Ропот незаметно сложился в военный заговор, а заговор повел к новому перевороту»* [2017, с. 735].

В этом фрагменте есть пассивная конструкция (*Языки развязались...; Ропот*

сложился...), неопределенно-личные и безличные предложения: *Всем было очевидно расстройство...; выражали недовольство...),* конструкция с однородными членами (*...как бы не чувствуя страха полицейского; ...без всякого опасения порицая государя*), сложноподчиненные предложения (*Все это вызвало дружный ропот, который...).*

Характерный стилистический облик данного фрагмента заключается в последовательности изложения, лексическом пополнении смысла выражения *дружный ропот*: *дружный ропот* (тема) → *переливался вниз и становился всенародным* (рема) → *всенародный ропот* (тема) → *стал открытым и громким выражением недовольства* (рема) → *открытое и громкое выражение недовольства* (тема) → *сложилось в военный заговор* (рема). Эта схема закрепляет понимание ученым причин переворота 28 июня 1762 г.

Также стилистический облик образуется особыми экспрессивными выражениями:

- выражением *дружный ропот*, где слово *ропот*, означая ‘недовольство, выраженное негромкой речью, не вполне открыто’ [ССРЛЯ, т.12, с. 1460], не может быть дружным;
- метафоричным выражением *ропот переливался вниз*;
- разговорным выражением *языки развязались* со значением ‘кто-либо начинает много говорить, становится болтливым’ [ССРЛЯ, т.12, с. 222];
- семантическим повтором мысли об усилении отсутствия страха: *дружный ропот — страх полицейского не чувствуется — без опасения порицая государя*.

Эти средства, многократно закрепляя характеристику конца правления Петра III как отсутствие страха у народов, позволяют нам обнаружить проявление образа автора в работе В.О. Ключевского.

Так все традиционно выделяемые признаки функционального научного стиля присутствуют у В.О. Ключевского, однако не в той концентрации, чтобы определять общий стилистический облик сочинения «Русская история». В нем

пользуются экспрессивные средства, которые несвойственны стандартизированному научному тексту: для научного стиля, стремящегося к объективности и точности, «не свойственна эмоционально-экспрессивная окрашенность языковых средств» [Крылова 1979: 129].

«В некоторых речевых жанрах научного стиля (например, в научно-популярных лекциях и статьях) могут быть использованы некоторые экспрессивные языковые средства, в частности тропы (сравнения, эпитеты, метафоры, гиперболы и др.)» [Там же]. Но применение экспрессивных языковых приемов «довольно нерегулярно» и зависит от «авторской индивидуальности» [Там же].

Так личность автора научного текста проявляется в том, использует ли он только те языковые средства, которые свойственны научному функциональному стилю, или в научном тексте все же есть элементы его индивидуального стиля: «Отступление от принятой нормы в плане более свободного стиля изложения, большей персонификации и авторской индивидуализации в большей степени свойственно крупным научным авторитетам и свидетельствует о творческом начале языковой личности» [Кириллова 2007: 76].

Идиостиль приобретает «неповторимо своеобразное воплощение общей стилевой закономерности» [Соколов 1990: 155]. Он может быть «выражением общего стиля» и «индивидуальный вариант общего стиля» [Там же]. Но можем ли мы также рассматривать стиль В.О. Ключевского как выражение общего научного стиля? Полагаем, что нет, так как стиль историка слишком нетривиален.

Появление экспрессивных приемов в научном тексте, в том числе в работе В.О. Ключевского, объясняет стремление автора не только к объективности, но и к эмоциональному переосмыслению действительности, которые в свою очередь приводят к усложнению семантической и композиционной структуры текста: они приводят к «эмоциональному усилению повествования. Эмоциональное отношение к вещам и событиям, их оценки, приводящие к переосмыслению действительности, приводят к усложнению, объемности, многослойности

композиционной структуры произведения» [Новикова 2020: 99].

Использование экспрессивных приемов позволяет выразить авторскую модальность: это приводит к «порождению новой информации и новых смыслов и через план содержания, и через специфические образные структуры плана выражения. В таком образном, экспрессивном употреблении прослеживается оценка изображаемого как выражение авторской модальности» [Там же: 213].

В сочинении «Русская история» образ историка реконструируется в своеобразном отборе таких средств: «Несравненный художественный талант, которым обладал Ключевский, открывал ему особый прием изображения изучаемых им явлений и особый путь их познания, неведомый для патентованных ученых исследователей, но только исследователей. <...> Когда Ключевский в архиве или в тиши своего ученого кабинета погружался в чтение древних документов, он вживался в ту эпоху, которую исследовал, он проникал в мирозерцание, в чувства и настроения людей того времени, постигал их внутренним художественным чутьем. Он на эти минуты как бы жил с людьми прошлого, мыслил и чувствовал вместе с ними» [Богословский 2017: 60].

В.О. Ключевский свободно использует всю палитру экспрессивных приемов, смысл которых состоит в экономном выражении сложной мысли [Валентинова 2020: 379].

О.И. Валентинова эксплицирует возможность экспрессивных приемов выражать сложный смысл на примере высказывания В.О. Ключевского «...славянофилы подкупали *широкой размашистостью* идей, бодрой верой в народные силы...» [2004, с. 417]: «Бесцельное, беспредметное растрачивание сил, избыток почти пустого, восторженного энтузиазма, эмоциональность в ущерб рассудительности и многое, многое иное стоит за широкой размашистостью (а не размахом) идей славянофилов, о которой писал Ключевский. Хватило суффикса. Безосновательность, беспочвенность веры славянофилов в народные силы и скептическое отношение к тому, что славянофилы называли народными силами, выражены одним словом: оказалось достаточным сообщить этой вере эпитет

бодрая» [Валентинова 2016: 269]. Исследователь выводит оппозицию *размах* ↔ *размашистость* и эксплицирует сложный смысл, подразумеваемый под окказиональным выражением *размашистость*: ‘бесцельное, беспредметное растрачивание сил, избыток почти пустого, восторженного энтузиазма, эмоциональность в ущерб рассудительности и др.’, слово *размах* означает ‘широту, смелость в поступках, деятельности; отсутствие ограниченности, узости в проявлении’ [ССРЛЯ, т. 12, с. 377]. В окказиональном сочетании *бодрая вера* О.И. Валентинова эксплицирует значение слова *бодрый* ‘безосновательность, беспочвенность веры славянофилов в народные силы и скептическое отношение к этой вере’.

Л.А. Новиков проясняет сущность экспрессивного (эстетического) знака и выделяет основные типы оппозиций, образуемых обычным знаком и экспрессивным [Новиков 2001]: обычная (стандартная) форма знака и необычная (1), узуальная асимметричность (означающего и означаемого) знака и асимметричность особенного в знаке (2), смысловая непротиворечивость знака и смысловая противоречивость знака (3), семантическая устойчивость знака и семантическая подвижность знака (4), нормативный характер знака и творческий характер знака (5).

- Оппозиция «обычная (стандартная) форма знака ↔ необычная»

Л.А. Новиков отмечает, что употребление обычного знака не привлекает к себе особое внимание, а употребление экспрессивного знака выделяется словообразовательной, грамматическими формами, инверсированным словопорядком, звукописью [Там же: 60–61].

Например, проанализированный О.И. Валентиновой экспрессивный знак *размашистость*, образованный от существительного *размах*, в словарях отсутствует. В образовании нового слова воплощается индивидуальный авторский смысл ‘бесцельного, беспредметного растрачивания сил, избытка почти пустого, восторженного энтузиазма, эмоциональности в ущерб рассудительности’ [Валентинова 2016: 269].

Суффиксы, которые мы называем эмоционально-экспрессивными, далеко не всегда являются способом создания экспрессивного знака. Они позволяют выразить коннотацию, т. е. положительное или отрицательное отношение: «*Ничтожная немецкая книжонка* («Юности честное зерцало». — В.Л.) *недаром стала воспитательницей общественного чувства русского дворянина*» [2017, с. 681]. Уничижительно-пренебрежительное значение выражается и лексически (*ничтожная*), и словообразовательно (*книж-онк-а*). В выборе этих средств выражается позиция историка и проявляется образ автора. Различие между знаками *размашистость* и *книжонка* состоит в том, что *размашистость* имеет необычную форму, а *ничтожная книжонка* — обычную форму.

- Оппозиция «узуальная асимметричность (означающего и означаемого) знака ↔ асимметричность особенного в знаке»

Для обычного знака характерна «обычная, узуальная полисемия, общее (значение)» [Новиков 2001: 61]. Экспрессивный знак «многопланово мотивирован в тексте» [Там же: 62]. А для экспрессивного знака асимметрия является «индивидуальной», выражая «особенное и неповторимое» в языке автора [Там же].

Приведем пример (обсуждение реформы просвещения при Петре I): «*Вера в чудодейственную силу образования, которой проникнут был Петр, его благоговейный культ науки насильственно зажег в рабьих умах искру просвещения, постепенно разгоравшуюся в осмысленное стремление к правде, т. е. к свободе. Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть. Но можно мириться с лицом, в котором эта противоестественная сила соединяется с самопожертвованием, когда самовластец, не жалея себя, идет напролом во имя общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное дело. Так мирятся с бурной весенней грозой, которая, ломая вековые деревья, освежает воздух и своим ливнем помогает всходам нового посева*» [2017, с. 665].

В тексте значения многих экспрессивных выражений мотивированы контекстом:

бурная весенняя гроза символизирует реформатора Петра I,
вековые деревья — русскую традицию рабства,
освежение воздуха — зажигание в рабских умах искры просвещения,
свой ливень — сочетание самовластия и самопожертвования царя,
всходы нового посева — осмысленное стремление у народов к правде, т. е. к
 свободе.

Формируется новое семантическое соотношение лексических единиц:
 взаимопредположение понятий *наука — просвещение — правда — свобода*. *Наука*
 — это просвещение, *наука и просвещение* — это правда, *наука и просвещение* —
 это правда и свобода.

Моральная позиция историка, как мы уже говорили, диктует принцип отбора
 языковых средств и проявляется в этом принципе. Окказиональная оппозиция
самовластие ↔ гражданская совесть характеризует образ автора, как и другие
 окказиональные оппозиции и отличные от общепринятых окказиональные
 соотношения понятий. *Самовластие как политический принцип* противно, оно
 является *противоестественной силой*.

Самовластие и *гражданская совесть* могут примириться только в личности
 самовластца, который способен соединить *самовластие с самопожертвованием*.
 Слово *самопожертвование* означает 'не жалеть себя, идти напролом во имя
 общего блага, рискуя разбиться о неодолимые препятствия и даже о собственное
 дело'. В этом заключается высокая оценка личности Петра I.

- Оппозиция «*смысловая непротиворечивость знака ↔ смысловая противоречивость*»

Обычный знак связывается с текстом по «закону семантического
 согласования», т. е. «сочетающиеся слова имеют один и тот же семантический
 компонент» [Новиков 2001: 63]. А экспрессивный знак противоречив: его
 «невязка» («семантическое рассогласование») «может происходить оттого, что в
 слове столкнулись два значения, два основных признака — и эти два лексических
 единства теснят друг друга. Это может происходить из-за невязки фразового

смысла (то есть смысла слова, определяемого фразой) с основным признаком (лексическим единством) данного слова» [Тынянов 2004: 227].

Такое рассогласование видится в сочинении «Русская история» при обсуждении изменения по внешнему виду народов при Петре I: *«Новый покррой платья, парики, бритые бороды, как и коллегиальные учреждения, средние и начальные школы, входили составными частями в один общий и широкий план — образить, облицевать русских людей внутри и снаружи по подобию просвещенных народов, дать их наружности, управлению, мышлению и самому общежитию склад, не отчуждающий, а сближающий с европейским миром, с которым историческая судьба связала русский народ»* [2017, с. 680]. Выражение *облицевать русских людей* имеет семантическую «невязку». В словаре *облицевать* означает 'покрывать основной материал сооружения для прочности или отделки слоем какого-либо другого материала' [ССРЛЯ, т. 8, с. 215]. Данное слово по правилам литературного языка не сочетается с одушевленным существительным *люди*, так как у них нет общего семантического компонента. Слово *облицевать* в данном контексте имеет переносное значение 'дать новое лицо', т. е. менять внешность, образ жизни русского народа извне.

- Оппозиция «семантическая устойчивость знака ↔ семантическая подвижность знака»

Обычный знак «в его первичной и вторичной семантических функциях представляет собой сигнификативно определенное содержание с выраженными смысловыми параметрами, в силу чего оно может фиксироваться в виде словарных дефиниций» [Новиков 2001: 65].

Экспрессивный знак «подвижен, неопределенен в своем содержании, будучи многопланово обусловленным» [Там же: 65].

Например, такая подвижность экспрессивного знака проявляется, когда историк обсуждает, чем занимаются дворяне, освобожденные от обязательной службы при Екатерине II: *«С тех пор как дворянство, освободившись от обязательной службы, почувствовало себя на досуге, оно стало стараться*

наполнить этот досуг, занять скучающую лень плодами чужих умственных и нравственных усилий, цветками заимствованной культуры» [2017, с. 825].

В этом высказывании используются стандартные устоявшиеся экспрессивные знаки: *плоды усилий, цветки культуры*. Индивидуальность автора и его нетривиальность проявляются в атрибутах: *плод чужие умственные и нравственные усилия, цветки заимствованной культуры*. Эти выражения так же, как и выражения *наполнить досуг, т. е. занять скучающую лень*, формируют создаваемый В.О. Ключевским образ дворянства в эпоху правления Екатерины II. Выражается отрицательное отношение ученого к дворянству екатерининской эпохи, которое занимает значимое место в структуре образа автора.

«Подвижность» и «многоликость» значения экспрессивного знака объясняются тем, что «оно являет собой чистые в трансцендентальном смысле представления, в которых, согласно И. Канту, нет ничего, что принадлежит к обычным ощущениям, и которые способны многократно трансформироваться в образе в пределах его инварианта. Можно, по-видимому, говорить об особом глубинном интеллектуально-чувственном пространстве в психике, где функционирует подвижное ядро образа, порождающее путем определенных психолингвистических процессов различные его смыслы и синтезирующее их в единое целое» [Новиков 2001: 83].

- Оппозиция «нормативный характер знака ↔ творческий характер знака»

В силу назначения практического языка (для успешной коммуникации в различных сферах жизни и деятельности общества) обычный знак имеет «нормативный характер, стандартность, понятийный (концептуальный) характер семантики, опосредующий количественное (необразное) мышление» [Новиков 2001: 67]. Экспрессивный знак «уходит в глубь текста, пронизывает все его уровни, последовательно включая в себя собственно языковое значение и композиционный смысл и отражая идею произведения» [Там же].

Например, в сочинении В.О. Ключевского реформа Петра I ассоциируется с *тяжелым ураганом: «Вскоре по смерти Петра стрельцы-раскольники*

рассказывали: когда государь преставлялся, он сам про себя говорил: еще бы мне жить было, да мир меня проклял. О великих трудах и замыслах Петра на пользу народа в ходячих народных толках не было и помину. Реформа пронеслась над народом, как тяжелый ураган, всех напугавший и для всех оставшийся загадкой» [2017, с. 672].

Слово *ураган* в прямом словарном значении обозначает природное явление и обеспечивает реализацию коммуникативной функции языка. Но сравнение реформы царя с *тяжелым ураганом*, который *напугал* народ и остался *загадкой*, представляет собой продукт творческого мышления, который несет на себе следы авторской личности, видения автора, его идиостиля. Обнаруживается семантическое противоречие между знаками *пронесся* и *тяжелый*: *пронесся* обозначает стремительное движение, а *тяжелый* — трудность передвижения.

Выражение *пронесся ураган* обозначает скорость и силу реформы Петра I, а *тяжелый ураган* — ее разрушительность и те тяготы, которые она принесла. Это авторское выражение, которое позволяет передать чувство российского общества, пережившего эту реформу. Выражается отрицательное отношение историка к реформе Петра I, а значит, отражает личность автора.

В научном тексте, в отличие от художественного, где «вторичные образно-переносные, особенно индивидуальные, в значительной степени подвержены влиянию бессознательного» [Новиков 2001: 30], отбор экспрессивных средств в высокой степени осознается автором.

Итак, образ автора в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» проявляется не столько в выборе языковых средств, которые относятся к функциональному научному стилю, сколько в выборе тех языковых средств, которые позволяют:

- выразить ощущение людей той или иной исторической эпохи (*дружный ропот — языки развязались — страх полицейского не чувствуется — без опасения порицая государя; пронесся тяжелый ураган*);
- выразить оценку, чаще имплицитную, исторических событий и

исторических личностей.

Оценка исторических событий и личностей может выражаться с помощью метафор (*бурная весенняя гроза* символизирует *реформатора Петра I*, *вековые деревья* — русскую традицию рабства, *освежение воздуха* — зажигание в рабских умах искры просвещения и т. д.), с помощью стилистического контраста (выражение *ничтожная книжонка*, содержащее презрительную коннотацию, контрастирует с книжной лексикой в выражении *воспитательница общественного чувства дворянства*);

- формировать в контексте новые типы смысловых соотношений: *правовая гарантия* — *случайность* — *удачная личность монарха*, *наука* — *просвещение* — *правда* — *свобода*, *самовластие* ↔ *гражданская совесть*, *республиканская душа* ↔ *деспотическая практика*;

- формировать авторское понятие для точной характеристики эпохи (*лично-конституционный абсолютизм*).

Выводы по I главе

В результате сопоставления содержания понятий *образ автора* и *автор* мы пришли к выводу, что они находятся в отношениях нетождественности и подобия.

Мы уточнили, что угол зрения, под которым всегда происходит отражение личности автора в тексте, можно установить, только определив вектор причинно-следственных отношений между элементами одного или разных уровней текста, то есть обнаружив направление доминантной деятельности текста.

В ходе сопоставления содержания понятий *доминанты* и *детерминанты* мы приняли определение *детерминанты* (категории образа автора) как причины и определяющего принципа всего текста, а *доминанты* как материализации этого принципа.

В ходе исследования было установлено, что категория образа автора научного текста проявляется и в *эксплицитном*, и в *имплицитном* содержании текста, а способы выражения содержания зависят от личности автора и, если речь идет о гуманитарной науке, от общественно-политической ситуации.

Установили, что образ автора в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» проявляется:

- в принципах отбора фактов, отбора исторических источников и выборки фрагментов из этих источников;
- в соотношении типа изложения с вводимым им содержанием;
- в выборе средств выражения.

Реконструкция образа автора в сочинении В.О. Ключевского позволяет выявить ценностные ориентиры ученого, *методологические* и *этические*.

Мы определили, что базовым принципом отбора исторических фактов и событий в «Русской истории» является их значение для *всех слоев общества* и их оценка через сопоставление задумки с результатом. А базовым принципом отбора исторических источников и выборки фрагментов из них является *этическая оценка* правящего сословия.

В ходе исследования делается вывод о том, что в сочинении В.О. Ключевского используются все типы изложения — от 1-го лица ед. ч. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица и безличная форма. Но только соотнесение типа изложения с вводимым им содержанием позволяет установить функцию типа изложения.

Изложение 1-го лица ед. ч. вводит тему обсуждения, критерий оценки исторических событий и позицию автора, противопоставленную общепринятым мнениям. Таким образом, изложение от 1-го лица ед. ч. непосредственно связано с экспликацией научного метода ученого.

Изложение от 1-го лица мн. ч. обозначает единство автора, его слушателей и читателей.

Изложение от 2-го лица мн. ч. применяется для прямого обращения к слушателям и читателям, для вовлечения их в исследование.

Изложение от 3-го лица в сочинении В.О. Ключевского используется при описании фактов и действий исторических лиц, при передаче их мыслей и чувств. Таким образом, раскрывается психологический портрет русской истории.

Безличная форма изложения вводит исторические факты и действия, передает чувства, объединяющие автора с его слушателями и читателями.

Так, образ автора проявляется более всего в работе В.О. Ключевского «Русская история» в нехарактерном для функционального научного стиля использовании типов изложения.

Мы показали, что в сочинении В.О. Ключевского используются экспрессивные эстетические знаки, образующие все типы оппозиций с обычными знаками: обычная (стандартная) форма знака и необычная (1), узуальная асимметричность (означающего и означаемого) знака и асимметричность особенного в знаке (2), смысловая непротиворечивость знака и смысловая противоречивость (3), семантическая устойчивость знака и семантическая подвижность знака (4), нормативный характер знака и творческий характер знака (5) [Новиков 2001].

Использование эстетических знаков, не относящихся к функциональному научному стилю, выполняет ряд функций: функцию выражения ощущения людей той или иной исторической эпохи, оценку исторических событий и личностей, характеристику исторической эпохи, а также отражение системы этических ценностей автора.

Таким образом, в сочинении В.О. Ключевского образ автора проявляется в отклонении от стереотипов функционального научного стиля, формируя иное понимание объективности и точности в гуманитарной науке.

ГЛАВА II. ПРОЯВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОБРАЗА АВТОРА В СОЧИНЕНИИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО «РУССКАЯ ИСТОРИЯ»

Образ автора интегрирует научный текст, как и любой другой текст. Для понимания образа автора научного текста необходимо понимание используемых автором научных методов. Сам В.О. Ключевский выделял «объективный» и «субъективный методы» [Ключевский 1989], выбор которых определяет категория образа автора.

Следуя «объективному методу», можно принять за точку отправления в изучении истории не «изучающий субъект», а «изучаемый объект» [Там же: 73]. В основе объективного метода лежит изучение «самого исторического движения» [Там же]: «В исторической действительности нет ни прошедшего, ни настоящего, а есть только непрерывное течение; <...> Когда изучающий отрешится от этой фикции, которая заставляет его отличать современное состояние от прошедшего, когда он уверится, что всякие отдельные представления о явлениях современной жизни суть представления о тех же минувших фактах истории, тогда в историческом процессе перед ним останется как проблема, требующая его разрешения, не генезис известных исторических состояний, или формаций общежития, а *самое историческое движение* (выделено мной. — В.Л.), последовательно создающее и разрушающее различные состояния, или различные формации, общежития» [Там же]. Для объективного описания необходимы приемы изучения: наблюдение за явлениями, их сопоставление и обобщение.

Согласно «субъективному методу» отправной точкой исторического исследования служит не само «историческое событие», а «личный кругозор изучающего» субъекта, т. е. исходным пунктом в изучении истории становится «точка зрения изучающего» [Там же: 72]: «...полнота исторического изучения неизбежно зависит от широты личного кругозора историка, который обыкновенно рассказывает, да и может рассказать, только то, что знает и понимает сам. <...> историческое изучение превращается в историю индивидуальных мирозерцаний,

становится чем-то похожим на культурную автобиографию самого историка, который воспроизводит генезис не всего содержания известной культуры, а только тех ее элементов, которые могли поместиться в его сознании» [Там же]. Для субъективного изучения необходимы такие приемы изучения, как «подбор явлений, оценка их и связь» по личному усмотрению ученого [Там же: 71].

Однако даже «объективный метод» отражает субъекта исследования.

Так, в данной главе рассматривается проявление категории образа автора в научных методах ученого, которые могут реконструироваться в принципе работы ученого с историческими источниками, в принципе выбора типа изложения, а также в принципе отбора средств выражения.

2.1. Принцип работы ученого с историческими источниками как проявление категории образа автора

Обращение к историческим источникам подтверждает мысль историка, помогает понять то или иное утверждение, и таким образом создается «собственный» образ прошлого: «Облик прошлого во многом зависит от того, как историк определяет круг источников» [Репина 2006: 33].

Мы уже писали, что образ автора проявляется в принципе отбора исторических источников и в принципе выборки фрагментов из них.

Например, при рассмотрении реформы образования при Петре I В.О. Ключевский ссылается на следующие источники:

- «Адріана патріарха извѣщеніе въ октабрѣ 1698 или 1699 года»;
- именные указы, изданные 25 февраля 1705 г., 17 октября 1706 г., 18 и 20 января, 28 февраля 1714 г.;
- сенатские указы, изданные 19 ноября 1713 г. и 17 октября 1723 г.;
- «Инструкція Морской академіи, въ Санктпетербургѣ», изданная 1 октября 1715 г. по приказу Петра I;
- книга «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению,

собранные от разных авторов» (1717).

Эти источники свидетельствуют о замысле реформы образования при Петре I и его реализации, о нравственном и материальном состоянии тогдашних учебных заведений.

Ссылаясь на беседу Петра I с патриархом Адрианом, В.О. Ключевский показывает изначальный замысел реформы образования Петра I:

«Он [Петр I] хотел иметь школу, из которой бы «во всякие потребности люди происходили, в церковную службу и в гражданскую, воинствовать, знати строение и докторское врачебское искусство» и которая избавила бы отцов, желающих обучить своих детей «свободным наукам», от необходимости обращаться для этого к иноземцам» [2017, с. 676].

Школа в данном контексте понимается широко, как ‘система образования’, которая бы служила для подготовки специалистов во всех областях. При наличии такой школы русским не надо было бы ехать учиться за границу или приглашать к себе иностранцев. Всем бы стали доступны «свободные науки».

Ссылка на именной указ от 25 февраля 1705 г. раскрывает изначальный план реформы гимназии Э. Глюка, существовавшей в 1703–1715 гг.:

«Ученикам обещано было важное преимущество: окончившим курс "в службу неволею взятья не будет", будут они приниматься на службу, когда пожелают, по состоянию и искусству. Школа объявлена была вольной: в нее записываются "своею охотою". ...по указу о ее учреждении записавшиеся в нее могли учиться, «каких наук кто похочет»» [2017, с. 678–679].

Перечислены преимущества школы Глюка: выпускники могут решать сами, поступать ли им на службу; поступление в школу зависит от воли учеников; ученикам доступны любые науки.

Однако реализация реформы образования Петра I не соответствовала изначальным планам о доступных всем «свободных науках», о вольной школе и службе, и этот факт отражается в следующих источниках и выборе фрагментов для цитирования.

- Принципы набора учеников в школу Глюка демонстрируются во фрагменте из именного указа от 17 октября 1706 г.:

«Но принцип академической свободы скоро разбился о научное равнодушие: в 1706 г. в школе было только 40 учеников, а учителя находили, что можно прибавить еще 300. Тогда недоросли, дети "знатных чинов", в науке не состоящие, были оповещены указом, чтоб "они привожены были в тое школу безо всякого отбывательства и учились на своих довольствах и кормах". Но эта мера, кажется, не пополнила школы до желаемого комплекта» [2017, с. 678].

Таким образом, принцип академической свободы в школе Глюка, где учеников оказалось слишком мало, был нарушен из-за научного равнодушия. Указ, предписывающий приводить недорослей, детей "знатных чинов" в школу без отбывательства и предлагаемое обучение на своих кормах не обеспечивают «желаемого комплекта» учеников.

- Способы набора учеников в училища отражены во фрагменте из сенатского указа «О наборѣ въ Инженерную школу: учениковъ», изданного 19 ноября 1713 г.:

«Учеников набирали отовсюду, как охотников в тогдашние полки, лишь бы укомплектовать заведение. Учебное начальство не смогло исполнить предписания; новый сердитый указ — набрать недостающих 77 учеников из всяких чинов людей, а из царедворцовых детей, из столичного дворянства, за кем не меньше 50 крестьянских дворов, — принудительно» [2017, с. 676].

При Петре I в учебные заведения принудительно вербуют учеников для комплектования организации. Для цитирования выбирается *сердитый*, т. е. строгий и безапелляционный указ, — это передает раздражение государя действиями подданных и служит эмоционально-оценочным выражением отношения автора к образовательной реформе Петра I.

- Идея насильственного обучения отражается также в отобранных В.О. Ключевским фрагментах из именных указов, данных сенату 20 января и 28 февраля 1714 г.:

«Петр удержал прежний служебный возраст дворянина — с 15 лет; но

теперь обязательная служба осложнена была новой подготовительной повинностью — учебной, состоявшей в обязательном начальном обучении. По указам 20 января и 28 февраля 1714 г. дети дворян и приказного чина, дьяков и подьячих, должны обучиться цифири, т.е. арифметике, и некоторой части геометрии, и полагался "штраф такой, что не вольно будет жениться, пока сего выучится"; венечных памятей (письменного разрешения на венчание) не давали без письменного удостоверения о выучке от учителя» [2017, с. 586].

Обязательное обучение при Петре I является *подготовительной повинностью* дворян для выполнения *обязательной службы*. Отбираются фрагменты, в которых показывается, что такое обязательное обучение вводится под страхом *штрафа* ('наказание, взыскание за нарушение условий, правил игры, этикета и т. п.' [ССРЛЯ, т. 17, с. 1573]): пока *дети дворян и приказного чина, дьяков и подьячих* не закончат учебу, они не могут жениться, разрешение на брак им не выдают без *письменного удостоверения о выучке* от самого учителя. Указ определяет, что молодым дворянам и приказчикам можно заводить семью только после завершения обучения или достижения особых успехов, гарантирующих их пригодность к службе.

- Мысль, что реформа для мирян проводилась не в полном масштабе, отражается во фрагментах из именных указов, данных сенату 18 января и 28 февраля 1714 г.:

«Указы 1714 г. вводили совершенно новый факт в историю русского просвещения, обязательное обучение мирян. Дело задумано было в крайне скромных размерах. На каждую губернию назначено было всего по два учителя из учеников математических школ, выучивших географию и геометрию. Цифирь, начальная геометрия и кой-какие сведения по закону божью, помещавшиеся в тогдашних букварях, — вот и весь состав начального обучения, признанный достаточным для целей службы; расширение его пошло бы в ущерб службе. Предписанную программу дети должны были пройти в возрасте от 10 до 15 лет, когда обязательно кончалось учение, потому что начиналась служба» [2017, с.

586–587].

Реформой образования вводилось обязательное обучение мирян ('мужчина, живущий в миру, не принадлежащий к монашеству или к лицам духовного звания' [ССРЛЯ, т. 6, с. 1053]), что было *совершенно новым фактом*. Однако масштабы реформы для мирян оказались недостаточными:

количество учителей	<i>по два учителя на каждую губернию</i>
квалификация учителей	<i>ученики математических школ, выучившие географию и геометрию</i>
содержание обучения	<i>цифирь</i> <i>начальная геометрия</i> <i>сведения по закону божью</i>

Выбирается фрагмент, в котором показано, что ни количество учителей, ни их квалификация, ни содержание обучения не были удовлетворительными, однако именно такой формат был признан при Петре I *достаточным для целей службы*. А его расширение могло не способствовать этой службе, а наоборот, *нанести ей ущерб*.

- Идея о том, что служба первична, отражается в приводимом В.О. Ключевским фрагменте из сенатского указа 17 октября 1723 г. «О соединении в Новѣгородѣ цыфирной школы съ Архіерейскою и о непринимании учениковъ выше пятнадцати лѣтъ»:

«По указу 17 октября 1723 г. светских чинов людей держать в школах далее 15 лет не велено, "хотя б они и сами желали, дабы под именем той науки от смотров и определения в службу не укрывались"» [2017, с. 587].

Ученики не могут продолжать учиться в школах по достижении ими 15 лет ни по личному желанию, ни ради науки, так как в этом возрасте необходимо приступать к службе.

Итак, образ автора проявляется:

— в отборе фрагментов беседы Петра I с патриархом Адрианом и именного указа от 25 февраля 1705 г., позволяющих увидеть первоначальный замысел реформы образования, который предполагал доступные всем *свободные науки, вольную школу* во всех сферах жизни и *вольную службу* после обучения;

— в отборе фрагментов именных указов от 17 октября 1706 г., 20 января и 28 февраля 1714 г., сенатского указа от 19 ноября 1713 г., которые свидетельствуют о насильственном обучении при Петре I (учеников направляли в учебное заведение *без всякого отбывательства, принудительно*; обучение вводилось под страхом *штрафа*; пока ученики не закончат учебу, они не могут *вольно жениться*);

— в отборе фрагментов именных указов от 18 января и 28 февраля 1714 г., сенатского указа от 17 октября 1723 г., из которых ясно, что обучение проводится *для целей службы*.

Образ автора проявляется в принципе отбора исторических документов, раскрывающем противоречие высокой идеи и низких методов ее осуществления.

Достоверно оценить избирательность этих фрагментов можно только на фоне полного текста источников. В данном случае речь пойдет об Уставе «Инструкція Морской академіи, въ Санктпетербургѣ».

Из Устава Морской академии В.О. Ключевский выбрал те фрагменты, в которых упоминается основной стимул всех действий воспитанников академии — *наказание* [2017, с. 677]:

- «*Ежедневно ранним утром собирается в зале для молитвы, прося господ бога о потребной милости и о здравии его царского величества и о благополучии его оружия, под наказанием*».

- «*Затем каждый должен сесть на свое место «без всякой конфузии, не досадя друг другу, под наказанием*»».

- «*Ученики должны слушать, чему их будут учить профессора, и к оным надлежащее почтение иметь, под наказанием*».

- «*Профессора должны обучать морскую гвардию со всяким прилежанием и*

лучшим вразумительным образом, под наказанием».

- *«Профессора не должны ничего брать со своих учеников «прямым ниже посторонним образом», под опасением возврата взятого вчетверо, а в случае повторения «оного прегрешения — под телесным наказанием»».*

‘Если соотнести стимул с действиями, к которым он побуждает, прояснится абсурдное несоответствие добродетельного действия и насильственного способа побуждения к нему’ [Валентинова, Ван: 782]: ученики должны собираться по утрам для молитвы, просить Бога о милости, о благополучии, о здравии, не мешать другу, учиться и уважать профессоров исключительно потому, что боятся наказания, а профессора должны обучать учеников с усердием, ничего от них не брать тоже под страхом наказания. Автор обращает внимание на то, что все добродетели формируются под страхом наказания.

Однако в Уставе даются и другие указания учащимся, которые историк опускает, — за совершение плохих поступков и нарушение дисциплины также предусмотрено наказание:

- ученики не могут уйти из морской академии и пренебрегать «экзерцицией» (‘военные упражнения для обучения солдат применению оружия, строевому делу и т. п.’ [ССРЛЯ, т. 17, с. 1743]) без разрешения директора:

«Его Величество повелѣваетъ всѣмъ отъ Морской Гвардіи, изъ Академіи не отлучаться, ниже экзерциціи ни подѣ какимъ предлогомъ не пренебрегать, развѣ за необходимыми причинами, въ которомъ случаѣ оныя должны тѣ причины Директору отъ Академіи объявить, который въ томъ позволеніе дастъ, ежели случай то требовать будетъ, подѣ наказаніемъ тѣмъ, которые въ томъ противно поступятъ» [Полное собрание законов Российской империи. т.5. с. 174];

- ученикам запрещается кричать или шуметь во время «экзерциции»:

«Его Величество заповѣдуетъ всѣмъ отъ Морской Гвардіи никакова крику, ни шуму не чинить, ниже время провождать разговромъ съ другимъ во время ихъ экзерциціи, подѣ наказаніемъ» [Там же: 174];

- ученикам нельзя «досаждать друг другу», ссориться, и если поступит

жалоба, ее рассмотрит директор:

«Его Величество такожде повелѣваетъ всѣмъ отъ Морской Гвардіи **другъ другу не досаждаютъ**, ниже словами, ниже инымъ чѣмъ; и ежели кто изъ нихъ имѣтъ будетъ какую ссору, или причину имѣтъ на кого жаловаться, о томъ учинять они доношеніе Директору, которой освѣдомясь о томъ дѣлѣ виновнаго накажетъ по состоянію случая» [Там же: 174];

- ученики не могут «ранить друг друга злостно»:

«Ежели **кто** отъ Морской Гвардіи **ранить другаго злостно**, оной которой на часахъ дверей залы стоять будетъ, того за арестъ возьметъ, и немедленно о томъ увѣдомить Директора, дабы оныхъ за карауль взять, а онъ Директоръ уже о томъ донесетъ Его Сіятельству Адмиралу, или тому, кто вмѣсто его командовать будетъ, оныхъ наказать по состоянію случая» [Там же: 174];

- во время караула и в Академии нельзя пьянствовать, божиться и богохульствовать («божба» — ‘форма греха, состоящая в подтверждении собственных слов, обещаний или клятвы именем Божиим’ [Православная энциклопедия "Азбука веры" 2005]):

«Оной надсматривать долженъ, что бь они отнюдь во время караула, такожде и въ Академіи, **пьянства, божбы, ниже богохуленія не чинили**; и ежели сіе случится, то тогда увѣдомятъ Директора, дабы оныхъ наказать» [Полное собрание законов Российской империи: 175];

- ученикам запрещено ночью выходить из своих камер:

«Его Величество повелѣваетъ онымъ **не отлучатися по ночамъ изъ каморъ своихъ** ниже ночевать въ каморѣ другихъ, подь наказаніемъ» [Там же: 175];

- ученики не имеют права отлынивать от службы:

«Никто изъ Морской Гвардіи не можетъ **отстать отъ службы неполуча позволенія отъ Его Величества**, подь наказаніемъ отдану быть въ военной судъ и судиму яко дезертиру (бѣглецу)» [Там же: 175];

- ученикам запрещено бесчинствовать:

«Для унятія крика и бесчинства выбрать изъ Гвардіи отставныхъ добрыхъ

солдаты, и быть имъ по человѣку во всякой каморѣ во время ученія, и имѣть хлысть въ рукахъ; и буде **кто изъ учениковъ станетъ безчинствовать**, онымъ бить, не смотря какой бы онъ фамиліи ни былъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, кто поманить» [Там же: 176].

Причем, кроме перечисленных дурных поступков и нарушений дисциплины Морской академии, за которые полагаются наказания, в Уставе зафиксированы и военные обязанности учащихся:

- ученики по утрам собираются для обучения экзерциции:

«Вся Морская Гвардія по вся утры въ 7 часу отъ 1 числа сего (Октября) даже до послѣднихъ чиселъ Апрѣля мѣсяца и отъ 6 часу поутру отъ 1 Маія мѣсяца даже до послѣдняго числа Сентября, должна **собираться въ залахъ Академіи для обученія всѣхъ экзерциціи**, которыя онымъ предписаны будутъ, подъ наказаніемъ» [Там же: 173–174];

- ученики утром в 7 часов встречают командующего офицера:

«Оная Гвардія по вся дни, поутру въ 7 часу, строемъ пойдетъ **провоженіемъ командующаго Офицера**, который экзерциціи чинить велить тѣмъ, которымъ на караулъ быть» [Там же: 174];

- фиксирована обязанность часового:

«Часовой, которой на караулъ у часовъ стоять будетъ, долженствуетъ **по вся часы и половины въ колоколь ударить**» [Там же: 175];

- ученики должны соблюдать чистоту:

«Его Величество онымъ поведѣваетъ **имѣть стараніе о платьѣ своемъ, и быть всегда чисту, какъ въ платьѣ, такъ и въ бѣльѣ**, подъ наказаніемъ» [Там же: 175];

- ученики должны ухаживать за оружием:

«Такожде они **попеченіе имѣть будутъ о ружьѣ**, которое имъ роздано будетъ, чтобъ оно не заржавѣло и изломано не было» [Там же: 175].

В работе В.О. Ключевского опускаются справедливые наказания за совершение проступков, нарушение дисциплины и военных обязанностей.

Отбираются те фрагменты, где под страхом наказания учащиеся должны совершать добродетельные поступки. В таком принципе выборки фрагментов проявляется образ автора.

Образ автора проявляется также и в принципе отбора фрагментов из книги «Юности честное зеркало» для характеристики образовательной реформы Петра I. Эта книга воспитательной направленности представляет собой учебник с правилами приличия, предназначенный для обучения дворянских детей этикету и хорошим манерам.

Приведенные ниже фрагменты из книги «Юности честное зеркало», отобранные историком, показывают, что автора интересуют в первую очередь те правила поведения молодых шляхтичей, которые подчеркивают сословные различия:

«Первое общее правило — не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется; не славная фамилия и не высокий род приводят к шляхетству, но благочестные поступки и добродетели, украшающие шляхтича, коих три: приветливость, смирение и учтивость» [2017, с. 681].

Согласно книге «Юности честное зеркало», не высокий род определяет отличие дворян от деревенского мужика, а их благочестные поступки и добродетели. Книга прививает дворянам качества, которые украшают их и позволяют не уподобляться деревенскому мужику.

В.О. Ключевского также интересуют наставления, в которых прописаны правила этикета при общении и встрече с другими шляхтичами, — правила, которые должны отличать их от крестьян:

«При встрече со знакомым за три шага шляпу снять приятным образом, а не мимо прошедши оглядываться <...> за столом на стол не опираться, руками по столу не колобродить, ногами не мотать, перстов не облизывать, костей не грызть, ножом зубов не чистить, головы не чесать, над пищей, как свинья, не чавкать, не проглотя куска не говорить, ибо так делают крестьяне» [2017, с. 681].

Объяснение *ибо так делают крестьяне* подчеркивает все ту же мысль: в учебнике «Юности честное зеркало» сословие дворян противопоставлено низкому сословию — слуг и крестьян.

В.О. Ключевский приводит также правила поведения в общении со слугами, например: «*не говорить между собою по-русски, чтобы не поняла прислуга и их можно было отличить от незнающих болванов, со слугами не сообщаться, обращаться с ними недоверчиво и презрительно, всячески их смирать и унижать*» [2017, с. 681].

В наставлении дворянам советуют *не говорить между собою по-русски*, чтобы отличаться от слуг и крестьян, которые говорят по-русски. Совет молодым дворянам *смирать и унижать* слуг вступает в противоречие с приведенным выше наставлением, где называются противоположные качества, важные для дворян, т. е. *приветливость, смирение и учтивость*.

В книге «Юности честное зеркало» утверждается, что *не высокий род* определяет отличие дворян от крестьян и холопов, а их *благочестные поступки и добродетели* [2017, с. 681]. Но при этом в той же книге советуют всячески *смирать и унижать* крестьян и холопов. В сопоставлении прямых цитат из книги, отчетливо демонстрирующих противоречие между декларируемыми идеями, выражается презрение историка к этим наставлениям из «учебника приличий». В них подчеркивается сословное неравенство.

Итак, В.О. Ключевский выбрал для рассмотрения не все наставления из книги «Юности честное зеркало». Сопоставление предписаний, которые историк оставил без внимания, с теми, которые он привел в своем труде, поможет нам составить наиболее полный образ автора.

Приведем некоторые наставления отроку из этой книги, которые В.О. Ключевский не счел нужным процитировать:

- наставления, призывающие проявлять уважение к родителям, сформулированные в следующих выражениях:

«Въ первыхъ наіпаче всего должны дѣти отца и матеръ **въ великой чести**

содержать» [ЮЧЗ 1717: 1];

«У родітелеи рѣчеи **перебівать не надлежить**, и ніже прекословіть, и другіхъ ихъ сверстніковъ въ рѣчи не впадать, но **ожідать, пока они выговорять**» [Там же: 3];

«Когда родітели или кто другіи ихъ спросять, то должны они **къ німъ отозватца и отвѣщать тотчасъ, какъ голось послышать**» [Там же: 4];

- наставления, в которыхъ говорится о качествах, необходимых для личного развития дворян:

«Нікто **себя** самъ много не хвали и не унічіжаи (не стыди) и не срамота, и ніже дѣла своего возвелічивая, разшіряй болѣ, нежели какъ оноє въ подлінномъ дѣіствѣ состоіть, и нікогда роду своего и прозванія безъ нужды не возвышаи, ибо такъ чінять люди всегда такія, которыя не въ давнѣ токмо прославілись» [Там же: 7–8];

«Всегда время **пробавляи** въ дѣлахъ **благочестныхъ**, а празденъ и **безъ дѣла отнюдь не бываи**» [Там же: 9];

«Младыи отрокъ долженъ быть **бодръ, трудолюбівъ, прилѣженъ и безпокоенъ**, подобно какъ въ часахъ маєтнікѣ, для того что бодрый господінъ ободряеть и слугъ» [Там же: 9–10];

«Отъ клятвы **чужеложства (блуда) игранія и піянства**, долженъ которыи отрокъ себя велми удержать, и **отъ того бѣгать**» [Там же: 10];

«Отрокъ имѣеть быть трезвъ и воздерженъ, а **въ чужіє дѣла не мешатца и не вступать**, и нічего что ему не касаетца не всчінать, и поводу къ тому не давать, но **съ учтївостію уступать**» [Там же: 16];

- наставления, в которыхъ показано, какъ правильно себя вести, общаясь с духовными лицами или находясь в церкви:

«Съ духовными должны дѣти вездѣ **благочінно, постоянно, учтїво и вѣжліво** говоріть, а глупости нікакой не предьявлять. Но о духовныхъ вещахъ и о чінѣ ихъ, или духовныя вопросы предлагать» [Там же: 7];

«Въ церквѣ имѣеть **онои очи свои и сердце весма къ Богу обратіть и**

устреміть, а не на женской поль, ибо домъ Божіи, домъ молитвы, а не вертепъ блуднічей» [Там же: 30–31];

- наставления, разъясняющие, как относиться к тем, кто тебя наказывает:

«Кто тебя наказуетъ тому **благодари, и почитаи** его за такова, которой тебѣ всякаго добра желаетъ» [Там же: 46];

«Когда тебѣ что приказано будетъ сдѣлать, то управь самъ **со всякімъ прілежаніемъ**, а отнюдь на своїхъ добрыхъ пріятелей не надѣйся и ни на кого не уповай» [Там же];

- наставления девицам (среди них 20 добродетелей, долженствующих украшать благородных девиц):

«Охота, и любовь къ слову, и службѣ Божей, истинное познание Бога, страхъ Божіи, смирение, призвание Бога, благодарение, исповѣданіе вѣры, почитание родителемъ, трудолюбіе, благочиніе, прівѣтливость, милосердіе, чистота тѣлесная, стыдливость и воздержаніе, цѣломудріе, бережливость, щедрота, правосердіе, и молчаливость, и протчая» [Там же: 47].

Наставления молодым дворянам и дворянским девицам из книги «Юности честное зеркало», показывающие положительные качества личности или нормы правильного поведения, актуальны для общества того времени и соответствуют ценностям и традиционным представлениям о хорошем воспитании. Но В.О. Ключевский их опускает, в чем косвенно проявляется образ автора.

Образ автора проявляется в отборе именно тех наставлений, которые призывают молодых дворян отличаться от крестьян (*не быть подобным деревенскому мужику*); не поступать как крестьяне (*ибо так делают крестьяне*); не говорить между собою по-русски, чтобы их можно было *отличить от незнающих болванов* (крестьян и холопов) и всячески их *смирять и унижать*. Историк выбрал именно те наставления, в которых приветствуется противопоставление сословий.

Благородные качества (*приветливость, смирение и учтивость*), которые должны украсить дворян, вступают в противоречие с предлагаемым отношением к

крестьянам и холопам: *смирять и унижать*. И это говорит о том, что на самом деле не *благочестные поступки и добродетели* определяют отличие дворян от крестьян и холопов, а именно *высокий род и славная фамилия*.

Сопоставляя отобранные автором наставления с теми, которые он не рассматривает, можно заметить, что в этом выборе заключен научный интерес В.О. Ключевского. Он не одобряет, он презирает исторически сложившееся представление, что именно *славная фамилия* дает врожденные привилегии и отличает дворян от других сословий.

Приведем еще один пример.

При рассмотрении реформы подушной подати при Петре I В.О. Ключевский ссылается на работу экономиста-крестьянина И.Т. Посошкова «О скудости и богатстве» (1724).

В самой книге И.Т. Посошкова не только описаны реальные последствия реформ Петра I в различных сферах государственной и общественной жизни, но и даны многочисленные предложения и проекты: «о несправе и поправе духовенства, воинства и правосудия», «о несправе и поправе купечества, художества и разбойников з беглецами», «о несправе и поправе яко во крестьянех, тако и во владении земли безобидном и о собрании царскаго интереса многогобзовитаго» [Посошков 1951: 7–8].

В.О. Ключевский, анализируя реформы подушной подати при Петре I, отобрал фрагменты из трех глав книги И.Т. Посошкова: «О крестьянстве», «О художестве» и «О земельных делах». Эти главы свидетельствуют о реальном проведении реформы подушной подати и о положении крепостных крестьян.

Фрагмент, выбранный из главы «О художестве», свидетельствует о притеснении крестьян в местном управлении и о грубости русских правителей:

«Сенаторы не находили в селе того специфического, им только по штату присвоенного ума, который так хорошо понимали тогдашние прибыльщики из крепостных и так прямо характеризовал крестьянин Посошков, написав, что русские правители «русского человека ни во что ставят и во всяких делах за

кроху умирают», а пропажу тысячи рублей ни во что поставляют» [2017, с. 644].

Ссылаясь на И.Т. Посошкова, В.О. Ключевский показывает, что русские правители в государственных сферах деятельности видят лишь представителей дворян, а не крестьян, и заботятся о *крохах*, а не об интересе народа и государства. Автор иронизирует по поводу сенаторов, которые *не находили в селе... специфического, им только по штату присвоенного ума*.

Из главы «О земельных делах» В.О. Ключевский выбрал те фрагменты, которые показывают объем крестьянского труда и размер оброка в XVIII в., «душевредность» подушной подати, отсутствие законных норм оброка и своевольное распоряжение трудом крестьян:

- увеличение объема крестьянского труда в XVIII в.:

«В истории русского сельского хозяйства XVIII в. находим указания на этот успех, достигнутый если не исключительно подушной податью, то не без ее участия. В самый момент введения подушной подати Посошков мечтал, как об идеале, чтобы полный крестьянский двор пахал не менее 6 десятин во всех трех полях: такой надел давал всего по 1 1/2 десятины на душу при обычном тогда четырехдушевом составе двора. В конце XVIII в. такие участки являются уже сравнительно мелкими: обыкновенно крестьяне пахали тогда гораздо более, по 10 десятин на двор и больше. Так в древней Руси прямой налог, связанный с землей, отрывал крестьянский труд от земли; со времени Петра подушный налог, оторвавшись от земли, все крепче привязывал крестьянский труд к земле. Благодаря подушной подати, не ей одной, но во всяком случае и ей. Русская земля в XVIII в. распахалась, как не распахивалась никогда прежде» [2017, с. 602].

В процитированном фрагменте показана мечта И.Т. Посошкова об идеальном объеме крестьянского труда, который свидетельствует об успехе введения в XVIII в. подушной подати, привязывающей *крестьянский труд к земле*;

- размер крестьянского оброка при отсутствии законной оброчной нормы:

«Напротив, усиленные расходы по службе и по оплате казенных повинностей,

какие легли на бездоходных дворовых людей, помещики **полностью и даже с избытком** переложили на своих крестьян и подняли крестьянский оброк **до непомерной высоты, пользуясь отсутствием законной оброчной нормы**: в эпоху ревизии, по **Посошкову**, с крестьянского двора сходило помещику «рублев по 8 или малым чем меньше»» [2017, с. 622].

Ссылка на работу И.Т. Посошкова, позволяет В.О. Ключевскому не только уточнить причины повышения оброка, связанные с *усиленными расходами по службе и оплатой казенных повинностей*, но и утверждать, что нормы оброка отсутствуют: крестьяне *полностью и даже с избытком* отвечают за эти *расходы*, оброк достиг *непомерной высоты*.

Отобранные фрагменты позволяют актуализировать особенно тяжелое положение крестьян, которые несут государственное тягло, и выразить резко отрицательное отношение к реформе подушной подати;

- своевольное распоряжение трудом крестьян и душевредность подушной подати:

*«Государственная повинность превращалась в **своенравное** требование начальства. Государство, загоразживаемое канцелярией, отдалялось от народа, как что-то особое, ему чуждое: плохая школа для воспитания чувства государственного долга в народе, и **чичиковские мертвые души** были заслуженным эпилогом этого **«душевредства душевных поборов»**, как **ядовито определил подушную подать все тот же Посошков**»* [2017, с. 621].

Прямые цитаты из работы И.Т. Посошкова и ссылка на роман Н.В. Гоголя «Мертвые души» характеризуют подушную подать как душевредную. *Государственная повинность* начальства, которая должна быть обязательной, стала при Петре I *своенравной*. Воля начальства теперь оказалась превыше всего. Своевольное правление начальства было обусловлено бюрократией и отсутствием *чувства государственного долга*.

Из главы «О кресьянстве», В.О. Ключевский выбрал фрагменты, которые свидетельствуют о *помещичьем* своевольном распоряжении крестьянским трудом и

имуществом, о непонятности подушной подати для народа. Он не обошел вниманием и предложения И.Т. Посошкова по ограничению власти помещиков над крестьянами, по распределению податей с общего совета помещиков, и с Высочайшего утверждения, по поземельному сбору вместо подушного:

- произвол помещиков:

«Посошков возмущается произволом господ в распоряжении крестьянским трудом и имуществом. Он настаивает на необходимости установить законом, "учинить помещикам расположение указное, почему им с крестьян оброку и иного чего имать и по колику дней в неделю на помещика своего работать"» [2017, с. 600].

Из этой цитаты ясно, что И.Т. Посошков предлагает определить законом причины взимания оброка, крестьянское имущество и дни работы крепостных крестьян, чтобы прекратить *распоряжение крестьянским трудом и имуществом* по произволу помещиков;

- отсутствие единой *платежной единицы* подушной подати:

«Два века податной плательщик недоумевал, за что и с чего, собственно, он платит. Посошков пишет, что даже господа дворяне не понимали, что такое крестьянский двор как платежная единица: одни считали дворы по воротам, а другие по избным дымам, не додумываясь до того, что крестьянский двор — это «земляное владение», земельный участок» [2017, с. 621].

Ссылаясь на И.Т. Посошкова, пишущего о непонимании помещиками *крестьянского двора*, В.О. Ключевский подчеркивает непонятность и негодность подушной подати для всего народа;

- безграничный рост власти помещиков над крестьянами и предложение по ее ограничению:

«Безнадзорный рост помещичьей власти пробуждал мысль о необходимости законодательного ее ограничения. К концу царствования Петра эта мысль, можно думать, не у одного Посошкова созрела до ясного и твердого убеждения. Крестьянин по происхождению, он смотрел на крепостную неволю

крестьян как на **временное зло**: *"Крестьянам помещики не вековые владельцы; того ради они их не весьма и берегут, а прямой их владетель всероссийский самодержец, а они владеют временно"*» [2017, с. 600].

Ссылаясь на И.Т. Посошкова, считающего *крепостную неволю* крестьян *временным, а не вековым злом*, историк выражает собственную мысль о том, что необходимо ограничить помещичью власть и узаконить крепостное право;

- предложения И.Т. Посошкова по распределению податей с общего совета помещиков и с Высочайшего утверждения:

«Он [Посошков] даже проектирует какой-то всероссийский съезд "высоких господ и мелких дворян" для совещания о всяких крестьянских поборах помещичьих и о "сделье", барщине, как бы обложить крестьян "с общего совета и с доклада его величества". Это было самое раннее сновидение, в котором русскому крестьянину пригрезилась дворянские губернские комитеты по делу об улучшении положения крестьян, созванные слишком 130 лет спустя по окончании сочинения Посошкова» [2017, с. 600].

В.О. Ключевский называет проект И.Т. Посошкова по всероссийскому съезду *сновидением*, демонстрируя тем самым сочувственное отношение к самому И.Т. Посошкову с его утопическими идеями и ко всем крестьянам, а также неодобрение крепостнической системы в целом. Крепостное право существовало еще более 130 лет после окончания работы И.Т. Посошковым над «Книгой о скудости и богатстве» (1724) и после окончания правления Петра I (1725);

- недовольство И.Т. Посошкова подушной податью и его предложение по поземельному сбору:

«Эта подать, «подушина», своей окладной единицей, ревизской душой, смущала многих. Даже такой горячий защитник преобразователя, как Посошков, не чает в ней проку и отказывается понять ее, «понеже душа вещь неосязаемая и умом непостижимая и цены не имеющая: надлежит ценить вещи грунтованные», земельное владение» [2017, с. 620].

Цитируя И.Т. Посошкова, автор доносит мысль, что «ревизская душа» в

петровскую эпоху не имеет значения, главное — *земельное владение*. Использование просторечного слова *смуцать* и выражения *не чаёт в подати проку* позволяет усилить отрицательную оценку реформой подушной подати при Петре I.

Рассматривая главу «О художестве», В.О. Ключевский оставлял без внимания упоминание мер, направленных на развитие народного производства:

- о желании вместо вывоза сырья перерабатывать его на отечественных фабриках: «Сие бо вельми нужно, яже кои материалы где родятся, тамо бы они и в дело происходили. Аще бо лен и пеньку, за моря не возя, **делать тут, где что родилось**, то тые полотна заморского вдвое или второе дешевле станут, а люди бы российские богателись» [Посошков 1951: 146];

- о выводе изделий собственной промышленности за границу: «А нам, если заводов пять-шесть построить, то мы **все их государства** стеклянной посудой **наполнить** можем» [Там же: 124];

- об обучении низших классов общества ткацкому делу: «И ради размножения таковых дел учинить бы указ, чтоб **нищих**, по улицам скитающихся, молодых и средовехих хватать и, записав в приказе, имать к тем делам. И молодых робят мужеска пола и женска **научить прясть**, а взрослых **ткать**, а иных **белишь и лощить**, то бы они, научась, **были бы мастерами**» [Там же: 146–147];

- о важности мастеров: «Такожде надлежит достать и таких мастеров, кои могут делать волоченное железо мелницами и жечь и кровельные доски железные. И аще и с трудом, а велми надобно их добыть и отослать их на сибирские заводы, и чтобы тому мастерству и наших русских людей научили» [Там же: 148].

В главе «О земельных делех» В.О. Ключевский не рассматривает фрагменты, в которых содержатся:

- предложения по чересполосному владению: «И тии дворяня не токмо пустыя земли тако делят, но и жилыя села и деревни на многия доли делят. Есть в Новгородском уезде погост, имянуемый Устрика, и **в том селе дворов с дватцать**, а помещиков владеют **семеро разных фамилий**, а **во иных деревнях и болши того есть владельцев**. И в таковых разьновладельцах нелзя быть без вражды и другу

от друга без обиды» [Там же: 184–185];

- советы землемерам по межеванию, сохранению межей: «И тако всех господ великих и мелких дворян дачи отмерять **подлинною правдивою мерою**, а не по прежнему глазомером, чтобы ни лишку, ни недомеру против дачь не было. Вельми надлежит во всех межеваньях мера **четвертной пашне полагать самая правдивая**, да еще его императорское величество повелит вместо душевредства душевных поборов брать з земли, по чему **с четверти положено будет**, то чтобы ни убогому, ни богатому обиды не было» [Там же: 191];

- предложения о взимании поземельного сбора вместо подушного: «Измеряв поместные и вотчинные земли, **обложить их платежем с земли**, по чему он, великий наш государь, укажет имать с четверти или с десятины на год со всех владельцев земли российския, которая останется за роздачею к крестьянским дворам под пашню их и под сенокос, в помещичьих полях и в пустошах и в лесах и в болотах...» [Там же: 193].

Из главы «О кресьянстве» И.Т. Посошкова В.О. Ключевский опустил:

- определение объективной причины бедности крестьян: «Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо **от своя их лености**, а потом от неразсмотрения правителей и от помещичья насилия и от небрежения их» [Там же: 166];

- распределение податей по количеству засеянной земли и размер владений: «Я, истинно, много о сем размышлял, како бы право крестьянские поборы с них собирать, чтобы его императорскому величеству было прибыльно, а им бы было не тягостно, и сего здравие не обретох, что прежде **расположить крестьянские дворы по владению земли**, им данные, чем кой владеет и колико он на той своей земле хлеба высеет про себя» [Там же: 178–179];

«По моему мнению, аще у коего крестьянина написать целым двором, то надобно ему земли дать мерою толико, чтобы ему мочно было **на всякой год высеять ржи четыре четверти**, а **яроваго оемь четвертей**, а **сена** накосить ему про себя **двадцать копен**» [Там же: 180–181];

- меры по улучшению положения крестьян: «**дворы** им велеть **строить пространнее** и не сплош двор подле двор, но **с переступкою, гнездами, и улицы** зделать **широкия** на прост[р]анных местах сажень **по тридцати шириною**, а где и тесно место, то тут бы менши дватцати сажен улиц не делать, того ради, аще у кого загоритца, то все соседи бежали отнимать» [Там же: 168];

«И ради **охранения от** таковых **напрасных убытков**, видитца, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они **детей** своих, кои десяти лет и ниже, **отдавали** дьячкам **в научение грамоты** и, науча грамоте, **научили бы их и писать**. И чаю, не худо бы так учинить, чтобы не было и в малой деревне без грамотнаго человека» [Там же: 171].

Таким образом, В.О. Ключевский опускает предложенные И.Т. Посошковым конкретные меры по развитию производства в России: способы предупреждения злоупотреблений в земельном владении, установление конкретных размеров поземельного сбора, советы по межеванию земель, по учреждению поземельного сбора вместо подушного, по умножению богатства государства путем материального и нравственного поощрения крестьян.

Итак, образ автора в научном тексте проявляется в принципе отбора научных источников и выборки фрагментов из них. Существенным для реконструкции образа автора может быть и способ отсылки к историческим документам (прямое цитирование и пересказывание) как проявление его личной воли.

Исторические источники, отобранные В.О. Ключевским при рассмотрении петровской реформы образования, позволяют актуализировать значимые для понимания образа автора идеи:

- противоречие между замыслом реформы (о *вольных* науках, о *вольной* школе, *вольной* службе после курсов) и методов ее осуществления (*насильно*);
- усиление сословного неравенства.

При рассмотрении реформы подушной подати Петра I актуализируются:

- аморальность дворянского сословия;
- отсутствие *законной нормы* и *законного обеспечения прав* крестьян;

— деградация умственной и нравственной жизни народа.

Актуализация данных идей подтверждает отрицательное отношение историка к реформе образования и реформе подушной подати в эпоху правления Петра I, которое занимает значимое место в структуре категории образа автора.

2.2. Принцип выбора типа изложения как проявление категории образа автора

В сочинении В.О. Ключевского «Русская история» наблюдается особое сочетание типов изложения: от 1-го лица ед. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица, а также безличная форма изложения.

Мы уже упоминали, что категория образа автора проявляется не столько в выборе типа изложения как такового, сколько в определении функций каждого типа изложения, которые устанавливаются через соотнесение того или иного типа изложения с вводимым им содержанием. Чтобы установить функции каждого типа изложения, необходимо соотнести вводимое им содержание с более широким контекстом, границы которого требуют дополнительной конкретизации.

2.2.1. Функции изложения от 1-го лица единственного числа

Основные функции, которые выполняет в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» изложение от 1-го лица ед. ч., следующие:

ввод темы обсуждения;

ограничение или расширение рассмотрения того или иного вопроса;

актуализация уже рассмотренной темы;

актуализация угла рассмотрения темы через оппозицию «мнение научного сообщества ↔ научная позиция Ключевского».

Изложение от 1-го лица ед. ч. объясняет принцип отбора материалов (рассматривается именно та, а не другая тема, актуализируются те, а не иные стороны вопроса), определяет исследовательские интересы ученого, его научную позицию — все это позволяет выйти на категорию образа автора.

Подробно рассмотрим каждую функцию изложения от 1-го лица ед. ч.

- Ввод темы обсуждения

Изложение от 1-го лица ед. ч., вводя тему обсуждения, обозначает уникальный принцип группировки событий и явлений русской истории, позволяющий донести до читателя авторскую интенцию. Попытаемся раскрыть этот принцип на нескольких примерах из текста.

«Обращаюсь к изложению событий, следовавших за смертью Петра» [2017, с. 683].

В этом высказывании В.О. Ключевский предлагает рассмотреть события, связанные с проблемами престолонаследия после смерти Петра I и до воцарения Екатерины II. В перечень этих событий входят воцарение Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730), Анны (1730–1740), Ивана VI (1740–1741), Елизаветы (1741–1761), Петра III (1761–1762), Екатерины II (1762–1796).

Проблемы наследия престола были вызваны Указом о престолонаследии, изданным Петром I 5 февраля 1722 г., по которому наследование престола определялось по *усмотрению царствующего государя* [Там же], по его личной воле. Указ о престолонаследии был отменен Павлом I: *«5 апреля 1797 г. Павел издал закон о престолонаследии и учреждение об императорской фамилии — акты, определившие порядок престолонаследия и взаимное отношение членов императорской фамилии»* [2017, с. 840].

В данном контексте автор прибегает к общепринятому принципу группировки: выявляется принцип подобия в решениях, принимаемых царствующими от Екатерины I до Екатерины II, тенденция к постоянному регулированию проблем престолонаследия.

Еще один пример:

«...крепостное право... глубоко подействовало на умственную и нравственную жизнь его (русского общества во второй половине XVIII в. — В.Л.). Я коснусь в самых общих чертах этого влияния» [2017, с. 824].

Чтобы изучить *умственную и нравственную* жизнь русского общества второй половины XVIII в., историк предлагает рассмотреть влияние крепостного права в *самых общих чертах*:

а) влияние крепостного права на *настроение низших классов*, их отношение к существующему порядку (недовольство);

б) влияние крепостного права на *умственную и нравственную жизнь высшего общества*, его *безделье и пустота души* [2017, с. 825].

Данный контекст раскрывает научный интерес автора к интеллектуальной и нравственной жизни русского общества. Исследователь группирует и рассматривает в отдельности факторы влияния крепостного права на *умственную и нравственную жизнь низших классов и высшего общества*, что позволяет ему создать наиболее репрезентативную картину последствий.

Кроме того, историк предлагает рассмотреть период русской истории от начала царствования Павла I (1796–1801 гг.) до конца царствования Николая I (1825–1855 гг.) как период, характеризовавшийся общим стремлением к *ослаблению привилегированного положения дворянства и подготовке всех сословий к совокупной деятельности* [2017, с. 839]:

«Теперь я перехожу к обзору последнего отдела изучаемого периода (1796–1855 гг. — В.Л.) нашей истории. Эта последняя эпоха простирается от начала царствования императора Павла до конца царствования Николая» [2017, с. 838].

В.О. Ключевский делил российский исторический процесс от древнейших времен до реформ 60-х гг. XIX в. на четыре периода *по областям равнины, в которых сосредоточивалась главная масса русского народонаселения* [2004, с. 39]: 1) *днепровский* (с VIII до XIII в.), 2) *верхневолжский* (с XIII до середины XV в.), 3) *великорусский* (с половины XV до второго десятилетия XVII в.), 4) *всероссийский*

(с начала XVII до половины XIX в.).

Период русской истории от Павла I до Николая I является *последним отделом всероссийского периода*, который называется еще и *императорско-дворянским, периодом крепостного хозяйства, земледельческого и фабрично-заводского* [Там же].

Для осознания предлагаемого в истории России В.О. Ключевским принципа группировки исторических событий, являющегося существеннейшим проявлением категории образа автора, необходимо сравнить этот принцип группировки с принципами группировки, предлагаемыми другими учеными.

На фоне общепринятого противопоставления царствований Павла I и Александра I, с одной стороны (например, Александр I выступил против «деспотизма и самодурства» Павла I, «обещал проводить политику по законам и сердцу своей бабки Екатерины II» [Георгиева, Георгиев 2016: 196]), и царствований Александра I и Николая I, с другой стороны, В.О. Ключевский предлагает абсолютно новый принцип группировки: объединяет трех императоров обнаруженным им в их правлении общим стремлением к *ослаблению привилегий дворянства*.

Ученый подчеркивает исключительность своей научной позиции: *«Царствование Николая обыкновенно считают реакцией... против всего предшествовавшего царствования»* [2017, с. 880]. Экспликация этого противопоставления значима для реконструкции образа автора.

Так с помощью изложения от 1-го лица ед. ч. (*обращаюсь, я коснусь, я перехожу*) разрозненность исторических событий преобразуется в логическую закономерность, проявляющуюся в принципе группировки событий и явлений русской истории:

уподобление друг другу всех царствующих от Екатерины I до Екатерины II общими проблемами престолонаследия;

соотнесение влияния крепостного права на умственную и нравственную жизнь низших классов и высшего общества во второй половине XVIII в.;

объединение Павла I, Александра I и Николая I общим стремлением к ослаблению привилегий дворянства в их правлении.

Принцип группировки исторических событий и явлений, выражающийся в особой периодизации русской истории, отличной от общепринятой, прослеживается во всей работе В.О. Ключевского.

Если рассмотреть текст «Русской истории» с позиции группировки описываемых событий, можно воссоздать дискретное представление самого В.О. Ключевского об истории России, значимое для реконструкции категории образа автора: дискретное представление о времени (от лат. *discret'us* — «разделенный, прерывной») принадлежит циклической модели времени, в которой важна последовательность повторяющихся однотипных событий, а не необратимость и однонаправленность времени, как в линейной модели времени.

Дискретное время является системой отчета времени в древнем Китае: «Летоисчисление начиналось с года начала правления императора, с завершением правления происходила смена эры и начинался новый отсчет времени» [Париева 2017: 21].

Ощущение прерывистости помогает понимать ход исторических событий, их взаимосвязь и последовательность.

Рассмотрев первую функцию изложения от 1-го лица ед. ч. — ввод темы обсуждения, переходим к следующей.

- Ограничение или расширение рассмотрения того или иного вопроса

Ограничение темы

Эта функция позволяет выделить приоритетный ракурс анализа, значимый для понимания образа автора. Обратимся к тексту.

При рассмотрении вопроса образования при Петре I В.О. Ключевский выделяет такие ключевые для понимания образа автора черты гимназии Эрнста Глюка, существовавшей в 1703–1715 гг., как *бесплатное* обучение детей *разных сословий*, от боярского до купеческого:

«Ограничусь лишь немногими чертами. По указу школа (школа Глюка. —

В.Л.) предназначалась для бесплатного обучения разным языкам и «философской мудрости» детей бояр, окольных, думных и ближних и всякого служилого и купецкого чина людей» [2017, с. 678].

Изложение от 1-го лица вводит критерий оценки прогрессивности реформы образования Петра I. Автор оценивает степень прогрессивности образования по его доступности (*бесплатное и для разных сословий*). Этот критерий оценки представляет собой проявление категории образа автора.

Давая характеристику эпохе правления Екатерины II, отличавшейся фаворитизмом, когда крестьяне были розданы в *частное владение фаворитам* императрицы, В.О. Ключевский из всех пожалований имений с крепостными выделяет в качестве общего итога число подаренных ревизских душ — входящих в список учета крепостных лиц мужского пола:

«Не перечисляя всех отдельных пожалований (пожалований при Екатерине II. — В.Л.), я ограничусь лишь одним общим итогом: доселе приведено по документам в известность 400 тыс. ревизских душ, розданных при Екатерине из казенных и дворцовых имений в частное владение; 400 тыс. ревизских душ — почти миллион душ действительных» [2017, с. 814].

Раскрывается не только сущность фаворитизма при Екатерине II, но и связь фаворитизма с усилением крепостного права.

Приступая к рассмотрению царствования Николая I, историк предлагает ограничить изложение событиями правительственной жизни, под которыми понимается *изменение правительственного порядка*, и событиями социальной жизни, то есть процессом *перестройки общественных отношений*:

«Я сделаю краткий обзор главных явлений в царствование Николая (Николая I. — В.Л.), ограничиваясь, впрочем, только событиями жизни правительственной и социальной. С этими двумя процессами, изменением правительственного порядка и перестройкой общественных отношений связаны все главнейшие явления этого времени» [2017, с. 880].

Давайте сравним, что рассматривали другие ученые при изучении эпохи

правления Николая I: экономическая, социально-политическая система и система образования и т. д. [Георгиев, Георгиева 2016: 195–206; Карпачев 2013: 86–88].

Но в понимании В.О. Ключевского именно *изменение правительственного порядка и перестройка общественных отношений* определяют все основные результаты эпохи правления Николая I. В этом выражается научная позиция ученого.

Расширение темы

Изложение от 1-го лица ед. ч. может не только сузить, но и расширить тему исследования.

Например, ученый объясняет, почему он столь подробно рассматривает реформы Петра I в области государственного управления: здесь было допущено больше всего неудач и ошибок, которые не просто были неслучайными, а определили дальнейшие события русской истории:

«Он (обзор реформ Петра I в управлении. — В.Л.) мог бы быть гораздо короче, но я не заботился о его сокращении. В этой отрасли своей деятельности Петр потерпел всего больше неудач, допустил немало ошибок; но это не были случайные, скоропреходящие явления» [2004, с. 525].

Петр I за время своего правления провел множество реформ: экономических, военных, образовательных, реформ подушной подати и т. д. Но В.О. Ключевский в данном случае направляет свой взор именно на реформы в управлении.

Так устанавливается значимый для понимания образа автора-ученого критерий необходимости сужения или расширения темы: степень влияния исторического события на последующий ход истории.

Итак, ограничение или расширение темы рассмотрения с помощью изложения от 1-го лица ед. ч. (*я ограничусь, я сделаю... ограничиваясь, я не заботился*) позволяет укрупнить и выделить важные для понимания образа автора исторические события:

В.О. Ключевский, говоря о реформе образования при Петре I и рассматривая школу Глюка, выделяет именно прогрессивность этой школы (*бесплатное обучение*

и доступность *для детей разных сословий*), а не содержание образования;

говоря о реформах Петра I в целом, ученый подробно рассматривает именно реформы в управлении, при проведении которых было допущено больше всего *ошибок*, повлиявших на дальнейшую историю России, упуская при этом экономические, военные, образовательные реформы, реформы подушной подати и другие;

характеризуя фаворитизм при Екатерине II, ученый называет главный итог всех пожалований, которые делала императрица, и показывает их связь с усилением крепостного права (ревизские души розданы в *частное владение фаворитам*). *Все отдельные пожалования* не перечисляет;

рассматривая эпоху царствования Николая I, ученый выделяет именно процессы изменения правительственного порядка и перестройку общественных отношений, определяющую все *основные явления* этой эпохи, не затрагивая экономическую, политическую или образовательную системы.

Так выстраивается иерархия исторических событий в «Русской истории», при которой разрозненные исторические события и явления подчиняются общему принципу выборки, предопределяемому волей ученого и преобразующему логическую последовательность исторических событий. Следовательно, в иерархическом отношении исторических событий и явлений проявляется образ автора.

Переходим к следующей функции изложения от 1-го лица ед. ч.

- Актуализация уже рассмотренной темы

Изложение от 1-го лица ед. ч. обращает внимание слушателей и читателей на уже рассмотренную тему, которая значима для понимания авторской интенции (в ходе рассуждения автор всегда возвращается к наиболее важным для понимания тех или иных явлений событиям истории). Рассмотрим примеры.

Например, когда ученый возвращается к восприятию обществом деятельности Петра I:

«Деятельность Петра (Петр I. — В.Л.) во всем русском обществе пробудила

непривычную и усиленную работу политической мысли. <...> Излагая народные толки при Петре и про Петра, я указывал, как оживленно пересуживали самые простые люди текущие явления, далекие от их ежедневного кругозора» [2017, с. 689].

Актуализируется идея, что деятельность Петра I вызвала оживление политической мысли во всех слоях российского общества.

Еще один пример (при рассмотрении восстания декабристов):

«Я изложил событие 14 декабря кратко, имея в виду книгу, к которой можно обратиться для более близкого знакомства с событием: это "Восшествие императора Николая на престол" барона Корфа (сочинение, изданное по высочайшему повелению); книга очень верно воспроизводит события, только не все; подробнее изложена заметка о престолонаследии; мимоходом описывается история тайного общества, как и условия, его подготовившие» [2017, с. 876].

Обсуждая восстание декабристов, В.О. Ключевский ссылается на книгу М. А. Корфа (1800–1876 гг.), историка и российского государственного деятеля, в которой верно воспроизводятся события (правда, не все), подробно излагается проблема *престолонаследия*, которая послужила одной из предпосылок восстания декабристов, кратко описывается *история тайного общества*, а также условия, подготовившие восстание. Обращает на себя внимание отдельное упоминание вопроса о *престолонаследии*, значимого для понимания образа автора: знаменем декабрьского восстания было имя Константина Павловича (1779–1831 гг.), который после смерти своего брата Александра I отказался наследовать престол. Раскрывается причинно-следственная связь восстания декабристов.

Рассмотрим пример из рассуждения об эпохе правления Николая I:

«Я заметил, что новое правительство (правительство Николая I. — В.Л.), действуя в консервативном духе и бюрократическими средствами, не сняло с очереди поставленных вопросов внутреннего устройства (вопросы об ослаблении привилегированного положения дворянства и сближении его с другими

классами общества. — В.Л.)» [2017, с. 885].

Актуализируется мысль, что Николай I не решил вопросов, стоявших перед правительством конца XVIII–XIX в., об ослаблении привилегий дворянства и сближении дворянства с другими классами.

Также местоимение *Я* актуализирует ревизию 1858–1859 гг.:

«Я сказал, что, по X ревизии (1858–1859 гг. — В.Л.), в Европейской России было 103 тыс. дворянских имений, в которых значилось 10,5 млн ревизских душ мужских. С 1859 г. состояло в залоге с лишком 44 тыс. имений с 7 млн ревизских душ с лишком, т. е. в залоге — больше двух третей дворянских имений и две трети крепостных крестьян, т. е. закладывались преимущественно густонаселенные дворянские имения» [2017, с. 892].

Согласно ревизии 1858–1859 гг. закладывались дворянские имения с большим количеством крепостных крестьян. Речь идет о ситуации, наблюдавшейся в европейской части России перед отменой крепостного права, когда вместе с именьями в залог отдавались крепостные.

Итак, изложение от 1-го лица ед. ч. (*я указывал, я изложил, я заметил, я сказал*) позволяет актуализировать важные в понимании историка события, которые характеризуют не только историю России, но и образ автора:

пробуждение политической мысли в российском обществе при Петре I;

вопрос о престолонаследии в восстании декабристов;

не решенные Николаем I вопросы об ослаблении привилегий дворянства, о сближении его с другими классами;

положение помещичьего хозяйства в европейской части России перед отменой крепостного права.

В сочинении В.О. Ключевского особое внимание уделяется логике развития исторических событий. Выделяемые изложением от 1-го лица ед. ч. исторические события «сконцентрировали в себе своеобразные и типические черты изучаемой эпохи и оказали значительное влияние на ход последующих событий» [Иванов 1973: 216–217].

Переходим к следующей функции изложения от 1-го лица ед. ч.

- Актуализация угла рассмотрения темы через оппозицию
«мнение научного сообщества ↔ научная позиция Ключевского»

Изложением от 1-го лица ед. ч. автор заявляет свою научную позицию, которая противопоставляется мнению научного сообщества, и является значимой для понимания категории образа автора.

Рассмотрим пример (при рассуждении об эпохе правления Александра I):

«Я не разделяю довольно распространенного мнения, будто Александр (Александр I. — В.Л.) благодаря хлопотам бабушки получил хорошее воспитание, он был воспитан хлопотливо, но не хорошо, и не хорошо именно потому, что слишком хлопотливо. <...> Его не заставляли ломать голову, напрягаться, не воспитывали, а, как сухую губку, пропитывали дистиллированной политической и общечеловеческой моралью, насыщали лакомствами европейской мысли» [2017, с. 847–848].

Формируется оппозиция:

воспитание Александра I

общепринятое мнение

↔ мнение Ключевского

хорошее воспитание
Екатерине II

благодаря ↔

плохое воспитание, потому что его не учили думать, вместо этого пропитывая готовыми политическим и общечеловеческими идеями и европейской мыслью

Умение думать устанавливается как критерий оценки хорошего воспитания.

Еще один пример (при рассмотрении восстания декабристов):

«...событие 14 декабря считали великим несчастьем, которое определило характер следующего царствования, как известно, очень нелиберального. Это — совершенно ложное представление; характер следующего царствования

*определился не 14 декабря; это царствование имело бы тот же характер и без 14 декабря; оно было прямым продолжением последнего десятилетия царствования Александра. Еще ранее 14 декабря предшественник Николая уже решительно вступил на ту дорогу, по которой шел его преемник. <...> Итак, **я не приписываю движению 14 декабря ни того значения, ни тех последствий, которые ему приписывают.** Но было последствие одно очень важное в истории одного сословия, именно дворянства... Движение 14 декабря было последним гвардейским дворцовым переворотом; им кончается политическая роль русского дворянства» [2017, с. 877–879].*

Формируется оппозиция:

восстание декабристов

общепринятое мнение

↔ мнение Ключевского

*великое несчастье, определившее
нелиберальный характер
царствования Николая I*

↔ *характер царствования Николая I
определился не 14 декабря: оно было
прямым продолжением последнего
десятилетия царствования Александра I,
так как при Николае I были поставлены
задачи «ничего не изменять, не
вводить ничего нового в основаниях, а
поддерживать существующий порядок с
помощью чиновников» [2017, с. 880]*

Внимание В.О. Ключевского уделяется логической связи эпох царствования Александра I и Николая I. Подчеркивается влияние восстания декабристов на дальнейшее политическое положение русского дворянства: *кончается его политическая роль.*

Связь царствований Александра I и Николая I в сочинении В.О. Ключевского объясняется еще в следующем примере:

«Царствование Николая (Николая I. — В.Л.) *обыкновенно считают реакцией*, направленной не только *против стремлений*, которые были *заявлены людьми 14 декабря*, но и *против всего предшествовавшего царствования*. Такое суждение едва ли вполне справедливо; предшествовавшее царствование в разное время преследовало *неодинаковые стремления*, ставило себе *неодинаковые задачи* (в первой половине правления Александра I — дать стране политическую свободу, сохранив на время рабство; во второй половине его правления — предварительно перестроить общественные отношения, уравнивать все общественные состояния перед законом. — В.Л.). <...> **Я считаю царствование Николая прямым логическим продолжением второй половины предшествовавшего царствования**» [2017, с. 880].

Таким образом, формируется оппозиция:

царствование Николая I

общепринятое мнение

↔ мнение В.О. Ключевского

<i>реакция</i>	<i>против</i>	<i>стремлений</i>	↔	<i>прямое логическое продолжение</i>
<i>декабристов</i>	<i>и</i>	<i>всего</i>		<i>второй половины предшествовавшего</i>
<i>предшествовавшего царствования</i>				<i>царствования, т. е. продолжение</i>
				<i>уравнивания всех общественных</i>
				<i>состояний перед законом</i>

Мысль, что царствование Николая I является *логическим продолжением* второй половины царствования Александра I, повторяется неоднократно в сочинении В.О. Ключевского. Этим повтором закрепляется научная позиция ученого.

Итак, изложение от 1-го лица ед. ч. (*я не разделяю, я не приписываю, я считаю*) с помощью оппозиций «мнение научного сообщества ↔ научная позиция Ключевского» позволяет актуализировать мысли, значимые для понимания образа автора:

рассматривая воспитание Александра I, В.О. Ключевский выражает собственное понимание хорошего воспитания, состоящего в умении думать;

обсуждая восстание декабристов, ученый подчеркивает его влияние на дальнейшее политическое положение русского дворянства;

говоря о правлении Николая I, В.О. Ключевский определяет его как прямое продолжение последнего десятилетия царствования Александра I, а не реакцию против этого царствования.

Полагаем, что личность В.О. Ключевского проявляется в преодолении существующих стереотипов в понимании и оценке исторических событий и личностей, в выведении собственной позиции: «История — наука, особенно подверженная идеологизации, даже среди гуманитарных наук, испытывающих на себе наибольшее давление. Насколько удастся ученому освободиться от политического заказа, от внешних обстоятельств, от прямой и скрытой цензуры, устоявшихся стереотипов мысли и оценки тех или иных фактов? В преодолении или подчинении идеологизации проявляется я мыслителя, ученого» [Валентинова, Ван 2020: 778].

Так научные тексты «не безличны» [Баженова 2001: 191]. Личность ученого проявляется в прямых свидетельствах автора о своем волеизъявлении (*я не разделяю, я не приписываю, я считаю...*).

В сочинении «Русская история» исследование функций изложения от 1-го лица ед. ч. позволяет прояснить предлагаемый историком принцип группировки исторических событий и явлений, с помощью которого можно реконструировать уникальную дискретную модель русской истории, создаваемую в книге В.О. Ключевского.

Формируется иерархическое отношение исторических событий, при котором разрозненные исторические явления подчиняются общему принципу выборки, предопределяемому категорией образа автора: внимание историка уделяется именно тем событиям русской истории, которые оказывают значительное влияние на ход истории.

Авторское я в сочинении В.О. Ключевского «Русская история», преобразуя логическую закономерность исторических событий и явлений, представляет собой ключ к раскрытию образа автора как образа исследователя.

2.2.2. Функции изложения от 1-го лица множественного числа

Основными функциями, которые выполняет в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» изложение от 1-го лица мн. ч., являются:

актуализация уже рассмотренной темы с помощью возвращения к этой теме совместно со слушателями и читателями;

актуализация уже рассмотренной темы с помощью формирования смысловых оппозиций нового типа;

приглашение слушателей и читателей к совместному действию;

передача общих чувств и мыслей, объединяющих автора, его слушателей и читателей.

Изложение от 1-го лица мн. ч. как объединение автора с его слушателями и читателями является естественным для жанра лекции. Устанавливая контакт с аудиторией, лектор с помощью изложения от 1-го лица мн. ч. расставляет приоритеты, которые, в свою очередь, имеют особое значение при последующей реконструкции образа автора.

- Актуализация уже рассмотренной темы с помощью возвращения к ней совместно со слушателями и читателями

Функцию актуализации темы выполняло и изложение от 1-го лица ед. ч., но в данном случае важно, что в возвращение к теме включаются слушатели и читатели. Рассмотрим эту функцию на нескольких примерах.

Актуализируется тема настроения русских дворян, под влиянием

европейской культуры эпохи Просвещения сделавшихся вольнодумцами — последователями учения французского философа Вольтера (1694–1778 гг.). Русских вольнодумцев характеризовала оторванность их мысли от русской действительности и, следовательно, бесплодность их идей:

«Мы знаем, какое настроение утвердилось в высшем образованном дворянстве благодаря умственным влияниям, какие проникли в наше общество с половины XVIII столетия» [2017, с. 868].

Обязательная для всех дворян служба в XVIII в. формировала дворянство и нравственно, и политически:

«Его (дворянства. — В.Л.) нравственные и политические средства постепенно создавались обязательной службой, которая была политической и общественной школой для сословия. Припомним, как шла эта служба в продолжение XVIII в.» [2017, с. 837].

Актуализируется крепостничество при Елизавете Петровне:

«Мы видели, что Елизавета в интересах заселения Сибири законом 1760 г. предоставила помещикам право "за дерзостные поступки" ссылать крепостных здоровых работников в Сибирь на поселение без права возврата» [2017, с. 815].

Возвращение к тому, что ранее уже обсуждалось (*мы видели*) актуализирует усиление крепостной зависимости при Екатерине II:

«Какие способы определения отношений крепостного населения возможны были в царствование Екатерины? Мы видели, что крепостные крестьяне были прикрепленные к лицу землевладельца [как] вечно-обязанные государственные хлебопашцы» [2017, с. 816].

Итак, изложение от 1-го лица мн. ч. (*мы знаем, припомним, мы видели*) позволяет актуализировать важные в понимании историка события, которые определяют дальнейшую историю России. Их выбор характеризует образ автора.

Например, ученый рассмотрел влияние европейского Просвещения и обязательную службу для дворянства XVIII в., которые в перспективе послужат

предпосылками, прежде всего, восстания декабристов.

Также он рассмотрел усиление крепостничества при Елизавете и при Екатерине II, которое будет определять задачи последующих правительств — *ослабление привилегированного положения дворянства* и сближение его с другими классами.

Раскрывается последовательность и преемственность событий в ходе развития русской истории.

Переходим к следующей функции изложения от 1-го лица мн. ч.

- Актуализация уже рассмотренной темы с помощью формирования смысловых оппозиций нового типа

Через изложение от 1-го лица мн. ч. формируются новые смысловые оппозиции, позволяющие актуализировать те исторические события и явления, которые были рассмотрены и оказывают значительное влияние на ход истории.

Рассмотрим пример:

«Мы уже знаем, как плохо была выражена сущность крепостной неволи крестьян в Уложении (Уложении 1649 г. — В.Л.) и какими чертами все-таки отличалась она в ту эпоху от неволи холопей... По Уложению крепостной крестьянин крепок лицу владельца под условием земельного надела, а не земле под условием зависимости от землевладельца в пределах поземельных отношений, и только поземельных» [2017, с. 599].

Формируется смысловая оппозиция:

крепостная неволя крестьян в XVII в. ↔ неволя холопов в XVII в.

крепостной крестьянин принадлежит владельцу, у которого есть земля ↔ «холоп стоял вне прямых государственных обязанностей, служа частному интересу» [2017, с. 594]

Здесь хорошо видна разница между крепостной неволей крестьян и неволей

холопов в XVII в.

Приведем пример (неволя крестьян и холопов при Петре I):

«Мы знаем, какая перемена совершилась в положении крепостного населения в царствование Петра I: указы о первой ревизии юридически смешали два крепостных состояния, прежде различавшиеся по закону, крепостное холопство и крепостное крестьянство» [2017, с. 808].

Формируется смысловая оппозиция:

положение крепостного населения в XVII в. ↔ положение крепостного населения при Петре I

крепостное холопство и крепостное крестьянство различались по закону ↔ крепостное холопство и крепостное крестьянство смешались юридически

Так актуализируются важные для понимания образа автора мысли: слияние крепостных холопов и крестьян не только увеличивает количество крепостных, но и обуславливает усиление крепостничества в последующих поколениях.

Еще один пример:

«Мы изучили последствия крепостного права для народного и государственного хозяйства, но крепостное право простирало свое действие гораздо далее материальных отношений русского общества, оно глубоко подействовало на умственную и нравственную жизнь его» [2017, с. 824].

Формируется смысловая оппозиция «влияние крепостного права на народное и государственное хозяйство ↔ влияние крепостного права на умственную и нравственную жизнь народа».

Так образ автора проявляется в формировании с помощью изложения от 1-го лица мн. ч. (*мы знаем, мы изучили*) смысловых оппозиций, в которых подчеркивается изменение законного положения крепостного населения в XVII–XVIII вв., влияние крепостничества на материальную и духовную жизнь народа. Эти смысловые оппозиции играют существенную роль в раскрытии характеристик исторической эпохи.

- Приглашение слушателей и читателей ('мы с вами') к совместному действию

Такой тип изложения вовлекает слушателей и читателей в управляемую дискуссию. Рассмотрим примеры.

Приглашение к совместному выяснению

'мы можем выяснить'

Изложение от 1-го лица мн. ч. вводит актуализируемую автором связь преобразования Петра I с войной и понимание военной реформы как средства для достижения финансовых целей.

«Теперь мы можем выяснить себе связь войны и реформы. <...> Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа — ее начальным моментом, устройство финансов — ее конечной целью» [2017, с. 576–577].

Приглашение к совместному наблюдению

'мы должны проследить'

Автор приглашает слушателей и читателей вместе с ним проследить количественное и качественное расширение крепостной зависимости после смерти Петра I:

«Со смерти Петра (Петра I. — В.Л.) крепостное состояние расширялось и в количественном, и в качественном отношении, т. е. одновременно все большее количество лиц становилось в крепостную зависимость и все более расширялись границы власти владельца над крепостными душами. Оба эти процесса мы и должны проследить» [2017, с. 870].

Итак, образ автора проявляется в побуждении слушателей и читателей к совместному действию, позволяющему обратить их внимание на существенный момент в развитии русской истории.

Актуализируются значимые для понимания образа автора идеи:

военный и финансовый характер реформаторской деятельности Петра I;
расширение крепостной зависимости после смерти Петра I.

Рассмотрим еще одну функцию изложения от 1-го лица мн. ч.

- Передача чувств и мыслей, объединяющих автора, его слушателей и читателей

Эта функция изложения от 1-го лица мн. ч. позволяет сблизить автора с его слушателями и читателями. Рассмотрим примеры.

Неожиданность

‘мы не ожидали бы’

*«Значительная часть людей, которых мы видели в списке осужденных по делу 14 декабря, вышли из этого пансиона (пансиона Николая. — В.Л.) или воспитаны были такими гувернерами (иезуитами. — В.Л.). Это очень любопытная черта, которой **мы не ожидали бы** в людях 14 декабря»* [2017, с. 870].

В приведенном примере это сближение достигается актуализацией общего для автора и читателей чувства неожиданности от того, что большинство декабристов было воспитано иезуитами: они вышли из Пансиона аббата Шарля Николая, действовавшего на рубеже XVIII и XIX веков. В учебных заведениях для высшего дворянства было сильно католическое, именно иезуитское влияние.

Удивление

‘мы с трудом можем себе представить’

*«**Мы теперь с трудом можем себе представить**, какая масса французских произведений была переведена на русский язык в царствование Екатерины и поступила в книжные лавки»* [2017, с. 832].

Сожаление

‘мы готовы жалеть’

*«...рассматривая его (дворянина конца XVIII в. — В.Л.) в этом положении (исторической ненужности. — В.Л.), **мы готовы жалеть** о нем, думая, что ему иногда становилось невыразимо грустно от этого положения»* [2017, с. 837–838].

Так через изложение от 1-го лица мн. ч. передаются общие чувства и мысли, значимые не только для изучения истории России, но и для реконструкции образа автора научного текста:

неожиданное открытие того, что большая часть декабристов была воспитана иезуитами;

удивление широкому распространению в России французской литературы при Екатерине II;

сожаление о том, что дворянство конца XVIII в. оказалось в положении исторического бессилия и не сумело соотнести заимствованные идеи с русской действительностью.

Таким образом, изложение от 1-го лица мн. ч. как способ аргументации позволяет усилить взаимодействие автора со слушателями и читателями, расставить значимые для понимания образа автора приоритеты анализа, выразить взгляд ученого на изложенное и обосновать его собственную позицию.

2.2.3. Функции изложения от 2-го лица множественного числа

Функции изложения от 2-го лица мн. ч. в сочинении В.О. Ключевского «Русская история» заключаются:

в побуждении аудитории к совместному умственному действию;

в актуализации уже рассмотренной темы вместе с аудиторией.

Несмотря на то, что в стереотипном научном тексте избегается использование изложения от 2-го лица мн. ч., в жанре лекций такой тип изложения является естественным. Оно является именно прямым обращением к аудитории и вовлечением ее в исследование. Образ автора проявляется в соотношении изложения от 2-го лица мн. ч. с вводимым им содержанием, на которое ученый обращает внимание аудитории.

- Побуждение аудитории к умственному действию

Изложение от 2-го лица мн. ч. стимулирует мыслительную деятельность слушателей.

Рассмотрим пример:

«Вы должны прежде всего приняться работать своим умом вместо

пассивного усвоения плодов чужого ума. Эта работа должна прежде всего направиться на проверку усвоенных нами чужих идей и на внимательное изучение действительности. <...> *Надо признаться, что это поколение, которому принадлежит и говорящий, доселе плохо разрешало свои задачи, и надо думать, что оно сойдет с поприща, не разрешивши их, но оно сойдет с уверенностью, что вы и те, которых вы будете воспитывать, разрешите их за нас» [2004, с. 702].*

В этом примере формируется оппозиция:

то, что делали поколения ↔ то, что должно делать новое поколение
XVIII–XIX вв.

пассивное усвоение плодов чужого ума ↔ *работать своим умом, проверить усвоенные чужие идеи, внимательно изучить действительность*

Говорящий — ‘автор’, но он тоже принадлежит к тому поколению, которое *плохо разрешало свои задачи*. Надежда на решение таких вопросов в будущем возлагается на студентов.

Побуждение аудитории осмыслить соотношение чужих идей с русской действительностью значимо для понимания образа автора.

Итак, с помощью изложения от 2-го лица мн. ч. (*вы должны приняться работать своим умом; вы будете воспитывать; вы разрешите за нас*), которое побуждает аудиторию к умственному действию, актуализируются значимые для понимания образа автора идеи: осмысление *своим умом* соотношения между *усвоенными европейскими идеями* и *русской действительностью*.

Переходим к следующей функции изложения от 2-го лица мн. ч.

- Актуализация уже рассмотренной темы с помощью возвращения к ней совместно с аудиторией

Эту же функцию выполняет и изложение от 1-го лица мн. ч., фокусируя

внимание аудитории на существенных в понимании историка событиях. Однако изложение от 2-го лица мн. ч. имеет оттенок дидактизма. Рассмотрим эту функцию на примерах.

Апеллируя к уже имеющимся знаниям читателей, В.О. Ключевский обсуждает положение служилых людей до Петра I, когда у них были не только привилегии, но и служебные повинности:

«Если вы припомните строй русского общества в допетровское время, наверху его стояло также дворянство или многочисленный класс служилых людей. Эти служилые люди пользовались важными преимуществами, но за эти преимущества они и платили тяжелой служебной повинностью...» [2017, с. 824].

В.О. Ключевский возвращает аудиторию к тому, что уже было рассмотрено: к нерешенному вопросу об отношении *русского ума*, на который оказала влияние европейская культура, к *русской действительности*:

«Но если вы припомните, стоял еще на очереди третий, столь же важный вопрос (вопрос об отношении русского ума к русской действительности со второй половины XVIII в. — В.Л.), разрешение которого должно было иметь большое значение для внутреннего общественного и нравственного порядка» [2004, с. 701].

Возвращение к этому вопросу неоднократно повторяется в сочинении В.О. Ключевского, свидетельствуя о его значимости для понимания образа автора.

Так с помощью изложения от 2-го лица мн. ч. (*вы припомните*) актуализируются значимые для понимания образа автора идеи:

- соотношение преимуществ и повинностей дворянства до Петра I;
- решение вопроса об отношении русского ума к русской действительности.

Через многочисленные прямые обращения к аудитории автор акцентирует внимание на проблемах, которые требуют решения: «Он [Ключевский] заставил тысячи голов думать над множеством вопросов, на многие из которых он сам не мог ответить. Он обогатил этими вопросами и тех, кто был согласен, и тех, кто спорил с ним. <...> У одних возрастал интерес к истории России, у других он

рождался впервые» [Нечкина 1974: 572]. В актуализации этих проблем проявляется образ автора.

2.2.4. Функции изложения от 3-го лица

Основные функции изложения от 3-го лица в сочинении В.О. Ключевского таковы:

передача объективных фактов и действий;

передача чувств и мыслей исторических лиц.

Первая функция изложения от 3-го лица является характерной для стереотипного научного стиля, а вторая — нехарактерной, тем самым приобретая особую значимость для понимания образа автора научного текста. Рассмотрим первую функцию.

- Передача объективных фактов и действий

Изложение от 3-го лица используется:

- при рассмотрении деятельности Петра I:

*«В 1718 г. **Петр указал выписки** из положений о шведских областных учреждениях приносить в Сенат, «где надлежит спускать их с русскими обычаями». Сенат решил ввести шведские учреждения. **Петр утвердил это решение 26 ноября 1718 г.** <...>» [2017, с. 643];*

- при рассказе о деятельности Павла I:

*«**Павел отменил эту грамоту** [1785 г.], как и одновременно изданную грамоту городам, в их самых существенных частях и **принялся теснить дворянское и городское самоуправление**» [2017, с. 840];*

- при описании внешности Александра I:

*«**Император Александр I сам по себе, не по общественному положению, по своему природному качеству был человек средней величины, не выше и не ниже***

общего уровня» [2017, с. 847];

- при пересказе событий жизни Николая I:

«Император Николай I родился в июне 1796 г., следовательно, за несколько месяцев до смерти своей бабушки; он принадлежал вместе с младшим братом Михаилом ко второму поколению сыновей Павла... До 18 лет он даже вовсе не имел определенных служебных занятий» [2017, с. 880].

Итак, использование изложения от 3-го лица (*Петр указал, утвердил, Сенат решил, Павел отменил, принял, Александр I был человек, Николай I родился, не имел занятий*) при рассмотрении объективных фактов и действий исторических лиц позволяет выразить беспристрастность повествователя к описываемым историческим событиям.

В объективной передаче фактов и действий в научном тексте, образ автора проявляется не меньше, чем в субъективной передаче: «Тяготение к «объективности» воспроизведения и разные приемы «объективного» построения — все это лишь особые, но соотносительные принципы конструкции образа автора» [Виноградов 1959: 140].

Рассмотрим следующую функцию изложения от 3-го лица.

- Передача чувств и мыслей исторических лиц

Изложение от 3-го лица пользуется, например, при передаче желания исторического лица:

«Заставляя дворянство обучаться техническим наукам, Петр (Петр I. — В.Л.) хотел сделать его и проводником европейских светских обычаев и приличий в русское общество» [2017, с. 636];

- при передаче интереса исторического лица:

«Задумав дело, она [Екатерина II] больше думала о том, что скажут про нее, чем о том, что выйдет из задуманного дела; <...> Она больше дорожила вниманием современников, чем мнением потомства; за то и ее при жизни ценили выше, чем стали ценить по смерти» [2017, с. 757];

- при передаче усталости исторического лица:

«Император Александр очень утомился в эти годы (1812–1815 гг.); быстрая смена побед и поражений нарушила в нем прежнее нравственное равновесие; недаром он в 1814 г., возвращаясь из-за границы, привез домой седые волосы» [2017, с. 861].

Образ автора проявляется в передаче чувств и мыслей исторических лиц с помощью изложения от 3-го лица (*Петр хотел, она [Екатерина II] больше думала, дорожила, Александр очень утомился*): например, желание Петра I сделать дворянство проводником европейского этикета в России; интерес Екатерины II к личной славе и к мнению современников о ней; утомление Александра I из-за войны с Наполеоном в 1812–1815 гг., нарушившей его *нравственное равновесие*. Такой характер изложения позволяет создать психологический портрет персонажей русской истории.

О.И. Валентинова показывает, что в сочинении «Русская история» соблюдается «принцип хронологической гомономии», который «изоморфен научному методу историзма», требующего рассмотреть каждое историческое явление «в динамике и с безусловным учетом исторического контекста» [Валентинова 2022: 52]. Ученый показывает, что данный принцип лежит в основе «создания образа: выразительные средства, равно как и характер приводимых аргументов (который прямо характеризует используемый историком научный метод), синхронизируются эпохе описания» [Там же: 51].

Полагаем, что изложение от 3-го лица в случаях, когда оно передает чувства и мысли исторических лиц, также можно считать проявлением «принципа хронологической гомономии», который позволяет выйти на категорию образа автора.

2.2.5. Функции безличной формы изложения

Функции безличной формы изложения в сочинении «Русская история» заключаются:

в передаче объективных фактов;

в передаче чувств, объединяющих автора со слушателями и читателями.

Использование безличной формы изложения обусловлено стремлением автора научного текста к объективности. Передача объективных фактов в научном тексте отвечает задачам научного стиля, а передача чувств, объединяющих автора со слушателями и читателями, нехарактерна для стереотипного научного стиля и имеет особое значение для понимания образа автора научного текста.

- Передача объективных фактов

Безличная форма изложения позволяет объективно передавать факты, как и форма изложения от 3-го лица. В сочинении В.О. Ключевского эта форма пользуется, например, при рассмотрении влияния европейской культуры на русское общество при Елизавете:

Случилось так, что вступление на престол императрицы Елизаветы было концом иноземного немецкого владычества при русском дворе, но это иноземное немецкое владычество сменилось другим, иноземным же, только французским влиянием. Французские вкусы, моды, костюмы, манеры в царствование Елизаветы стали водворяться при петербургском дворе и в высшем русском обществе [2017, с. 729].

Здесь появляется новая возможность объединить эпохи от Петра I до Ивана VI общим немецким влиянием при русском дворе, а эпохи от Елизаветы до Александра I французским влиянием (в начале XIX в. влияние философской французской литературы XVIII столетия теперь стало сменяться в образованном русском обществе католической и иезуитской пропагандой [2017, с. 871]);

при рассмотрении влияния просветительной культуры при Екатерине II:

Благодаря этому влиянию просветительной литературы в русском обществе, как и в русской письменности XVIII в., со времени Екатерины обнаруживаются две особенности: это, во-первых, утрата привычки, утрата охоты к размышлению и, во-вторых, потеря понимания окружающей действительности

[2017, с. 833].

В этом примере формируется характеристика русского ума при Екатерине II: *утрата привычки, охоты к размышлению и непонимание окружающей действительности.*

Итак, с помощью безличной формы изложения (*случилось так, обнаруживаются две особенности*) автор фиксирует внимание слушателей и читателей на объективных фактах, значимых для характеристики исторической эпохи: распространение европейской культуры в русском обществе и ее влияние на нравственное состояние русского дворянства в XVIII–XIX веках.

- Передача чувств, объединяющих автора со слушателями и читателями

Как и изложение от 1-го лица мн. ч., безличная форма изложения передает общее чувство, не только позволяющее автору установить контакт со слушателями и читателями, но и существенное для понимания образа автора в целом. Рассмотрим примеры.

Недоумение

‘нам можно только недоумевать’

«*Можно только недоумевать* [нам], откуда брались у крестьян (при Петре I. — В.Л.) деньги для таких платежей при тогдашнем тесном пространстве денежного крестьянского заработка, хотя бы половина их покрывалась хлебом или работой» [2017, с. 622].

Понимание

‘нам можно понять и даже почувствовать’

«*Можно понять и даже почувствовать* [нам], почему так мало накопилось культурных сбережений у рабочего народа (в XVIII в. — В.Л.), так долго и непосильно работавшего на избранные классы» [2017, с. 726].

Уверенность

‘легко заметить’

«*Легко заметить* [нам] скудность политических и нравственных средств,

какими этот класс (дворянство второй половины XVIII в.— В.Л.) располагал для руководства своим обществом» [2017, с. 837].

Любопытство

‘нам любопытно’

«**Любопытно** [нам], что **крепостное право** в последнее время (в 30–50 гг. XIX в. — В.Л.) своего существования **стало видимо падать в количественном отношении**. <...> Главным образом это уменьшение (уменьшение крепостных населений. — В.Л.) происходило за счет перехода крепостных крестьян в положение крестьян государственных» [2017, с. 891].

Итак, безличная форма изложения в работе В.О. Ключевского передает не только факты, но и чувства; это удерживает внимание слушателей и читателей.

К таким чувствам относятся, например:

беспомощное недоумение от невозможностей объяснить, как при Петре I крестьяне, ограниченные в возможностях денежного заработка, совершали оброчные платежи;

понимание причин недостаточности культурного капитала у крепостных крестьян XVIII в., вызванной их долгим и подневольным трудом;

уверенность в обнаружении недостаточности политических и нравственных средств у дворянства второй половины XVIII в.;

любопытство, вызываемое переходом крепостных крестьян в положение государственных крестьян в 30–50 гг. XIX в.

Таким образом, в сочинении В.О. Ключевского используются разные типы изложения (от 1-го лица ед. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица, безличная форма изложения):

Тип изложения	Функция типа изложения
Изложение от 1-го лица ед. ч.	ввод темы обсуждения
	ограничение или расширение рассмотрения того или

	иного вопроса
	актуализация уже рассмотренной темы
	актуализация угла рассмотрения темы через оппозицию «мнение научного сообщества ↔ научная позиция Ключевского»
Изложение от 1-го лица мн. ч.	актуализация уже рассмотренной темы с помощью возвращения к этой теме совместно со слушателями и читателями
	актуализация уже рассмотренной темы с помощью формирования смысловых оппозиций нового типа
	приглашение слушателей и читателей к совместному действию
	передача чувств и мыслей, объединяющих автора и его слушателей
Изложение от 2-го лица мн. ч.	актуализация уже рассмотренной темы с помощью возвращения к этой теме совместно с аудиторией
	побуждение аудитории к умственному действию
Изложение от 3-го лица	передача объективных фактов и действий
	передача чувств и мыслей исторических лиц
Безличная форма изложения	передача объективных фактов
	передача чувств, объединяющих автора со

В сочинении «Русская история» исследование функциональных особенностей типов изложения позволяет прояснить предлагаемый историком принцип группировки событий русской истории, с помощью которого можно реконструировать уникальную дискретную модель русской истории, закодированную в труде В.О. Ключевского (период от Петра I до Ивана VI объединен общим *немецким владычеством при русском дворе*, а от Елизаветы до Александра I — *французским влиянием*; царствования от Екатерины I до Екатерины II — общими проблемами престолонаследия; эпохи правления Павла I, Александра I и Николая I — общим стремлением к *ослаблению привилегий дворянства и подготовке всех сословий к совокупной деятельности* и т. д.).

Сочетание разных типов изложения, предопределяемое категорией образа автора, позволяет подчеркнуть принцип отбора реформ (при рассмотрении эпохи правления Петра I отобраны реформы в управлении, военные реформы, реформы образования, престолонаследия и реформы подушной подати), которые ученый анализирует: из всех реформ были отобраны те, что входили в круг прямых задач преобразователей, имели результаты и последствия уже при жизни императоров, затронули *все* классы общества, *народное* хозяйство и *духовную* жизнь народа. Очень часто историк руководствуется при выборе реформ именно этим принципом, с помощью которого формируется иерархия исторических событий.

Также в тексте сочинения эксплицируется научный критерий оценки реформ: сопоставление замысла с достигнутыми результатами, а также последствиями, проявившимися после смерти самих реформаторов.

Так образ автора в научной литературе проявляется в функциональной нагрузке типов изложения.

2.3. Принцип отбора средств выражения как проявление категории образа автора

Образ автора научного текста проявляется в принципе отбора средств выражения: «Автор непосредственно не входит в текст: он всегда опосредован субъективными или внесубъективными формами. Представление об авторе складывается из представлений об этих формах, их выборе и сочетании» [Корман 1971: 200–201].

В сочинении «Русская история» встречается «продуктивная возможность использования художественно-изобразительных средств для построения многофакторной картины прошлого. Изящная форма изложения исторических событий, остроумная оценка деятельной и нравственной роли исторических персон, ораторский артистизм, афористичность суждений и поэтичность впечатлений — эти и другие характеристики стиля Ключевского высвечивают его как исследователя, «открытого» для полемики вокруг вопроса «как надо писать историю»» [Михайлова 2019: 111].

Использование экспрессивных средств продиктовано задачами историка: «<...> описание прошлого должно быть, с одной стороны, правдивым и, с другой стороны, интересным, то есть и образным» [Биск 2007: 206]. А отбор средств выражения определяется «внутренней избирательностью (внутри определенного текста — по отношению к определенным объектам)», в которой отражается и «объект познания», и «познающий его субъект» [Валентинова 2022: 55].

В сочинении «Русская история» образ автора проявляется в тех функциях, которые выполняют экспрессивные средства:

- отражение системы этических ценностей автора;
- характеристика исторической эпохи, событий и личностей;
- оценка исторических лиц и разных слоев общества;
- выражение чувств и мыслей людей исторической эпохи.

Эти функции могут пересекаться между собой. Мы считаем целесообразным

выделить их условно и рассмотреть по отдельности.

2.3.1. Средства отражения системы этических ценностей автора

Образ автора в сочинении «Русская история» проявляется в формировании новых типов смысловых соотношений, которые, отражая авторское восприятие исторических событий, позволяют закрепить этическую систему ценностей историка.

Рассмотрим пример, касающийся массовых побегов из школ и армии во время проведения реформ Петра I:

«Школьные побеги вместе с рекрутскими стали хроническими недугами русского народного просвещения и русской государственной обороны. Это школьное дезертирство, тогдашняя форма учебной забастовки, станет для нас вполне понятным явлением, не переставая быть печальным, если к трудно вообразимому языку, на каком преподавали выписные иноземные учителя, к неуклюжим и притом трудно добываемым учебникам, к приемам тогдашней педагогики, вовсе не желавшей нравиться учащимся, прибавим взгляд правительства на школьное ученье не как на нравственную потребность общества, а как на натуральную повинность молодежи, подготовлявшую ее к обязательной службе» [2017, с. 587].

Словосочетания *школьные побеги*, *школьное дезертирство* и *учебная забастовка* в тексте употребляются как синонимичные, что позволяет подчеркнуть отрицательную сторону в реформе образования, проведенной Петром I.

Приведены следующие характеристики этой реформы:

язык преподавания — *трудно вообразимый*;

учебники — *неуклюжие* и *трудно добываемые*;

приемы педагогики — *не желавшие нравиться учащимся*;

взгляд правительства на учебу — как на *натуральную повинность молодежи*, подготовку к *обязательной службе*.

Все перечисленные характеристики отражают реальное положение дел во время проведения реформы при Петре I. *Школьные побег* являются результатом реформирования системы Петром I, *хроническими недугами*. И такой результат *не перестает быть печальным*. Все эти выражения усиливают негативную оценку В.О. Ключевским образовательной реформы Петра I.

Идеальное образование по В.О. Ключевскому должно быть *нравственной потребностью общества*, но при Петре I оно стало обязанностью, *натуральной повинностью*. Формируется новый тип противопоставления: *нравственная потребность общества ↔ натуральная повинность молодежи*. Этим подчеркивается отрицательное отношение историка к реформе образования Петра I, которое значимо для понимания образа автора.

Мы можем проследить проявления образа автора и при анализе историком состояния дворян в эпоху правления Елизаветы Петровны и Екатерины II:

«Наклонность к чтению при Елизавете, бесцельная и беспорядочная, при Екатерине получила более определенное направление; чтобы оживлять дремлющий, вянувший от праздности ум, щекотать дремавшую мысль, высший слой дворянства стал жадно заимствовать смелые и пикантные идеи, распространявшиеся в чужой литературе» [2017, с. 837].

В этом примере стили правления Елизаветы и Екатерины II противопоставляются друг другу через противопоставление характера чтения дворянства при этих императрицах:

чтение дворянства

при Елизавете Петровне

↔ при Екатерине II

бесцельное и беспорядочное чтение

↔ *жадное заимствование смелых и пикантных идей из чужой литературы*

Такое противопоставление выражает важную для понимания образа автора резко отрицательную оценку характера русского ума при Елизавете и Екатерине II.

Рассмотрим пример, в котором анализируются особенности образования дворянства при Екатерине II:

«При Петре дворянин подвергался обязательной военно-технической выучке; эта выучка при его преемниках сменилась светской муштровкой, которая отличалась от прежней гвардейской или навигацкой выучки тем, что не нужна была для самой службы, зато требовалась для успеха на службе. При Екатерине II не требовалась ни та, ни другая выучка — ни навигацкая наука, ни светская муштровка, потому что не требовалась и сама обязательная служба; но дворянство вынесло из двух пройденных школ, несмотря на их внутреннее различие, если не сознание необходимости получать образование, то по крайней мере некоторый навык к учению, некоторый инстинктивный порыв к образованию (или воспитанию), воспоминание о пройденном учении» [2017, с. 837].

В тексте демонстрируется, как менялось образование дворянства со времен царствования Петра I до окончания правления Екатерины II:

образование дворянства

при Петре I	→ при Екатерине I, Петре II,	→ при Екатерине II
	Анне, Иване VI,	
	Елизавете, Петре III	
обязательная	→ светская муштровка для	→ не требовалась
военно-техническая	успеха на службе	навигацкая наука или
выучка		светская муштровка в
		связи с отменой
		обязательной службы

Обнаруживается принцип подобия в политике правителей от Екатерины I до Петра III, объединяющихся общей чертой образования дворянства, т. е. *светской муштровкой для успеха на службе*. Это новый принцип группировки. Слово

муштровать, означая ‘обучать военному делу, придерживаясь грубых, жестоких методов, основываясь на механической дисциплине’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 1407], содержит отрицательную коннотацию.

Показана общая тенденция к уменьшению повинностей службы и обучения дворянства со времени правления Петра I до окончания царствия Екатерины II.

В тексте формируется новый тип соположения *вынесло из пройденных школ — навык к учению — инстинктивный порыв к образованию (или воспитанию) — воспоминание о пройденном учении*. С его помощью закрепляется не выраженная лексически мысль о ‘неразвитости, праздности дворян’ при Екатерине II.

Образ автора проявляется и в противопоставлении:

реальное образование дворян при ↔ должное образование дворян
Екатерине II

навык к учению, ↔ *осознание необходимости получать образование*
инстинктивный порыв к образованию,
воспоминание о пройденном учении

Так выражается отрицательное отношение историка к нравственной неразвитости дворянства екатерининской эпохи, понимание которого позволяет читателю составить представление об образе автора.

Приведем пример, в котором историк характеризует чтение Екатерины II:

«...она [Екатерина II] **прочитала множество русских книг, какие могла достать, не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению. Екатерина превращала свой спорт в регулярную работу, а работу любила доводить до крайнего напряжения сил, терпеливо коротала долгие часы в своей комнате за Барром или Бэйлем, как летом в Ораниенбауме по целым утрам блуждала с ружьем на плече или по 13 часов в сутки скакала верхом. Ее не пугало переутомление. Словно она пробовала себя, делала смотр своим силам, физическим и умственным;**

ее как будто занимало в чтении не столько содержание читаемого, сколько упражнение внимания, гимнастика ума» [2017, с. 750].

Екатерина II посвящает часы чтения 11-томному труду «Всеобщая история Германии» (1748) французского каноника Жозефа Барра (1697–1758) и 2-томному «Историческому и критическому словарю» (1695–1697) французского философа-просветителя Бейля Пьера (1647–1706).

Формируется тождество нового типа: прочитала множество русских книг — не пугаясь очень трудных по неуклюжему изложению — спорт — регулярная работа — коротать долгие часы — доводить до крайнего напряжения сил — ее не пугало переутомление — упражнение внимания — гимнастика ума.

Чтение представляет собой умственную работу, а спорт — физическую. Чтение императрицы является усердным, но она лишь тренирует внимание, не вникая в содержание прочитанного. Сопоставление этих понятий позволяет выразить отрицательное отношение историка к такому чтению императрицы, что, в свою очередь, характеризует образ автора.

Таким образом, в сочинении В.О. Ключевского образ автора проявляется в средствах, позволяющих формировать в контексте новые смысловые соотношения, реконструирующие систему этических ценностей автора по отношению к образованию, чтению дворянства XVIII в. и к чтению Екатерины II:

- новые формы смысловых соположений:

оживлять дремлющий, вянущий от праздности ум дворянства XVIII в. — щекотать дремавшую мысль; вынесло из пройденных школ — навык к учению — инстинктивный порыв к образованию (или воспитанию) — воспоминание о пройденном учении;

- новые формы смысловых противопоставлений:

то, что было в русской истории

↔ то, что должно было бы быть по мнению Ключевского

при Петре I школьное обучение было ↔ школьное обучение должно быть
натуральной повинностью молодежи *нравственной потребностью общества*

при Елизавете у дворянства было ↔ оживление русского ума
бесцельное и беспорядочное чтение, а
 при Екатерине II — *жадное*
заимствование смелых и пикантных
идей из чужой литературы

у дворянства при Екатерине II был ↔ *осознание необходимости получать образование*
навык к учению, инстинктивный
порыв к образованию, воспоминание о
пройденном учении

чтение Екатерины II было *спортом,* ↔ *понимание содержания*
упражнением внимания, гимнастикой *прочитанного*
ума

- новые формы тождества: Екатерина II *прочитала множество русских книг*
 — *спорт* — *регулярная работа* — *коротать долгие часы* — *доводить до крайнего*
напряжения сил — *упражнение внимания* — *гимнастика ума.*

Эти новые смысловые соотношения как проявление личной воли автора текста оказываются существенными для реконструкции образа автора.

2.3.2. Средства характеристики исторической эпохи, событий и личностей

В сочинении «Русская история», характеризуя исторические эпохи, события и личностей, историк прибегает к экспрессивным образным средствам.

Образные средства в научном тексте отражают сущностную сторону и

субъекта исследования, и объекта исследования: «По отношению к субъекту исследования образ выступает как отражение его личности. По отношению к объекту исследования образ выступает компрессионной концептуальной моделью, раскрывающей сущность изучаемого объекта, не упрощая ее, а обнажая за счет отвлечения от всего, что затемняет эту сущность» [Валентинова 2022: 49].

О.И. Валентинова предлагает использовать меру «переменности» в качестве критерия разграничения образа как «способа объяснения» (постоянная) и как «элемента риторики, средства убеждения» (чистая переменная) [Там же: 55]. Мы полагаем, что в сочинении «Русская история» образ функционирует как способ объяснения, так как создаваемые В.О. Ключевским образы крайне нетривиальны и незаменимы.

Например, рассуждая об эпохе правления Петра I:

«Вся преобразовательная его [Петра I] деятельность направлялась мыслью о необходимости и всемогуществе властного принуждения: он надеялся только силой навязать народу недостающие ему блага и, следовательно, верил в возможность своротить народную жизнь с ее исторического русла и вогнать в новые берега. Потому, радея о народе, он до крайности напрягал его труд, тратил людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости» [2017, с. 569].

В тексте сталкиваются выражения, имеющие разную стилевую принадлежность: слово высокого стиля *всемогущество* контрастирует с бытовыми сниженными словами, которые прямо характеризуют насильственность действий Петра I (*силой навязать, своротить, вогнать, до крайности напрягать, тратить без всякой бережливости*).

Ирония заключается в том, что император *радел о народе*, но *до крайности напрягал его труд, тратил его средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости*.

Формируется развивающаяся в тексте метафора: *силой навязать народу недостающие ему блага* → *своротить народную жизнь с исторического русла* →

вогнать в новые берега → до крайности напрягать труд народа → тратить людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости.

Такое нагнетание с помощью отрицательно окрашенной лексики раскрывает принудительный характер реформаторской деятельности Петра I. В отборе лексических средств проявляется категория образа автора.

Еще один пример:

«При общем бесправии внизу и произволе наверху (при Петре I. — В.Л.) робкие люди не пускали в оборот своих сбережений: крестьяне и рядовые промышленные люди прятали их в землю от помещиков, от податных и таможенных сборщиков, а дворяне походящему тогда между ними правилу стричь своих крестьян догола, как овец...» [2017, с. 608].

В тексте представлена антитеза *бесправие внизу — произвол наверху*.

Крестьяне не пускали в оборот своих сбережений, прятали их в землю от помещиков из-за страха к помещикам и сборщикам. А сборщики стремились все забрать у крестьян, *стричь их до догола, как овец*.

Образ автора проявляется в выборе средств, с помощью которых он характеризует абсолютное бесправие крестьян при Петре I.

Например, при характеристике эпохи Екатерины II:

«Но в Комиссии (при Екатерине II. — В.Л.) на крепостное право смотрели не как на правовой вопрос, а как на добычу, в которой, как в пойманном медведе, все классы общества: и купечество, и приказно-служащие, и казаки, и даже черносошные крестьяне — спешили урвать свою долю. И духовенство не преминуло очутиться при дележе, и оно ухватилось за край медвежьего ушка: в один из городских депутатских наказов оно провело ходатайство о дозволении священно- и церковнослужителям наравне с купечеством и разночинцами покупать крестьян и дворовых людей» [2017, с. 792].

Развивающаяся метафора и сравнение: *на крепостное право смотрели не как на правовой вопрос, а как на добычу → как в пойманном медведе → все спешили урвать свою долю → ухватилось за край медвежьего ушка* — подчеркивают

отсутствие права и полную нацеленность на стяжательство как основные характеристики правления Екатерины II. Крепостные — это пойманные медведи, от которых все классы общества, включая купечество, приказно-служащих, казаков, духовенство и даже черносотенных крестьян, хотят урвать свою часть.

Еще один пример:

«Оно, это безделье, послужило урожайной почвой, из которой выросло во второй половине века уродливое общежитие со странными понятиями, вкусами и отношениями. Когда люди известного класса (дворяне конца XVIII в. — В.Л.) отрываются от действительности, от жизни, которой живет окружающее их общество, они создают себе искусственное общежитие, наполненное призрачными интересами, игнорируют действительные интересы, как чужие сны, а собственные грезы принимают за действительность» [2017, с. 825].

В тексте присутствует развивающаяся метафора:

безделье послужило урожайной почвой → из этой урожайной почвы выросло уродливое общежитие → создают искусственное общежитие → это общежитие наполнено призрачными интересами → игнорируют действительные интересы, как чужие сны → собственные грезы принимают за действительность.

Формируется также новое отношение тождества:

*действительные интересы — чужие сны;
собственные грезы — действительность.*

Изображается уродливое общежитие дворян конца XVIII в. со странными понятиями, вкусами и отношениями: дворяне отрываются от действительности, создают искусственное общежитие, игнорируют действительные интересы и принимают собственные грезы за действительность.

Такая концентрация позволяет охарактеризовать жизнь дворянства конца XVIII в. с отрицательной стороны. В нем выражается неодобрительное отношение автора к дворянству XVIII в., которое занимает значимое место в структуре категории образа автора.

Итак, в сочинении «Русская история» используются образные средства и

другие экспрессивные приемы для характеристики исторической эпохи — эпохи правления Петра I, Екатерины II:

развивающаяся в тексте метафора (*силой навязать народу недостающие ему блага → своротить народную жизнь с исторического русла → вогнать в новые берега → до крайности напрягать труд народа → тратить людские средства и жизни безрасчетно, без всякой бережливости; безделье послужило урожайной почвой → из этой урожайной почвы выросло уродливое общежитие → создают искусственное общежитие...*);

развивающаяся метафора и развивающееся сравнение (*на крепостное право смотрели не как на правовой вопрос, а как на добычу → как в пойманном медведе → все спешили урвать свою долю → ухватилось за край медвежьего уха*);

стилистический контраст (слово высокого стиля *всемогущество* контрастирует с бытовыми сниженными словами *силой навязать, своротить, вогнать, до крайности напрягать, тратить без всякой бережливости*);

новое отношение тождества (*действительные интересы — чужие сны; собственные грезы — действительность*);

противопоставление (*бесправие внизу ↔ произвол наверху*).

Эти средства позволяют закрепить положительную или отрицательную характеристику исторических эпох, которая, в свою очередь, значима для понимания образа автора.

А также при характеристике исторической эпохи, событий и личностей В.О. Ключевский использует некоторые понятия.

Приведем пример, когда историк анализирует расширение права дворянства в случайных правительствах после смерти Петра I — во времена правления разных царей от Екатерины I до Екатерины II:

*«Но случайные правительства по смерти Петра начали наделять одно сословие преимуществами, не соединенными с новыми **тягостями**, но еще сопровождавшимися **облегчением** старых. Таким **односторонним раскреплением** от сословной **повинности** было оторвано связанное с ней экономическое*

*преимущество, и которое стало **чистой, ничем не оправданной привилегией***» [2017, с. 796].

В ходе анализа расширения права дворянства в случайных правительствах после смерти Петра I в период от Екатерины I до Екатерины II формируются понятия:

одностороннее раскрепление от сословной повинности — это ‘освобождение сословий от старых обязанностей без введения новых обязанностей, которое превращало экономическое преимущество в неоправданную привилегию’;

чистая привилегия — это ‘привилегия, которую нельзя ничем оправдать, объяснить’.

Так выявляется общая тенденция правления от Екатерины I до Екатерины II к освобождению дворянства от обязанностей и усилению его привилегий. Предлагаемый ученым принцип группировки исторических событий — важная составляющая содержательной структуры образа автора.

Рассмотрим пример из рассуждения В.О. Ключевского об абсолютной монархии Екатерины II:

*«Она [Екатерина II] хотела вести **чисто личную политику**, не прикрываемую никаким рядом стоящим, хотя бы только совещательным, но законно оформленным и ответственным учреждением»* [2017, с. 776].

Формируется понятие *личная политика* — это ‘политика, характеризующаяся отсутствием не только законодательных учреждений, но даже совещательных’ — как основная характеристика правления Екатерины II.

Рассмотрим другой пример (обсуждение эпохи правления Павла I):

*«Незримый, но постоянно чувствуемый **обидный надзор, недоверие** и даже **пренебрежение** со стороны матери, грубость со стороны временщиков — устранение от правительственных дел — все это развило в великом князе **озлобленность**, а нетерпеливое ожидание власти, мысль о престоле, не дававшая покоя великому князю, усиливали это озлобление. Отношения, таким образом сложившиеся и продолжавшиеся более десятка лет, губительно*

*подействовали на характер Павла, держали его слишком долго в том настроении, которое можно назвать **нравственной лихорадкой***» [2017, с. 841].

Формируется понятие *нравственная лихорадка*, которое означает ‘озлобленность, нетерпеливое ожидание власти, не дававшая покоя мысль о престоле’.

Объясняется причина формирования характера Павла I, который долго был под *обидным надзором*, страдал от *недоверия и пренебрежения* Екатерины II, был *устранен от правительственных дел*. *Пренебрежение* еще хуже, чем *обидный надзор* или *недоверие*. Однако *нравственная лихорадка* Павла I потом становится *причинной неудач его преобразовательных деятельности*.

Еще один пример:

*«С книжкой Вольтера в руках где-нибудь на Поварской или в тульской деревне этот дворянин представлял очень **странное явление: усвоенные им манеры, привычки, понятия, чувства, самый язык, на котором он мыслил, — все было чужое, все привозное, а дома у него не было никаких живых органических связей с окружающими, никакого серьезного дела, ибо мы знаем, ни участие в местном управлении, ни сельское хозяйство не задавали ему такой серьезной работы. Таким образом, живые, насыщенные интересы не привязывали его к действительности; чужой между своими, он старался стать своим между чужими и, разумеется, не стал: на Западе, за границей, в нем видели переодетого татарина, а в России на него смотрели, как на случайно родившегося в России француза. Так он стал в положение **межеумка, исторической ненужности*****» [2017, с. 837].

В тексте формируется авторское понятие *межеумок* — это ‘положение дворянства как историческая ненужность, чужой между своими, свой между чужими’. В просторечном слове *межеумок* содержится резко отрицательная оценка дворян конца XVIII в.

Формируется противопоставление:

в русском дворянстве конца XVIII в.

чужое	↔	свое
усвоенные европейские манеры, обычаи, просветительные понятия, чувства; французский язык	↔	<i>живые органические связи с окружающими; насущные интересы; серьезная работа в местном управлении и в сельском хозяйстве</i>

Однако все, что является своим для дворянства, не привязывает их к русской действительности. Дворяне стали *чужими* и на Западе, и в России: дворянин в кругу европейцев как *переодетый татарин*, а в кругу русских — как *случайно родившийся в России француз*. В описании такого *странного* явления выражается важная для понимания образа автора отрицательная оценка нравственного и политического положения дворянства конца XVIII в.

Еще один пример:

*«После 14 декабря пошли за Урал лучшие люди сословия, после которых осталось много мест, не занятых в продолжение следующего царствования. Это была **потеря**, которую было **трудно вознаградить** и при более обильном запасе нравственных сил сословия. Из него **выбыло** столько **дельцов**, которые могли восстановить и усилить политический авторитет сословия, если бы остались в рядах. В следующее царствование дворянство не могло иметь прежнего значения уже потому, что **оскудело силами после катастрофы 14 декабря**»* [2017, с. 879].

Формируется понятие *катастрофа 14 декабря* — это ‘последствие восстания декабристов, из-за которого лучшие люди дворянского сословия ушли на каторгу, и дворянство не могло иметь тот авторитет, который имело до 14 декабря 1825 г.’.

Автор выражает мысль о потере *лучших людей* из дворянского сословия и закрепляет это семантически: *потеря — трудно вознаградить — выбыли дельцы — оскудеть силами*.

Катастрофа 14 декабря превращается в катастрофу дворянства.

Итак, в сочинении В.О. Ключевского формируются понятия для характеристики политического и нравственного положения дворянства в разные времена:

после смерти Петра I и до воцарения Екатерины II (*одностороннее раскрепление от сословной повинности* — ‘освобождение сословий от старых обязанностей без введения новых обязанностей, которое превращало экономическое преимущество в неоправданную привилегию’, *чистая привилегия* — ‘привилегия, которую нельзя ничем оправдать, объяснить’);

в конце XVIII в. (*межеумок* — это ‘положение дворянства как историческая ненужность, чужой между своими, свой между чужими’);

в XIX в. (*катастрофа 14 декабря* — ‘последствие восстания декабристов, из-за которого лучшие люди дворянского сословия ушли на каторгу, и дворянство не могло иметь тот авторитет, который имело до 14 декабря 1825 г.’).

Также с помощью авторских понятий дается характеристика эпохе правления Екатерины II (*личная политика* — ‘политика, характеризующаяся отсутствием не только законодательных учреждений, но даже совещательных’) и нравственное положение Павла I (*нравственная лихорадка* — ‘озлобленность, нетерпеливое ожидание власти, не дававшая покоя мысль о престоле’).

Прояснение средств выражения, которые формируют характеристику того или иного исторического факта, выводит нас на категорию образа автора исторического сочинения и проявляет личную оценку ученого исторических лиц и их деяний.

2.3.3. Средства оценки исторических лиц и разных слоев общества

В сочинении В.О. Ключевского «Русская история» образ автора проявляется в использовании средств оценки исторических лиц и разных слоев общества. Передача оценки исторических персонажей и слоев общества, отражая систему этических ценностей ученого, часто позволяет охарактеризовать и историческую

эпоху.

Например, при рассмотрении эпохи правления Петра I:

«Самодержец (Петр I. — В.Л.), не знавший границ своей власти, чувствует себя бессильным перед мелким шляхетством, среди которого была в ходу розничная торговля крепостными. Однако незадолго до того Петр подтвердил свой указ, разрешавший холопам по своей воле вступать в солдаты и предписавший отдавать им жен с детьми ниже 12 лет, но с оставлением более возрастных в прежней неволе. Крепостное состояние обращено было к Петру не правовой, а только фискальной своей стороной, и здесь он хорошо понимал свой казенный интерес» [2017, с. 601].

В тексте используются противопоставления, которые позволяют выразить авторскую оценку деятельности Петра I и способствуют нашему пониманию образа автора:

самодержец, не знавший границ своей власти ↔ бессильный перед мелким шляхетством;

правовая сторона крепостного состояния ↔ фискальная сторона крепостного состояния.

Согласно В.О. Ключевскому, значение реформы подушной подати для Петра I заключалось лишь в *фискальном* доходе и *казенном интересе*, а не в решении *правовых* вопросов. Таким образом историк отрицательно характеризует как самого императора, так и систему крепостничества при нем. Закрепляется лексически невыраженный смысл 'бесправие крепостных при Петре I', значимый для реконструкции образа автора.

Рассмотрим еще один пример (из рассуждения о крепостничестве до правления Екатерины II и при нем):

«Можно было тремя способами разверстать отношения крепостных крестьян к землевладельцам... Первой формой этого права была личная зависимость крепостных от землевладельцев по договору — до указа 1646 г.; такую форму имело крепостное право до половины XVII в. По Уложению и

законодательству Петра это право превратилось в **потомственную зависимость крепостных от землевладельцев по закону**, обусловленную обязательной службой землевладельцев. При Екатерине крепостное право получило третью форму: оно превратилось в **полную зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев, не обусловливаемой и обязательной службой последних, которая была снята с дворянства. Вот почему Екатерину можно назвать виновницей крепостного права не в том смысле, что она создала его, а в том, что это право при ней из колеблющегося факта, оправдываемого временными нуждами государства, превратилось в признанное законом право, ничем не оправдываемое»** [2017, с. 808].

В тексте показано изменение форм крепостного права с середины XV в. (Судебник Ивана III установил **обязательный срок** для крестьянского выхода [2017, с. 280]) до начала правления Екатерины II:

формы крепостного права

с середины XV в. до половины XVII в.	→	с середины XVII в. до окончания правления Петра III	→	при Екатерине II
<i>личная зависимость крепостных от землевладельцев по договору</i>	→	<i>потомственная зависимость крепостных от землевладельцев по закону, обусловленная обязательной службой землевладельцев</i>	→	<i>полная зависимость крепостных, ставших частной собственностью землевладельцев, не обусловливаемой обязательной службой землевладельцев</i>

Заметна тенденция к ужесточению крепостного права и усилению прав землевладельцев с середины XV в. до окончания правления Екатерины II.

В.О. Ключевский группирует исторические эпохи по формам крепостного права:

обнаруживает общие тенденции в правлении с середины XV в. до половины XVII в. (эпоха правления Ивана III (1462–1505), Василия III (1505–1533), Ивана IV (1547–1584), Федора Иоанновича (1584–1598), Бориса Годунова (1598–1605), Лжедмитрия I (1605–1606), Василия IV (1606–1610), Михаила Федоровича (1613–1645)), объединенные *личной зависимостью крепостных от землевладельцев по договору*;

находит сходства и проводит управленческие параллели, характерные для периода с середины XVII в. до окончания царствования Петра III (эпоха правления Алексея Михайловича (1645–1676), Федора Алексеевича (1676–1682), Петра I и Ивана V (1682–1689), Петра Великого (1689–1725), Екатерины I (1725–1727), Петра II (1727–1730), Анны Иоанновны (1730–1740), Ивана VI (1740–1741), Елизаветы Петровны (1741–1761), Петра III (1761–1762)), объединенные *потомственной зависимостью крепостных от землевладельцев, обусловленные обязательной службой землевладельцев*.

В.О. Ключевский сопоставляет различные периоды правления, начиная с середины XV в. и заканчивая периодом правления Петра III, по принципу развития системы крепостничества и вводит новое понятие *колеблющийся факт*, обозначающее ‘факт, оправдываемый временными нуждами государства’.

Образ автора закрепляется в противопоставлении крепостной системы, существовавшей до начала правления Екатерины II, и после ее вступления на престол:

крепостничество

с середины XV в. до окончания ↔ при Екатерине II
 правления Петра III

колеблющийся факт, оправдываемый ↔ признанное законом право, ничем не

При Екатерине II крепостничество окончательно стало законным, *ничем не оправдываемым* вечным правом, которое будет определять задачи последующих правительств — *ослабление привилегированного положения дворянства и сближение его с другими классами*. Поэтому ученый считает Екатерину II *виновницей*, т. е. ‘причиной’ крепостного права в русской истории. Так сама императрица и система крепостничества, развитая при ней, характеризуются с отрицательной стороны.

Образ автора проявляется не только в оценке исторических лиц, но и в оценке правящего класса XVIII–XIX вв. Рассмотрим пример:

*«Так как **приписка** иногда совершалась помимо воли приписываемых лиц, то здесь допускалось множество злоупотреблений. Впоследствии закон признал все эти злоупотребления, лишив насильно приписанных права жаловаться на незаконность их приписки. Дворянский Сенат, действуя в интересах господствующего сословия, смотрел сквозь пальцы на эти насилия, так что **приписка, предпринятая с полицейской целью** — с целью уничтожения бродяжничества, тогда получала характер **расхищения общества высшим классом**»* [2017, с. 808].

Приписка является способом количественного расширения крепостной зависимости после смерти Петра I: *«люди, которые не успели примкнуть к основным классам общества, избрав себе постоянный род жизни, по указу Петра I обязаны были найти себе господина и положение, записаться в подушный оклад за каким-либо лицом либо обществом»* [2017, с. 808].

В тексте содержится много лексических единиц, которые прямо характеризуют отрицательные явления русской жизни:

совершалась приписка;

помимо воли приписываемых лиц;

допускалось множество злоупотреблений;

лишить права жаловаться на незаконность;

*приписка, предпринятая с полицейской целью;
смотреть сквозь пальцы на насилия;
расхищение общества высшим классом.*

Такая концентрация неодобрительных выражений раскрывает отрицательную сторону и русской действительности, и правящего класса, а также позволяет проявиться образу автора.

Еще один пример:

*«Дворянское самоуправление уже в царствование Екатерины успело утратить серьезное значение, стало карикатурой, над которой смеялись остальные классы общества и литература. **Дворянские выборы стали ареной родственных или приятельских интриг, дворянские съезды — школой праздных разговоров и краснословия**» [2017, с. 824–825].*

Смысловые тождества — *дворянское самоуправление равно карикатура; дворянские выборы равно арена интриг; дворянские съезды равно школа праздных разговоров и краснословия*, включающие резко негативно окрашенную лексику (*карикатура, интрига, праздный*), позволяют выйти на содержательную структуру категории образа автора.

Рассмотрим пример (из рассуждения о событиях XIX в.):

*«Большую часть (декабристов. — В.Л.) то были добрые и образованные молодые люди, которые **желали быть полезными отечеству**, проникнуты были **самыми чистыми побуждениями** и **глубоко возмущались** при встрече с каждой, даже с самой привычной, **несправедливостью**, на которую **равнодушно смотрели их отцы**. Очень многие из них оставили после себя автобиографические записки; некоторые даже вышли недурными писателями. На всех произведениях лежит особый отпечаток, особый колорит... Это соединение **мягкой и ровной, совсем не режущей мысли с задушевным и опрятным чувством**, которое **чуть окрашено грустью**; у них **всего меньше соли и желчи ожесточения**; так пишут хорошо воспитанные молодые люди, в которых жизнь еще **не опустошила юношеских надежд**, в которых первый пыл сердца **зажег не думы о личном***

счастью, а стремление к общему благу» [2017, с. 872].

В тексте формируется оппозиция:

отношение к общественной несправедливости

у декабристов ↔ у старшего поколения дворянства

глубокое возмущение ↔ *равнодушно*

стремление к общему благу ↔ *дума о личном счастье*

Литературные произведения декабристов характеризуются в следующих выражениях:

мягкая и ровная, не режущая мысль;

задушевное и опрятное чувство;

легкая грусть;

нет соли и желчи ожесточения.

Эти средства демонстрируют уникальность литературы декабристов, которые будучи выходцами из богатых и знатных семей, лишили себя всего ради великой цели, ради *общего блага*: ликвидации крепостного права, ограничения самодержавия и перехода к конституционной монархии. После всех пережитых тягот и страданий, полученных в качестве наказания, ссылки и каторги в произведениях декабристов все же не было злобы и ненависти. Высокая оценка декабристов и их литературы позволяет наиболее полно раскрыть образ автора.

Итак, мы видим, что при передаче оценки деятельности исторических лиц и характеристики разных слоев общества (Петр I, Екатерина II, правящий класс XVIII–XIX вв.) используются следующие средства выражения:

противопоставления (*самодержец, не знавший границ своей власти* ↔ *бессильный перед мелким шляхетством; правовая сторона крепостного состояния* ↔ *фискальная сторона крепостного состояния; колеблющийся факт, оправдываемый временными нуждами государства* ↔ *признанное законом право, ничем не оправдываемое; глубоко возмущались при встрече с несправедливостью*

↔ *равнодушно смотрели; стремление к общему благу ↔ дума о личном счастье*);

лексические единицы с отрицательной коннотацией (*совершалась приписка помимо воли приписываемых лиц — допускалось множество злоупотреблений — лишит права жаловаться на незаконность — приписка, предпринятая с полицейской целью — смотреть сквозь пальцы на насилия — расхищение общества высшим классом*);

лексические единицы с положительной коннотацией (*мягкая и ровная, не режущая мысль — задушевное и опрятное чувство — легкая грусть — нет соли и желчи ожесточения*);

смысловые тождества (*дворянское самоуправление — карикатура; дворянские выборы — арена интриг; дворянские съезды — школой праздных разговоров и краснословия*).

Эти средства, передавая субъективную оценку деятельности исторических личностей и отражая систему этических ценностей ученого, характеризуют историческую эпоху и представляют собой ключ к раскрытию категории образа автора в сочинении «Русская история».

2.3.4. Средства выражения чувств и мыслей исторических лиц

В сочинении В.О. Ключевского категория образа автора проявляется в средствах, позволяющих выразить чувства и мысли людей исторической эпохи: «История — не знание того, какие события следовали одно за другим. Она — проникновение в душевный мир других людей, взгляд на ситуацию, в которой они находились, их глазами и решение для себя вопроса, правилен ли был способ, с помощью которого они хотели справиться с этой ситуацией» [Коллингвуд 1980: 355]. Воссоздается психологическая картина прошлого, живые образы людей минувших веков — все это дает ключ к категории образа автора.

Например, из повествования о народе после смерти Петра I:

*«Все почувствовали, что упала **сильная рука**, как-никак, но **поддерживавшая***

порядок, а вокруг себя видели так мало прочных опор порядка, что поневоле шевелился тревожный вопрос: что-то будет дальше? Под собой, в народной массе реформа имела ненадежную, зыбкую почву» [2017, с. 666].

В тексте мысли и чувства народа, возникшие после смерти Петра I, закрепляются в следующих выражениях:

*упала сильная рука, поддерживавшая порядок;
вокруг видели так мало прочных опор порядка;
поневоле шевелился тревожный вопрос;
реформа имела ненадежную, зыбкую почву.*

В приведенном контексте результаты деятельности Петра I характеризуются с отрицательной стороны. Устанавливается научный критерий оценки: значение деятельности преобразователя определяется по ее отношению к народному благу, по степени влияния результатов этой деятельности на народную жизнь после смерти самого преобразователя. В этом критерии оценки — научное кредо автора.

Рассмотрим другой пример, где отражена реакция Екатерины II на притязания извне на крепостной труд:

«В комиссии 1767 г. послышались с некоторых сторон смелые притязания на крепостной крестьянский труд... Эти рабовладельческие притязания раздражали императрицу, и раздражение это выразилось в одной коротенькой записке, дошедшей до нас от того времени. Эта записка гласит: "Если крепостного нельзя персоной признать, следовательно, он не человек; так скомом извольте его признавать, что к немалой славе и человеколюбию от всего света нам приписано будет". Но это раздражение осталось мимолетной патологической вспышкой гуманной правительницы» [2017, с. 813].

В приведенном фрагменте реакция Екатерины II закрепляется использованием однокоренных слов *раздражать* и *раздражение*. При императрице крепостные стали *рабами*, к получению труда которых стремились все.

Выражение *мимолетная патологическая вспышка гуманной правительницы* образуется перифразом и позволяет закрепить лексически невыраженный смысл —

‘лицемерие’ Екатерины II.

Средства выразительности, подобранные для демонстрации отрицательных сторон эпохи правления Екатерины II, способствуют пониманию образа автора.

В сочинении В.О. Ключевского находят отражение не только чувства и мысли исторических персонажей, людей, единолично влиявших на ход истории, но и идеи правящего класса общества.

Например, историк передает в своем тексте восторг дворян от вступления Александра I на престол:

*«Этот император вступил на престол 12 марта 1801 г. Его вступление на престол возбудило в русском, преимущественно дворянском, обществе **самый шумный восторг**; предшествующее царствование для этого общества было **строгим великим постом**. <...> **Продолжительное напряжение нервов от страха разрешалось обильными слезами умиления**: люди на улицах и в домах **плакали от радости**; при встрече знакомые и незнакомые **поздравляли друг друга и обнимались, точно в день Светлого воскресения**. Но скоро новый, 24-летний император стал **предметом восторженного внимания и обожания**. Самая наружность, обращение, появление на улице его, как и обстановка, **производили обаятельное действие**» [2017, с. 852].*

Противопоставление того, как ощущали себя дворяне при Павле I и при Александре I, раскрывается через образы Великого поста и Пасхи:

строгий великий пост (ощущение ↔ день Светлого воскресения при Павле I) (ощущение при Александре I)

продолжительное напряжение нервов от страха ↔ обильные слезы умиления плакали от радости

поздравляли друг друга и обнимались производили обаятельное действие

Содержание этих образов выражается многочисленными перифразами,

лексикой высокого стиля. Образные средства формируют смысловые оппозиции, раскрывающие содержательную структуру категории образа автора так же, как и формирующие принцип группировки исторических событий.

Таким образом, отмечаем, что в сочинении «Русская история» при передаче чувств и ощущений исторических лиц и некоторых слоев общества — настроение народа после смерти Петра I, раздражение Екатерины II от участвовавших притязаний на труд крепостных, восторг дворян от вступления Александра I на престол — используются такие средства выражения, как:

перифраз (*мимолетная патологическая вспышка, строгий великий пост, день Светлого воскресения*);

лексические единицы с яркой эмоциональной окраской (*сильная рука, как-никак, поневоле, тревожный, ненадежная и зыбкая почва, раздражать, раздражение, коротенький, самый шумный восторг, обильные слезы умиления, предмет восторженного внимания и обожания, производили обаятельное действие*);

оппозиция (*строгий великий пост ↔ день Светлого воскресения, продолжительное напряжение нервов от страха ↔ плакали от радости, поздравляли друг друга и обнимались*).

Такие средства позволяют воссоздать психологический портрет эпохи, передать исследователю собственную оценку исторических событий и личностей, и, наконец, выйти на категорию образа автора.

«Содержательная плотность сочинения В.О. Ключевского обеспечивается высокой концентрацией экспрессивных средств выражения» [Валентинова, Ван 2020: 783]. Использование экспрессивных средств позволяет ученому дать собственную оценку историческим лицам и их деятельности, задать эмоционально-волевою установку, отразить личный «взгляд» на историю России [Новиков 2001: 22].

В сочинении В.О. Ключевского находят отражение различные функции средств выражения (отражение системы этических ценностей автора;

характеристика исторической эпохи, событий и личностей; оценка исторических лиц и разных слоев общества; выражение чувств и мыслей людей исторической эпохи), которые дополняют друг друга.

Экспрессивные средства, образуя содержательную структуру категории образа автора, формируют принцип группировки исторических событий (период с середины XV в. до окончания правления Петра III объединяется общей чертой крепостничества как *колеблющимся фактом*; период от царствования Екатерины I до Петра III — общей чертой образования дворянства как *светской муштровкой для успеха на службе*; период от царствования Екатерины I до Екатерины II — общей тенденцией к освобождению дворянства от обязанностей и усилению его привилегий; царствования Павла I, Александра I и Николая I — *господством и усилением* бюрократии и т. д.).

Устанавливается иерархия исторических событий, в которой господствующее место отводится болезненным явлениям русской истории, определяющим дальнейшее развитие страны и становящимся «смысловыми постоянными, с трагическим упорством возобновляемыми на очередном витке исторической спирали» [Валентинова 2022: 53]:

например, школьные побеги и побеги рекрутов из армии при Петре I стали *хроническими недугами* у последующих поколений;

расширение права дворянства и усиление крепостничества в случайных правительствах после смерти Петра I определяют задачи последующих правительств — *ослабление привилегированного положения дворянства* и сближение его с другими классами;

заимствование русскими людьми чужой культуры без понимания российской действительности со второй половины XVIII в. послужит предпосылкой, прежде всего, восстания декабристов и др.

Такие примеры неисчислимы. Раскрывается причинно-следственная связь событий русской истории.

Выявление характера и выведение способов научной аргументации позволяет

нам реконструировать систему закодированных в тексте научных и этических ценностей автора, которые часто формулируются как преодоление существующих стереотипов в понимании исторических событий и явлений. Таким образом, формируется уникальная историческая модель, созданная в книге В.О. Ключевского, которая позволяет выявить категорию образа автора.

Выводы по II главе

В данной главе рассматривается соотношение используемых В.О. Ключевским объективного и субъективного методов, выбор которых определяет категория образа автора.

Подробно исследуется проявление категории образа автора научного текста в принципе отбора исторических источников и выборки фрагментов из них (1); в соотнесении типа изложения с вводимым им содержанием (2); в выборе средств выражения (3).

Принцип отбора исторических источников и фрагментов для цитирования в данной главе основан на соотнесении источников (или фрагментов), отобранных В.О. Ключевским для анализа, и им опущенных.

В результате проведенного исследования нами установлено, что базовым принципом отбора исторических источников и выборки фрагментов из них в сочинении В.О. Ключевского является не только оценка исторических событий через сопоставление *концов с началами*, но и *умственное и нравственное состояние* народа.

При работе с историческими источниками ученый обращается как к прямому цитированию, так и к пересказыванию. Способ отсылки к историческим документам, как проявление личной воли автора текста, оказывается существенным для реконструкции образа автора.

Установлено, что в сочинении В.О. Ключевского используются типы изложения от 1-го лица ед. ч. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица, а также безличная форма изложения.

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что в работе В.О. Ключевского образ автора проявляется в определении функций каждого типа изложения, установить которые возможно только в результате соотнесения типа изложения с вводимым им содержанием.

Изложение от 1-го лица ед. ч. вводит тему обсуждения; ограничивает или

расширяет рассмотрение того или иного вопроса; актуализирует уже рассмотренную тему; меняет угол рассмотрения темы с помощью противопоставления «мнение научного сообщества ↔ научная позиция В.О. Ключевского». Таким образом, изложение от 1-го лица ед. ч., как экспликация воли автора, становится показателем его системы этических ценностей и исследовательского интереса, дает ключ к раскрытию образа автора как образа исследователя.

Изложение от 1-го лица мн. ч., объединяя автора и его слушателей и читателей, актуализирует уже рассмотренную тему с помощью совместного обращения к этой теме; актуализирует рассмотренную тему с помощью формирования типа смысловых оппозиций; приглашает слушателей и читателей к совместному действию; передает чувства автора, схожие с чувствами его слушателей и читателей. Таким образом, изложение от 1-го лица мн. ч., как способ аргументации, позволяет усилить сближение автора с его слушателями и читателями, выделить приоритетный ракурс анализа, значимый для понимания образа автора.

Изложение от 2-го лица мн. ч., как прямое обращение к аудитории, актуализирует уже рассмотренную тему с помощью возвращения к этой теме вместе с аудиторией; побуждает аудиторию к умственному действию. Так ученый помогает аудитории ориентироваться в ходе рассуждений, акцентирует ее внимание на самых актуальных проблемах, которые существуют до сих пор.

Изложение от 3-го лица используется при передаче объективных фактов и действий и при передаче мыслей и чувств исторических лиц. С помощью последней функции раскрывается психологический портрет русской истории и воссоздается картина свершившегося в прошлом события.

Безличная форма изложения позволяет транслировать исторические факты, а также, как форма изложения от 1-го лица мн. ч., передавать чувства, общие для автора, его слушателей и читателей. Последняя функция дает возможность удерживать внимание слушателей и читателей.

Нами установлено, что категория образа автора проявляется более всего в

нехарактерном для функционального научного стиля использовании типов изложения: использование редкого в стереотипном научном тексте типа изложения от 1-го лица единственного числа; использование типов изложения, получивших новое значение в работе В.О. Ключевского (изложение от 3-го лица передает мысли и чувства исторических лиц, изложение от 1-го л. мн. ч. и безличная форма изложения передают общие со слушателями и читателями чувства автора).

Образ автора научного текста проявляется также в принципе отбора средств выражения, формирующих индивидуальный стиль ученого.

В «Русской истории» экспрессивные средства выполняют те функции, которые устанавливаются в процессе соотнесения средств выражения с выражаемым ими содержанием:

- отражение системы этических ценностей автора;
- характеристика исторической эпохи, исторических событий и личностей;
- оценка исторических лиц и разных слоев общества;
- выражение чувств и мыслей людей исторической эпохи.

Эти функции пересекаются и дополняют друг друга. Экспрессивные средства, выражая личное отношение ученого к историческим лицам и результатам их деятельности, формируют содержательную структуру категории образа автора.

Описанные способы проявления образа автора в научном тексте: принцип отбора фактов, функциональные особенности типов изложения и средств выражения — соотносятся друг с другом и образуют единую структуру научного текста. Выявление этой структуры в работе В.О. Ключевского позволяет реконструировать уникальную модель русской истории.

Таким образом, образ автора раскрывается не только в преодолении существующих стереотипов в понимании истории России, но и в интеллектуальных способах выражения этого преодоления и в исторической аргументации как объективной обоснованности позиции ученого.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе исследования удалось подтвердить научную гипотезу, согласно которой категория образа автора научного текста, свидетельствуя о личности ученого, существенно углубляет представление об объекте изучения, которому посвящен научный труд этого автора.

Мы установили соотношение понятий категории образа автора и автора, которые находятся в отношениях, с одной стороны, нетождественности, а с другой — подобия.

Раскрывая соотношение понятий детерминанты и доминанты, мы определили следующие границы: *детерминанты* (категории образа автора) как причины и определяющего принципа всего текста, а *доминанты* как материализации этого принципа.

В сочинении В.О. Ключевского «Русская история» обнаружено совпадение направлений доминантной деятельности текста от цели к средству с причинно-следственными связями исторических событий. Последнее позволяет воссоздать понимание ученым логики развития российской истории и отражает его научный метод.

В ходе исследования было выявлено, что категория образа автора научного текста проявляется и в *эксплицитном*, и в *имплицитном* содержании, а способы выражения содержания зависят от личности автора и, если речь идет о гуманитарной науке, от общественно-политической ситуации.

В данной работе доказано, что образ автора научного текста проявляется в принципах отбора фактов для анализа (именно эти, а не другие), отбора источников и выборки фрагментов из этих источников.

Мы определили, что базовым принципом отбора исторических фактов является значение этих фактов для *всех* слоев общества, для *народного блага* и для дальнейшей судьбы России.

Базовым принципом отбора исторических источников и выборки фрагментов

из них выступает *этическая* позиция правящего класса, *умственное и нравственное* состояние народа, оценка исторических событий через сопоставление *концов с началами*.

В ходе исследования делается вывод о том, что в сочинении В.О. Ключевского используются все типы изложения — от 1-го лица ед. ч. и мн. ч., от 2-го лица мн. ч., от 3-го лица, а также безличная форма изложения. В результате соотнесения типа изложения с вводимым им содержанием устанавливаются функции каждого типа изложения, в определении которых проявляется категория образа автора.

Выявлена значимость использования редкого в стереотипном научном тексте типа изложения от 1-го лица ед. ч. для характеристики категории образа автора. Изложение от 1-го лица ед. ч. вводит тему обсуждения и критерий оценки исторических событий; ограничивает или расширяет рассмотрение того или иного вопроса; актуализирует уже рассмотренную тему; меняет угол рассмотрения темы с помощью противопоставления научной позиции В.О. Ключевского мнению научного сообщества. Таким образом, изложение от 1-го лица ед. ч. непосредственно связано с экспликацией научного метода ученого.

Изложение от 1-го лица мн. ч. объединяет автора с его слушателями и читателями, как и изложение от 1-го лица ед. ч., изложение от 1-го лица мн. ч. актуализирует уже рассмотренную тему, но с помощью совместного возвращения к этой теме или с помощью формирования смысловых оппозиций нового типа. Кроме того, изложение от 1-го лица мн. ч. приглашает слушателей и читателей к совместному действию; передает чувства автора, общие с его слушателями и читателями. Итак, изложение от 1-го лица мн. ч. позволяет автору воздействовать на слушателей и читателей, направить их внимание, выбрать ракурс рассмотрения проблемы, значимый для понимания образа автора.

Изложение от 2-го лица мн. ч., как прямое обращение к аудитории, выполняет функции актуализации уже рассмотренной темы с помощью совместного возвращения к этой теме и побуждения аудитории к умственному действию.

Изложение от 2-го лица мн. ч. позволяет захватить и на протяжении долгого времени удерживать внимание аудитории, помогает ей ориентироваться в ходе рассуждений и в результате достичь понимания.

Изложение от 3-го лица и безличная форма изложения не только используются при передаче объективных фактов, как в стандартизированном научном тексте, но и приобретают нехарактерное значение в сочинении В.О. Ключевского, которое значимо, в свою очередь, для реконструкции образа автора научного текста: изложение от 3-го лица позволяет передавать мысли и чувства исторических лиц, а безличная форма изложения — чувства, общие для автора, его слушателей и читателей, как и изложение от 1-го лица мн. ч.

Таким образом, образ автора проявляется в работе В.О. Ключевского «Русская история» в избирательной функциональной нагрузке типов изложения.

Образ автора выражается также в принципе выбора средств выражения, который устанавливается через соотнесение средств выражения с выражаемым ими содержанием. Обнаруживается, что в сочинении В.О. Ключевского общий стилистический облик работы определяется используемыми историком экспрессивными средствами, а не традиционно выделяемыми признаками функционального научного стиля.

Определены функции экспрессивных средств в сочинении «Русская история», которые пересекаются:

- отражение системы этических ценностей автора;
- характеристика исторической эпохи, событий и личностей;
- оценка исторических лиц и разных слоев общества;
- выражение чувств и мыслей людей той или иной исторической эпохи.

Эти средства выражения, отражая и субъект исследования, и объект исследования, позволяют формировать содержательную структуру категории образа автора.

Выявленные способы проявления образа автора в научном тексте: принцип отбора фактов, функциональные особенности типов изложения и средств

выражения — соотносятся между собой, образуя единую структуру научного текста. Взаимосогласованность этих способов — результат интегрирующего действия сверхкатегории образа автора как детерминанты текста, являющейся причиной всех его свойств.

Исследование принципа отбора фактов позволяет прояснить предлагаемый историком принцип группировки событий русской истории, с помощью которого можно реконструировать уникальную дискретную модель русской истории, закодированную в труде В.О. Ключевского.

Выстраивается иерархическое отношение исторических событий и явлений, при котором внимание историка уделяется именно тем событиям русской истории, которые определяют дальнейшую судьбу России и становятся историческими константами на протяжении длительного периода времени.

Установление функций типов изложения и экспрессивных средств через их соотношение с вводимым ими содержанием позволяет установить связь знака со значением, раскрывающую сущность субъекта текста (автора) через его отражение в тексте (образ автора).

В настоящее время системно-функциональный подход к исследованию текста с опорой на категорию образа автора применяется учеными преимущественно при изучении художественных текстов. Перспектива данного исследования состоит в том, что выполненная работа может стать опорой для дальнейшего изучения способов проявления категории образа автора в научных текстах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического исследования / И.В. Арнольд // Вопросы языкознания. — 1982. — № 4. — С. 83–96.
2. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1981. — № 4. — С. 356–367.
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности "Филология" / Л.Г. Бабенко, И.Е. Васильев, Ю.В. Казарин. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та., 2000. — 534 с.
4. Баженова Е.А. Композиция // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Е.А. Баженова; Ред. М.Н. Кожина. — М.: Флинта; Наука, 2006. — С. 168–173.
5. Баженова Е.А. Научный текст в аспекте политекстуальности: [Монография] / Е.А. Баженова. — Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. — 269 с.
6. Баженова И.С. Образ автора в образной системе художественного текста / И.С. Баженова // Сборник конференции "Теория, история, литературоведение и методика преподавания немецкого языка". — 2017. — С. 6–10.
7. Бакланова И.И. Образ автора нехудожественного текста / И.И. Бакланова (а) // Русский язык за рубежом. — 2012. — № 5 (234). — С. 44–49.
8. Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: сходства и различия / И.И. Бакланова (б) // Русский язык в школе. — 2012. — № 10. — С. 59–65.
9. Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата как имплицитный компонент содержания научных текстов / И.И. Бакланова (а) // Русский язык в едином европейском образовательном пространстве (проблемы межкультурного взаимодействия): сборник статей. — 2014. — С. 20–27.

10. Бакланова И.И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: диссертация доктора филологических наук: 10.02.01 / И.И. Бакланова (б); [Место защиты: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, www.novsu.ru]. — Великий Новгород, 2014. — 431 с.

11. Бакланова И.И. Соотношение источников сведений об образе автора и образе адресата научного текста / И.И. Бакланова (в) // Международный аспирантский вестник: русский язык за рубежом. — 2014. — № 1. — С. 15–19.

12. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 392 с.

13. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — М.: Прогресс-Универс, 1994. — С. 384–391.

14. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. — М.: Искусство, 1979. — С. 281–307.

15. Бахтин М.М. Проблема текста / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. — Т. 5: Работы 1940-х-начала 1960-х годов. — М.: Русские словари, 1996. — С. 306–326.

16. Биск И.Я. Методология истории: курс лекций / И.Я. Биск. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2007. — 236 с.

17. Богословский М.М. В.О. Ключевский как ученый / М.М. Богословский // В.О. Ключевский: воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. — С. 42–64.

18. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная: (Науч. наследие) / М.М. Богословский; Отв. ред. А.И. Клибанов; Арх. АН СССР; Введ. Л.А. Черной. — М.: Наука, 1987. — 214 с.

19. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. — Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. — 384 с.

20. Большакова А.Ю. Теории автора в современном литературоведении / А.Ю. Большакова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1998. — № 5. — Том 57. — С. 15–24.
21. Большакова А.Ю. Теории читателя и литературно-теоретическая мысль XX в. / А.Ю. Большакова // Теоретико-литературные итоги XX века. Читатель: проблемы восприятия. — М.: Наука; Праксис, 2005. — С. 512–530.
22. Большакова А.Ю. Теория архетипа на рубеже XX–XXI вв. / А.Ю. Большакова // Вопросы филологии. — 2003. — №1. — С. 37–47.
23. Брикнер А.Г. История Павла I / А.Г. Брикнер; [пер. М. Чепинской]. — М.: АСТ: Астрель, 2004. — 287 с.
24. Валгина Н.С. Теория текста: Учебное пособие / Н.С. Валгина. — М.: Логос, 2003. — 278 с.
25. Валентинова О.И. Универсальные принципы анализа вербального искусства: спецкурс для филологов-магистров: учебное пособие / О.И. Валентинова. — М.: Российский ун-т дружбы народов, 2010. — 158 с.
26. Валентинова О.И., Ван Л. Проявление категории образа автора в характеристике правления Петра Великого (на материале сочинения В.О. Ключевского «Русская история») // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2020. — 11 (4). — С. 775–789.
27. Валентинова О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов / О.И. Валентинова // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. — М.: Языки славянских культур, 2016. — С. 171–301.
28. Валентинова О.И. Словесный образ как культурный знак в языке, искусстве, интеллектуальной журналистике (о книге М.Л. Новиковой "Онтология искусства поэтического слова и остраннение") / О.И. Валентинова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2020. — Т. 9. — № 2. — С. 379–386.
29. Валентинова О.И. Смыслоформирующий контекст как основа

достоверного понимания / О.И. Валентинова // Языковая системология: К 85-летию профессора Г.П. Мельникова: сборник статей. — М.: РУДН, 2013. — С. 20–26.

30. Валентинова О.И. Форма как смыслообразующая сила / О.И. Валентинова // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Сборник научных статей: в 2 частях. — М.: РУДН, 2014. — С. 190–195.

31. Валентинова О.И. Образное мышление в науке на материале сочинения В.О. Ключевского «История России» / О.И. Валентинова // Филологические науки. — 2022. — № 4. — С. 48–57.

32. Варавкина В.Ю. Новогоднее обращение главы государства: жанровая специфика и лингвокогнитивное моделирование образа адресата: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Омск, 2013. — 22 с.

33. Варгина Е.И. Риторика научного текста. Авторские средства / Е.И. Варгина // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение. — 2003. — № 4. — С. 44–50.

34. Варгина Е.И. Риторика научного текста. Универсальные средства / Е.И. Варгина // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. Языкознание. Литературоведение. — 2003. — № 3. — С. 65–72.

35. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка / А.Н. Васильева. — М.: Русский язык, 1976. — 192 с.

36. Васильева А.Н. Основы культуры речи / А.Н. Васильева. — М.: Рус. яз., 1990. — 247 с.

37. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; Вступ. ст. И. К. Горского; Коммент. В.В. Мочаловой. — М.: Высшая школа, 1989. — 648 с.

38. Виноградов В.В. К построению теории поэтического языка. Учение о системах речи литературных произведений / В.В. Виноградов // «Поэтика» сборник статей. — Вып. III. — Л.: Academia, 1927. — С. 5–24.

39. Виноградов В.В. Наука о языке художественной литературы и ее задачи. (На материале русской литературы) / В.В. Виноградов // Доклады / Акад. наук СССР.

Советский ком-т славистов. IV Междунар. съезд славистов. — М., 1958. — 51 с.

40. Виноградов В.В. О языке художественной литературы / В.В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1959. — 654 с.

41. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей / В.В. Виноградов. — М.: Гослитиздат, 1961. — 614 с.

42. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В.В. Виноградов. — М., Изд-во АН СССР, 1963. — 255 с.

43. Виноградов В.В. О теории художественной речи / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1971. — 240 с.

44. Виноградов В.В. Стиль "Пиковой дамы" / В.В. Виноградов // Избранные труды. О языке художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — С. 176–239.

45. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур; предисл. С. Бархударова; Акад. наук СССР, Отд-ние литературы и языка. — М.: Учпедгиз, 1959. — 492 с.

46. Выготский Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. — Ростов н/Д.: изд-во «Феникс», 1998. — 480 с.

47. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. — М.: Наука, 1981. — 140 с.

48. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка / И.Р. Гальперин. — М.: Либроком, 2014. — 382 с.

49. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. — 11-е изд. — М.: Айрис-пресс, 2010. — 448 с.

50. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте / Е.А. Гончарова. — Томск: Изд-во Томского университета, 1984. — 147 с.

51. Горшков А.И. Лекции по русской стилистике / А.И. Горшков. — М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2000. — 272 с.

52. Данто А.С. Аналитическая философия истории / А.С. Данто; Под ред. Л.Б.

Макеевой; Пер. с англ. А.Л. Никифорова и О.В. Гавришиной. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 289 с.

53. Долинин К.А. ИмPLICITное содержание высказывания / К.А. Долинин // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — С. 37–47.

54. Долинин К.А. Интерпретация текста / К.А. Долинин. — М.: Просвещение, 1985. — 288 с.

55. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский // Полное собрание сочинений: В 30 т. Художественные произведения / Текст подгот. И.А. Битюгова, Н. Н. Соломина. Т. 8. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. — 511 с.

56. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие / А.Б. Есин. — М.: Флинта, Наука, 2005. — 244 с.

57. Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е гг. XIX в. / А.А. Зимин // Исторические записки: сб. науч. ст. / отв. ред. А.Л. Сидоров. — Т. 69. — 1961. — С. 178–196.

58. Иванов Г.М. Исторический источник и историческое познание: (Методол. аспекты) / Г.М. Иванов. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. — 222 с.

59. Иванчикова Е.А. Категория «образа автора» в научном творчестве В.В. Виноградова / Е.А. Иванчикова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1985. — Т. 44. — № 2. — С. 123–134.

60. Ильин И.П. ИмPLICITный автор / И.П. Ильин // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник / А.В. Дранов и др.; науч. ред. и сост.: И.П. Ильин, Е.А. Цурганова; Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. — М.: Интрада, 1999. — С. 46–48.

61. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов / И.П. Ильин. — М.: Интрада, 2001. — 384 с.

62. Антопольский Л.Б., Каверин В.А. Идея призвания. Беседу вел Л.Б. Антопольский // Вопросы литературы. — 1969. — № 6. — С. 124–131.

63. Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма / Н.М. Карамзин; Вступ. ст., с. 5–27, и коммент. А. Ф. Смирнова. — М.: Современник, 1982. — 351 с.
64. Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине II / Н.М. Карамзин. — М.: В Университетской типографии у Любиа, Гария и Попова, 1802. — 180 с.
65. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. — 4-е изд., стер. — М.: УРСС, 2004. — 261 с.
66. Карпачев С.П. История России: краткий курс лекций / С.П. Карпачев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрайт, 2013. — 272 с.
67. Катаев В.Б. К постановке проблемы образа автора / В.Б. Катаев. — М.: Просвещение, 1990. — 250 с.
68. Кизеветтер А.А. Памяти В.О. Ключевского / А.А. Кизеветтер // В.О. Ключевский: Воспоминания и исследования / отв. ред. А.В. Малинов. — СПб.: Изд-во Политехнического университета, 2017. — С. 35–41.
69. Киреева Р.А. В.О. Ключевский как историк русской исторической науки / Р.А. Киреева; АН СССР. Ин-т истории. — М.: Наука, 1966. — 232 с.
70. Кириллова И.А. Сфера науки / И.А. Кириллова // Хорошая речь / Под редакцией М.А. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — С. 69–84.
71. Ключевский В.О. Русская история / В.О. Ключевский. — М.: Э, 2017. — 912 с.
72. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций / В.О. Ключевский. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. — 830 с.
73. Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы / В.О. Ключевский; Под ред. В.Л. Янина; Послесл. Р.А. Киреевой; Коммент. составили В.Г. Зимина, Р.А. Киреева. — М.: Мысль, 1989. — 476 с.
74. Кожевникова Н.А. О соотношении типов повествования в художественных текстах / Н.А. Кожевникова // Вопросы языкознания. — 1985. —

№ 4. — С. 104–114.

75. Кожевникова Н.А. Типы повествования в русской литературе XIX–XX вв. / Н.А. Кожевникова; Рос. АН, Ин-т рус. яз. М.: Ин-т рус. языка РАН. — 1994. — 336 с.

76. Кожин А.Н. Функциональные типы русской речи: Учебное пособие для филологических специальностей университетов / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. — М.: Высшая школа, 1982. — 223 с.

77. Кожина М.Н. О диалогичности письменной научной речи О диалогичности письменной научной речи: Учеб. пособие по спецкурсу / М.Н. Кожина; Перм. гос. ун-т им. А.М. Горького. — Пермь: Перм. гос. ун-т, 1986. — 91 с.

78. Кожина М.Н. Научный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Ред. М.Н. Кожина. — М.: Флинта, Наука, 2006. — С. 242–248.

79. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. Учебное пособие / М.Н. Кожина. — М.: Просвещение, 1977. — 223 с.

80. Кожин В.В. Проблема автора и путь писателя (на материале двух повестей Юрия Трифонова) / В.В. Кожин // Контекст 1977: Литературно-теоретические исследования. — М.: Наука, 1978. — С. 23–47.

81. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории; Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд; Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. — М.: Наука, 1980. — 485 с.

82. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. — М.: Просвещение, 1972. — 113 с.

83. Корман Б.О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора / Б.О. Корман // Стр-цы истории русской литературы. — М.: Наука, 1971. — С. 29–40.

84. Корман Б.О. Проблема автора в художественной литературе / Б.О. Корман. — Ижевск: УдГУ, 1992. — 134 с.

85. Котюрова М.П. Идиостиль (индивидуальный стиль, идиолект) /

М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Ред. М.Н. Кожина. — М.: Флинта, Наука, 2006. — С. 95–99.

86. Котюрова М.П. Субъектность речи (текста) / М.П. Котюрова // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Ред. М.Н. Кожина. — М.: Флинта, Наука, 2006. — С.517–523.

87. Крылова О.А. Лингвистическая стилистика: учебное пособие для вузов: В 2-х кн. Кн. 1: Теория / О.А. Крылова. — М.: Высшая школа, 2006. — 319 с.

88. Крылова О.А. Основы функциональной стилистики русского языка: Пособие для филологов-иностранцев / О.А. Крылова. — М.: Русский язык, 1979. — 224 с.

89. Кухаренко В.А. Текст и его структура: учебное пособие / В.А. Кухаренко. — М.: Флинта, 2018. — 185 с.

90. Кухаренко В.А. Лингвистическое исследование английской художественной речи: учебное пособие / В.А. Кухаренко; М-во высш. и сред. спец. образования УССР. Одес. гос. ун-т им. И.И. Мечникова. — Одесса: Б. и., 1973. — 60 с.

91. Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи / Б.А. Ларин; Вступ. статья А. Федорова, с. 3–23. — Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. — 285 с.

92. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. — Л.: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1971. — 413 с.

93. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Д.С. Лихачев. — М.: Наука, 1979. — 330 с.

94. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста: структура стиха: пособие для студентов / Ю.М. Лотман. — Л.: Просвещение, Ленинградское отд-ние, 1972. — 271 с.

95. Магомедов Б.Б. Импликация в художественном произведении (на материале языка художественной литературы XX века) / Б.Б. Магомедов // Известия Российского государственного педагогического университета им.

А.И. Герцена. — № 90. — 2009. — С. 143–146.

96. Мельников Г.П. Системная типология языков: принципы, методы, модели: монография / Г.П. Мельников; Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. — М.: Наука, 2003. — 393 с.

97. Михайлова Е.Е. В.О. Ключевский: художественная тональность научной работы с прошлым / Е.Е. Михайлова // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. — 2019. — № 3. — С. 108–113.

98. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык / Я. Мукаржовский // Пражский лингвистический кружок: Сборник статей / Сост., ред. и предисл. Н.А. Кондрашова. — М.: Прогресс, 1967. — С. 416–431.

99. Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М.В. Нечкина. — М.: Наука, 1974. — 635 с.

100. Никифоров А.Л. Истина в истории / А.Л. Никифоров // Понятие истины в социогуманитарном познании / Российская Акад. Наук, Ин-т философии; отв. ред. А.Л. Никифоров. — М.: ИФ РАН, 2008. — 210 с.

101. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 256 с.

102. Новиков Л.А. Сознательное и бессознательное в искусстве и эстетике / Л.А. Новиков // Избранные труды: Т. II. Эстетические аспекты языка. — М.: РУДН, 2001. — С. 28–31.

103. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остраннение / Л.А. Новиков // Избранные труды: Т. II. Эстетические аспекты языка. — М.: РУДН, 2001. — С. 56–77.

104. Новиков Л.А. Поэтический язык / Л.А. Новиков // Русский язык. Энциклопедия / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова Рос. акад. наук; Гл. ред., [авт. предисл.] Ю. Н. Караулов. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. — С. 356–358.

105. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. —

Изд. 3-е. — М.: издательство ЛКИ, 2007. — 304 с.

106. Новикова М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение / М.Л. Новикова. — М.: Экон-Информ, 2020. — 237 с.

107. Новикова М.Л. Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: На материале произведений русских писателей: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). — М., 2006. — 37 с.

108. Новикова М.Л. Остраннение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста: Монография / М.Л. Новикова. — М.: изд-во РУДН, 2005. — 306 с.

109. Новикова М.Л. Поэтика остраннения. Словесный образ в культурно-историческом пространстве / М.Л. Новикова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2013. — № 2. — С. 110–120.

110. Одинцов В.В. О языке художественной прозы: Повествование и диалог / В.В. Одинцов. — М.: Наука, 1973. — 104 с.

111. Одинцов В.В. Стилистика текста / В.В. Одинцов. — М.: Наука, 1980. — 263 с.

112. Одинцов В.В. Стилистическая структура диалога / В.В. Одинцов // Языковые процессы современной художественной литературы: Проза / Н.А. Кожевникова, В.В. Одинцов, Т. Г. Винокур и др. / отв. ред. д-ра филол. наук А.И. Горшков, А.Д. Григорьева. — М.: Наука, 1977. — С. 99–129.

113. Орлов А.С., Георгиев В.А., Георгиева Н. Г., Сивохина Т. А. История России. Учебник. — 2-е издание. — М.: Проспект, 2016.— 680 с.

114. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении: учебное пособие / Е.И. Орлова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Флинта, 2019. — 113 с.

115. Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в рус. яз. Семантика нарратива / Е.В. Падучева. — М.: Школа «Языки русской

культуры», 1996. — 464 с.

116. Париева Н.Е. Концепт "время" в японской лингвокультуре: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Н.Е. Париева; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. — М., 2017. — 23 с.

117. Переволочанская С.Н. Образ автора в научном дискурсе: метафоризация как средство формирования научных абстракций / С.Н. Переволочанская // Известия волгоградского государственного педагогического университета. — 2019. — № 2 (135). — С. 101–105.

118. Полное собрание законов Российской империи. Т. 5: 1713–1719: № 2620–3479 / Россия. Законы и постановления. — СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств.Е.И.В. канцелярии, 1830. — 780 с.

119. Попова Е.А. Авторская модальность как средство выражения антропоцентричности текста: автореф.... канд. филол. наук / Е.А. Попова; Липецк. гос. пед. ин-т. — Липецк, 1996. — 22 с.

120. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / И.Т. Посошков // Книга о скудости и богатстве и другие сочинения; ред. [послесл.] и коммент. д-ра ист. наук Б.Б. Кафенгауза. — М.: Академия наук СССР, 1951. — С. 5–244.

121. Посошков И.Т. О ратном поведении / И.Т. Посошков // Книга о скудости и богатстве и другие сочинения; ред. [послесл.] и коммент. д-ра ист. наук Б.Б. Кафенгауза. — М.: Академия наук СССР, 1951. — С. 245–272.

122. Православная энциклопедия «Азбука веры». — 2005. — Режим доступа: [http:// www.azbyka.ru](http://www.azbyka.ru)

123. Приходько Т.Ф. Образ рассказчика (рассказчик) / Т.Ф. Приходько // Краткая литературная энциклопедия в 9 томах. Т.9. — М.: Сов. Энцикл., 1978. — С. 575–577.

124. Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование / Н.М. Разинкина. — М.: Наука, 1978. — 211 с.

125. Репина Л.П. История исторического знания: пособие для вузов / А.П. Репина, В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова. — 2-е изд., стереотип. — М.: Дрофа,

2006. — 288 с.

126. Розанов В.В. О понимании: опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / В.В. Розанов. — М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1886. — 737 с.

127. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги: Краткое введение в библиологическую психологию / Н.А. Рубакин. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. — 291 с.

128. Рубакин А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря). — М.: Мол. гвардия, 1979. — 204 с.

129. Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. — М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1941. — 659 с.

130. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. — М.: Academia, 2005. — 640 с.

131. Серова Т.С., Белова Д.С. Диалог и диалогичность научных текстов в условиях письменного вербального общения // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. — № 2. — 2015. — С. 3–17.

132. Скафтымов А.П. Нравственные изыскания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках / А.П. Скафтымов; вступ. статья Е. Покусаева и А. Жук, С. 3–32. — М.: Худож. лит., 1972. — 543 с.

133. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр-е и дополн. — Назрань: Изд-во "Пилигрим". Т.В. Жеребило. 2010.

134. Словарь современного русского литературного языка. В 17—х тт. (БАС) // Под ред. В. И. Чернышева. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1948—1965.

135. Соколов А.Н. Теория стиля / А.Н. Соколов. — М.: Искусство, 1968. — 223 с.

136. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса: Монография / Г.Я. Солганик. — М.: Флинта, Наука, 2010. — 136 с.

137. Солганик Г.Я. О структуре речи (категории производителя и субъекта речи) / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология.

— № 4. — 2014. — С. 90–100.

138. Солганик Г.Я. Стилистика текста: Учеб. пособие / Г.Я. Солганик. — М.: Флинта, Наука, 1997. — 256 с.

139. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / С.М. Соловьев // Избранные труды. Записки. — М.: Изд-во МГУ, 1983. — С. 229–350.

140. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика / Г.В. Степанов; Отв. ред. Д.С. Лихачев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. — М.: Наука, 1988. — 380 с.

141. Степин В.С. Наука / В.С. Степин // Новая философская энциклопедия в четырех томах / Ин-т философии Рос. акад. наук, Нац. обществ.-науч. фонд; Науч.-ред. совет.: В.С. Степин [и др.]. Т. 3: Н-С. — М.: Мысль, 2010. — С. 23–28.

142. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [Л. М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. — М.; Наука, Флинта, 2003. — 694 с.

143. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад: [пер. с англ.] / А.Дж. Тойнби. — М.: АСТ: Астрель; Владимир: ВКТ, 2011. — 318 с.

144. Тынянов Ю.Н. Архаисты и новаторы / Ю.Н. Тынянов. — Л.: Прибой, 1929. — 595 с.

145. Тюхтин В.С., Пономарев Я.А. Отражение // Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 4. — М.: Советская энциклопедия, 1967. — С. 184–186.

146. Успенский Б.А. Семиотика искусства / Б.А. Успенский. — М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1995. — 357 с.

147. Успенский Б.А. Поэтика Композиции: Структура художественного текста и типология композиционной формы / Б.А. Успенский. — М.: Искусство, 1970. — 223 с.

148. Ухтомский А.А. Доминанта / А.А. Ухтомский. — СПб. и др.: Питер, 2002. — 448 с.

149. Федосюк М.Ю. Неявные способы передачи информации в тексте: Учеб. пособие по спецкурсу / М.Ю. Федосюк; Науч. ред. Н.А. Крылов; Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М.: МГПИ, 1988. — 82 с.
150. Федосюк М.Ю. Имплицитная предикация в русской речи: Дис. ... докт. филол. наук / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — М., 1989. — 407 с.
151. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. ЛФ. Ильичев и др. — М.: Сов. энциклопедия, 1983. — 839 с.
152. Флоренский П.А. История и философия искусства / П.А. Флоренский; под общ. ред. игумена Андроника (Трубачева). — М.: Академический проект, 2017. — 623 с.
153. Фриче В.М. Вольтер // Большая советская энциклопедия / гл. ред. О.Ю. Шмидт. — М.: Советская энциклопедия, 1929. — С. 73–77.
154. Хализев В.Е. Теория литературы: учебник для студентов вузов / В.Е. Хализев. — Изд. 4-е, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 2004. — 404 с.
155. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. — М.: Книжный дом «Либриком», 2011. — 240 с.
156. Чернявская В.Е. Интерпретация научного текста / В.Е. Чернявская. — М.: Издательство ЛКИ, 2007. — 128 с.
157. Чувакин А.А. Категория образа автора как инструмент интерпретации художественного текста / А.А. Чувакин // Проблемы интерпретационной лингвистики: автор — текст — адресат: межвуз. сб. науч. трудов. — Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2001. — С. 109–116.
158. Чувакин А.А. Теория текста: объект и предмет исследования / А.А. Чувакин // Критика и семиотика. — Новосибирск: НГУ, 2004. — Вып. 7. — С. 88–97.
159. Чудаков А.П. В.В. Виноградов и теории художественной речи первой трети XX века / А.П. Чудаков // В.В. Виноградов. Избранные труды. О языке

художественной прозы. — М.: Наука, 1980. — С. 285–315.

160. Шведова Н.Ю. К изучению русской диалогической речи: реплики-повторы / Н.Ю. Шведова // Русский язык: Избранные работы / Росс. акад. наук.; Отд-е историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 640 с.

161. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика: О газ.-информ. и воен.-публицист. переводе / А.Д. Швейцер. — М.: Воениздат, 1973. — 280 с.

162. Шкловский В.Б. Искусство как прием / В.Б. Шкловский // Поэтика: Сборник по теории поэтического языка. — Вып. I–II. — Петроград: Тип. З. Соколинского, 1919. — С. 101–114.

163. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты // Сочинения / Г.Г. Шпет; Ред. совет: В. С. Степин (пред.) и др.; Журн. "Вопр. философии" и др.; Предисл. Е.В. Пастернак. — М.: Правда, 1989. — С. 365–472.

164. Эйхенбаум Б.М. О прозе; О поэзии: Сб. ст. / Б.М. Эйхенбаум; Вступ. ст. Г. Бялого. — Л.: Худож. лит: Ленингр. отд-ние, 1986. — 453 с.

165. Юности честное зеркало или Показание к житейскому обхождению / собранное от разных авторов; напечатана повелением Царского Величества. Факсимильное издание. — М.: Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина; М.: Художественная литература, 1976. — 29 с.; 88 с.

166. Якобсон Р.О. Доминанта / Р.О. Якобсон // Хрестоматия по теоретическому литературоведению / Сост. И. Чернов. — 1976. — С. 56–64.

167. Foucault M. Nietzsche, la genealogie, l'histoire. // Hommage a Jean Hyppolite. — P., 1971. — P. 145–172.

168. Hyland K. Stance and engagement: a model of interaction in academic discourse / K. Hyland // Discourse Studies. — 2005. — Vol. 7. — № 2. — P. 173–192.

169. Hyland K. Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing / K. Hyland. — London: Longman, 2000. — 211 p.

170. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles

/ K. Hyland // English for Specific Purposes. — Vol. 20. — Iss. 3. — 2001. — P. 207–226.

171. Link H. Rezeptionsforschung: Eine Einführung in Methoden und Probleme / H. Link. — 2. edition. — S.: Kohlhammer, 1980. — 182 p.

172. Saussure F. Course in general linguistics / F. de Saussure. — N.Y.: Philosophical Library, 1959. — 240 p.

173. Schuchardt H. Der Individualismus in der Sprachforschung / H. Schuchardt // H. Schuchardt-Brevier. — 2-te Aufl. — Halle (Saale), 1928. — S. 432–433.

174. Wang N., Wang L. Text semantic field as a developing method of the author's image // European Publisher by results of International Scientific Conference «Social and Cultural Transformations in the Context of Modern Globalism» dedicated to the 80th anniversary of Turkayev Hassan Vakhitovich. EpSBS — Volume 92. — SCTMG 2020. — P. 1150–1156.

175. Weber Fr-Ch. Das veränderte Russland / Fr-Ch. Weber. — F.; L.: Försters. — Th. 1. — 1738. — 490 p.; —Th. 2. — 1739. — 247 p.; — Th. 3. 1740. — 243 p.